СЕТЕВОЙ КОМПЬЮТЕР: НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ Стр.70

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
4 МАРТА 1997
Итоги
ВМЕСТЕ С Newsweek®

МЫ ЕЩЕ ПОБОРЕМСЯ

Стр.34-40

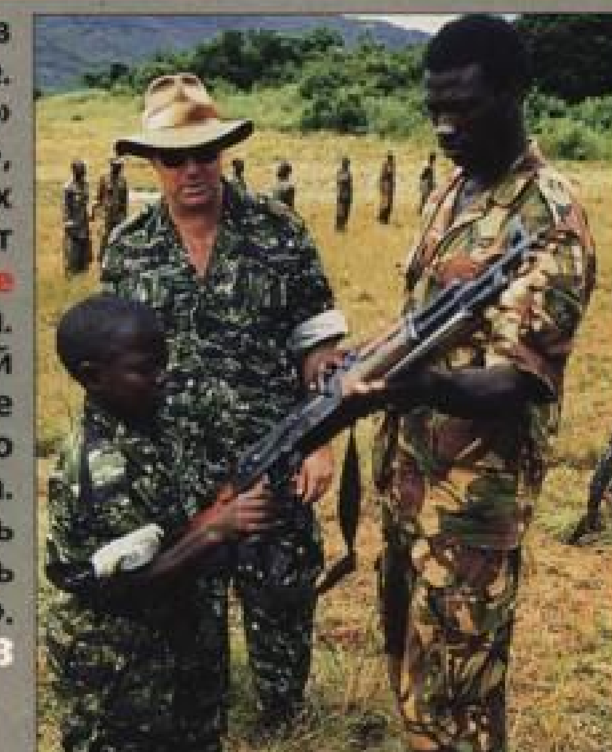
Новый правительственный кризис спровоцирован проектом Налогового кодекса. Эксклюзивное интервью Александра Лившица

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 4 марта 1997 **Итоги** № 9 (42)

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Налоговый кодекс еще не принят, но уже стал причиной правительственного кризиса и может стоить Александру Лившицу — и не ему одному — кресла в правительстве. Однако **лучше правительственный кризис сегодня, чем социальный взрыв — завтра.** Еще полгода нынешних «полуреформ» — и недовольство задержанными пенсиями, зарплатами примет лавинообразный характер. **Стр.34**

Вооруженные до зубов белые люди в Африке. Это не просто «псы войны» или «дикие гуси», а сотрудники легальных фирм, которые предлагают **насилие по сходной цене** в любой части планеты. Пора, когда монополией на законное применение силы обладало только государство, миновала. В образовавшуюся брешь ринулись «частные армии». **Стр.48**

Строго секретно
Российская Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

Уникальные архивные документы о побеге из СССР бывшего секретаря Сталина Бориса Бажанова. В первый день нового 1928 года, отправившись на охоту, Бажанов пересек границу Персии. Советские спецслужбы начали **охоту за охотником,** но операция кончилась провалом. **Стр.57**

На обложке фото **Бориса Бабанова**

Итоги

Еженедельный журнал
№ 9 (42), 4 марта 1997 года
Издатель ЗАО «Журнал «Итоги»
Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко
Заместитель главного редактора Маша Липман
Арт-директор Аркадий Троянкер
Консультанты (Newsweek) Рон Джаверз, Майкл Джоунз, Лиза Мичурски, Доринда Эллиотт
Ответственный секретарь Андрей Збарский
Заместитель ответственного секретаря Виталий Колбасюк
Выпускающие редакторы Владимир Орлов, Ирина Фрейдлин
Отдел дизайна Алексей Афанасьев, Ирина Борисова, Галина Грозная **(ведущий дизайнер)**, Максим Любановский, Федор Радлов
Фотослужба Олег Иванов **(директор)**, Галина Величко, Владимир Иванов, Дмитрий Иванов, Ирина Ирхина, Алиса Петрова
Отдел политики («В России»)
Сергей Авдеенко **(зав. отделом)**, Александр Гольц, Петр Журавлев, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Никита Соколов **(редактор)**, Владимир Тодрес, Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**
Отдел международной жизни («Вокруг России»)
Дмитрий Сабов **(зав. отделом)**, Рубен Бекназар-Юзбашев **(редактор)**, Евгений Крутиков, Евгений Пахомов, Дмитрий Погоржельский **(корпункт в Бонне)**, Сергей Строкань
Отдел экономики («Дело»)
Ирина Розенберг **(зав. отделом)**, Алексей Каменский, Елена Кузнецова, Андрей Серов, Светлана Солодовник **(редактор)**
Отдел общества («Общество», «Церковь»)
Андрей Быстрицкий **(зав. отделом)**, Татьяна Аскери **(редактор)**, Маша Гессен, Денис Драгунский, Борис Жуков, Елена Каменская **(редактор)**, Борис Старцев
Отдел искусства («Искусство», «Художественный дневник»)
Дина Годер **(зав. отделом)**, Юрий Гладильщиков, Марианна Голубовская **(редактор)**, Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**, Андрей Толстой
Отдел информационного обеспечения и досье Егор Быковский **(зав. отделом)**, Наталья Косарева
Переводы с английского Александр Богдановский, Екатерина Лазарева
Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина
Корректура Наталья Александрова, Белла Бурт, Лариса Долбина, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Пряжникова
Бухгалтерия Елена Пальчевская, Светлана Родионова, Оксана Ростокина
Референты Оксана Артюкова, Ирина Костылева, Анна Лощихина, Ольга Никушкина, Анна Старостина, Мария Стаценко, Елена Черкасова
Водители Михаил Егоров, Александр Жафяров

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail ITOGI@TOD.NEWSBOX.MSK.SU
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
Подписной индекс 75587
Учредитель ЗАО «Издательство «Семь дней»
Исполнительный директор Артур Селищев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева
Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Нана Цобехия **(директор)**, телефоны (095) 753.4145, 753.4146, факс 753.4148
Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Ирина Келина **(директор)**, Ольга Лытаева, телефон (095) 195.9236
Служба распространения:
Александр Магатаев **(директор)**, телефон/факс (095) 753.4104
Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется фирмой «Инком-Пресс», телефон (095) 195. 2149, факс (095) 195.0060
Телефон для справок по вопросам распространения (095) 753.4103
Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Василий Черный **(директор)**,
Павел Балаченков, Роман Балашов, Ирина Бархатова, Лев Галустов, Олег Детинин, Ольга Донецкова, Андрей Дугин, Илья Дьяков, Елена Зайцева, Анатолий Калчинский, Андрей Корзун, Александр Мелешкин, Саша Милоградова, Зоя Морозова, Владимир Остапцев, Валентин Писаревский, Владимир Скок, Алексей Чарский, Валерий Чиж
Номер подписан в печать 27 февраля 1997 года
Отпечатано в типографии **Algraphics** (Финляндия). Тираж 62 000 экз.

Погиб Вадим Бирюков

В минувший вторник наш друг и коллега генеральный директор акционерных обществ «Издательство «Семь дней» и «Журнал «Итоги» Дмитрий Бирюков потерял отца.

Само известие о смерти Вадима Осиповича Бирюкова и мгновенно распространившиеся в профессиональной журналистской среде сведения о страшных обстоятельствах этой гибели действительно потрясли нас: на 64-летнего человека напали вечером во дворе его дома, практически в центре города, когда он ставил машину в гараж, связали, залепили рот скотчем, зверски избили и бросили умирать в этом самом запертом гараже.

Мы очень надеемся, что наше сочувствие хоть немного поможет семье и близким Вадима Осиповича найти в себе силы, чтобы пережить горе. И полагаем себя вправе рассчитывать, что пристальное внимание, с которым мы намерены следить за развитием следствия по делу об этом преступлении, хоть немного уменьшит шансы убийц избежать справедливого наказания.

В очередной раз за последние годы известие о насильственной смерти известного и влиятельного человека порождает прежде всего навязчивые и, если вслушаться, бесконечно циничные пересуды на тему «кому же это он помешал?» или «кому бы и что могло от него понадобиться?» Вот и опять: участливые звонки из разнообразных редакций с просьбами о пояснениях чаще всего сводятся к одним и тем же вопросам.

Достаточно ли много Вадим Бирюков — в прошлом кадровый сотрудник служб безопасности — мог знать или помнить такого, что представляло бы какую-либо опасность для ныне здравствующих и процветающих бывших его коллег?

Достаточно ли серьезными были бюджеты и рекламные контракты, к управлению которыми Вадим Бирюков — заместитель генерального директора издательства «Пресс-Контакт» и шеф-редактор англоязычного журнала «Business in Russia» — имел прямой доступ, чтобы они могли заинтересовать какую-нибудь бандитскую группировку?

Достаточно ли шикарным, наконец, был автомобиль Вадима Бирюкова — «Ниссан-Максима», — чтобы какие-нибудь ублюдки, охотясь за «крутой тачкой», не остановились бы перед убийством ее владельца?

Ну, да, да, да. Ответ: достаточно — во всех трех случаях. По нашим временам — достаточно.

Хотя, если ориентироваться на первые заключения следователей, наиболее вероятной представляется третья — самая простая — версия мотивов убийства. Скорее всего, бандиты «засекли» привлекшую их внимание машину возле какого-нибудь престижного магазина, проследили ее путь до гаража и устроили там засаду. Случай тривиального налета. Вот только налетчики привыкли, что обычный их «клиент» в подобном случае тут же трусит, сдается, бросается наутек. А на сей раз человек решил постоять за себя...

Дмитрий Бирюков говорит об отце: «Это на него похоже. Он вообще боец был».

В самом деле, похоже. Автору этих строк, например, довелось относительно близко познакомиться с Вадимом Осиповичем совсем недавно, буквально за две недели до его гибели: нас свело участие в работе давосского Всемирного экономического форума. Могу свидетельствовать: этот человек — достаточно легкий в общении, любезный без всякой чопорности — держался с исключительным внутренним достоинством.

Среди шестеренок «самой совершенной и эффективной в мире машины человеческого общения», как назвал Форум один репортер, Вадим Бирюков чувствовал себя чрезвычайно уверенно и свободно. Дискуссии в Медиа-секции форума, одним из сопредседателей которой он был, день за днем собирали аншлаги: здесь усаживались за один стол лидеры крупнейших мировых информационных империй. А к примеру, организованное во многом его стараниями выступление главы «Майкрософт» Билла Гейтса и вовсе стало одним из наиболее заметных событий ВЭФ-97.

На помпезных приемах и в сверхдемократичных кулуарах форума его можно было увидеть в самой неожиданной компании: казалось, он мог поддержать разговор на любую тему, на любом языке, с любым собеседником. На нем ловко сидел смокинг. И фотоаппарат, который он никогда в те дни не снимал с плеча, удивительным образом этому смокингу не противоречил. Оказывается, слияние двух профессий — дипломата и журналиста — может получить зримое воплощение в некой униформе.

Вадим Бирюков знал себе цену и умел заставить собеседника эту цену почувствовать. Мягко. Спокойно. Но твердо.

Именно этого бандиты вынести и не могут: звереют. Но именно бандиты и способны решить, что человек стоит не дороже его машины.

Такой у нас город. Такая у нас жизнь.

Сергей Пархоменко

Верона в сетях Интернета

Арена ди Верона — первый в мире оперный театр, купить билеты в который теперь можно, не выходя из дома или офиса. «Торговая точка» открылась в начале февраля и доступна для всех желающих. Если ваш компьютер подключен к Интернету, достаточно набрать соответствующий адрес (http://www.arena.it), и компьютер выдаст вам всю информацию об истории и традициях Арены, покажет фрагменты опер, предложит выбрать и оплатить места на спектакли. Идея этого проекта возникла после того, как популярность ежегодного оперного фестиваля на Арене невероятно возросла, число зрителей достигло 600 тысяч, а доход от продажи билетов вырос с 17 миллионов долларов в 1994 году до 30,5 миллиона в 1996-м.

Приобрести билеты в Арену по Интернету могут, в частности, владельцы кредитных карт Visa и Master Card. Так что, возможно, уже в нынешнем году новым видом электронных услуг воспользуются и российские меломаны. Если вы не слишком богаты — знайте, что для расчетов через Интернет «полноценная» карта Visa вам не нужна. Существуют, например, карточки Visa Electron, придуманные исключительно для снятия денег через банкомат. Приобрести их можно во многих крупных московских банках за цену, на порядок меньшую, чем «настоящая» Visa, а иногда и вообще бесплатно. Так что было бы желание, компьютер и модем, и вы вполне в состоянии стать «виртуальным покупателем» в Повсеместно Протянутой Паутине (WWW).

Но предположим, что покупка билетов в театр Вероны в данный момент не входит в ваши планы. Вам вообще не до театра. Вы хотите сменить место жительства и уехать в Штаты. Представляете, что вас ждет? Предстоит оформить почти неподъемное для простого смертного количество различных документов и справок, ходить на собеседования в посольство, обнаружить, что все оформлено неправильно, и начать сначала. Попробуйте адрес http://travel.state.gov Госдепартамента США. Там вы найдете все возможные типы виз с пояснениями и комментариями; там же — страничка с наиболее часто задаваемыми вопросами и ответами на собеседованиях, все последние изменения в консульских требованиях к документам. На финальное рандеву в посольство вы явитесь во всеоружии.

И вот вы получили визу, но ехать в «никуда» не хочется. Сначала надо бы купить или хотя бы зарезервировать квартиру или домик. И не нужно терять неделю, объезжая на машине достаточно удаленные друг от друга кварталы с домами на продажу. «Зайдите» с помощью компьютера на один из риэлторских серверов и просмотрите имеющиеся предложения. А если что-то понравилось, можно «виртуально побродить» по приглянувшемуся дому, посмотреть, как отделана кухня, «выглянуть» из окна, оценить окрестности. Понравилось? Можно тут же, не отрывая рук от клавиатуры, оформить сделку. После чего на другом сервере закажите себе билет на самолет, на следующем — номер в отеле, если нужно (например, http://mediabridge.com/nyc/hotels — отели Нью-Йорка), потом столик в ресторане на Манхэттене, чтобы отпраздновать прибытие, — и можете смело отправляться.

Экономьте время и деньги — в очереди за вас может теперь «постоять» ваш компьютер. **И.С., Е.Б.**

Ларри Флинт против «Английского пациента»

На Берлинском кинофестивале-97 — сенсация: «Золотого медведя» получил не «Английский пациент», главный фаворит 47-го Берлинале и 12-кратный номинант на «Оскара», а довольно средняя картина «Народ против Ларри Флинта» (всего две номинации). Многие кинокритики усматривают в решении жюри, возглавляемого бывшим министром культуры Франции Жаком Лангом, традиционный для французов «антиатлантизм». Между тем Милоша Формана, режиссера ленты-победительницы, лишь с большой натяжкой можно считать представителем европейской культуры: последние неголливудские фильмы этот самый знаменитый чешский эмигрант, живущий в Лос-Анджелесе («Кто-то пролетел над гнездом кукушки»), снял еще в середине шестидесятых.

А вот вызов Американской киноакадемии со стороны Берлина вполне очевиден: ваш фаворит нам не указ.

В воскресенье 9 марта в Мельбурне стартует чемпионат мира по автогонкам «Формула-1». Среди претендентов на чемпионский титул Жак Вильнев из «Вильямс-Рено» и Михаэль Шумахер из «Феррари». Шансы Дэймона Хилла котируются невысоко

Прошлое нужно понюхать

Римляне стирали свои одежды в моче, а любовники в XVI веке обменивались на память яблоками, которые держали под мышкой. В прямом смысле «нюхнуть» старины предлагают английским школьникам специалисты издательства Oxford University Press. В марте на прилавках появятся первые учебные пособия по истории, которые можно условно назвать «соскреби и понюхай». «Среди всех ощущений, связывающих нас с прошлым, мы совершенно забываем о значении запахов. Приятно это или нет, но они должны обязательно сопровождать урок истории» — таково мнение автора книг Мэри Добсон.

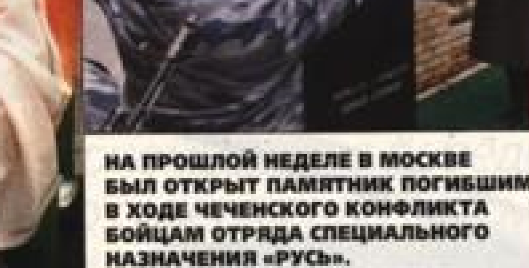
ШЛАГБАУМ

Соколов	↓	Президентский фотограф уволен — Ельцин очень уж им недоволен: «Почему я на фото Плохо выгляжу что-то, Понимаешь... Как будто я болен».
Лужков	↓	Мэр с утра был с народом согласен: Для Москвы Церетели опасен. Но под вечер решил: Все ж Зураб ему мил. Пусть еще понаставит орясин.
Собчак	↓	Бывший мэр Петербурга Собчак Ходит в суд, говорят, натощак. Репортеров он ест По пять-шесть за присест. У газет уж бюджеты трещат.
Якунин	↓	Поп-расстрига, мирянин простой Пострадал, как когда-то Толстой. И решеньем Собора Отлучен от кагора. В лавре Киевской ищет постой.

ТЕЛЕГРАФ

В Италии судят архиепископа

Итальянское, в особенности сицилийское, правосудие трудно удивить громкими делами. Но процесс, проходящий сейчас в Палермо, претендует на уникальность: во главе списка из пяти человек, оказавшихся на скамье подсудимых по обвинению в вымогательстве взяток, стоит высокопоставленный священнослужитель — архиепископ Сицилийский Сальваторе Кассига. По обвинительному заключению 75-летний прелат, являющийся председателем фонда правления норманнского кафедрального собора XII века в пригороде Палермо, вместе с подельниками требовал до десяти процентов от суммы каждой сделки при найме подрядных организаций при ремонте собора. Кроме того, архиепископу инкриминируется передача подрядов «своим людям», перевод денег со счетов фонда на собственные частные счета.

На прошлой неделе в Москве был открыт памятник погибшим в ходе чеченского конфликта бойцам отряда специального назначения «Русь».
Средства на него были собраны военнослужащими этого отряда, потерявшего в Чечне 15 человек

Горячие финны предпочитают холодное оружие

Проект нового закона об огнестрельном оружии, который будет рассматриваться парламентом Финляндии весной этого года, предложит гражданам несколько более жесткие условия лицензирования. На самом деле, по мнению высших чинов финской полиции, необходимости в этом практически нет: финны питают большое пристрастие к холодному оружию. По статистике стволы используются менее чем в одной трети совершаемых убийств. Типичный для Финляндии случай стрельбы — это когда подгулявший отец вваливается домой и в депрессии расстреливает все семейство. Впрочем, как утверждают полицейские, не будь у него ружья, такая семья все равно погибла бы от топора.

В Уругвае погибают морские львы

Вслед за японскими спасателями, очищающими берега от мазута, что вылился из танкера «Находка», то же самое начали делать экологические службы Уругвая. 8 февраля панамский танкер «Сан Джорджо», перевозивший 200 000 тонн сырой нефти, сел на мель вблизи курорта Пунта дель Эсте. Разлившаяся нефть испортила великолепные песчаные пляжи страны. Но на прошлой неделе ситуация обострилась: нефтяное пятно подошло к заповеднику «Исла де Лобос», где обитают около 200 тысяч морских львов. Несколько десятков животных уже перемазались нефтью, и, по прогнозам ученых, около 5000 львов, главным образом детеныши, могут погибнуть из-за того, что животные наглотались сырой нефти.

Консервативный подиум

Стоило модельеру Вивьен Вествуд выпустить в своих нарядах на подиум лондонской недели моды тринадцатилетних моделей, как тут же разразился скандал. Вместе с тем девчушки из национальной команды Великобритании в возрасте 12 — 15 лет выступают на гимнастическом подиуме, а одеты они не менее смело, чем модели. Мир меняется быстрее, чем нравы жителей туманного Альбиона.

Частный ледник по сходной цене

Французская семья Фернандез продает за 5 млн. франков (около 880 000 долларов) свой ледник. Цена участка альпийских гор, по утверждению представителя семьи, снижена до минимума: «13 квадратных метров ледника стоят столько же, сколько батон хлеба». Несмотря на то, что он расположен в районе курортов Мерибел и Валь Торен, избавиться от него не так просто. Уже 30 лет Фернандез пытаются продать свои владения. Так что вся надежда на «новых русских».

Журнал «Итоги» на антресолях ЦДХ

С 3 по 8 марта залы Центрального дома художника будут отданы ярмарке современного искусства «Арт-Москва», Второму антикварному салону и «Артпресс-фесту» — фестивалю средств массовой информации, занимающихся искусством. Стенды СМИ, в том числе и нашего журнала, расположатся на антресолях, а в конференц-зале пройдут научные дискуссии и специальные шоу-программы.

Самое длинное платье

Шестидесятилетняя Мария Лике была счастлива, когда по центральной улице испанского городка Торремолинос она продефилировала в самом длинном на планете платье. Диаметр наряда был 8,5 метра, а шлейф вытянулся аж на 100 метров. Соседка, донья Августина, от зависти рвала свои наряды, а мэр городка подал заявку в Книгу рекордов Гиннесса.

Близко к дому и по силам

Таков, видимо, принцип выбора работы в России. Во всяком случае, если верить опросу ВЦИОМ, проведенному в конце 1996 года по общероссийской репрезентативной выборке в 12 399 человек. Респондентам было предложено ответить на вопрос «Что в вашей нынешней работе для вас наиболее привлекательно?». Результаты приведены в % от опрошенных (респондент мог выбрать несколько ответов):

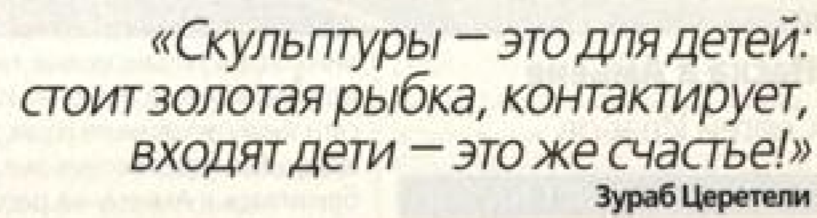
По информации «Итогов», REUTER, Интерфакс, ИТАР-ТАСС, AFP, DPA ФОТО REUTER, AP, ЮМИНА-ПРЕСС, А. Батчана, Gianfranco Fainello

«Вот когда веселее у вас просят деньги, вы же легче их отдаете?»

Александр Починок

«Ни одна страна, кстати, в расплывчатом состоянии не встала с колен. Проводя расплывчатую политику. Я как раз за революционный здесь подход. Не отменим, не поставим все на места свои — не продвинемся. Нас растаскивают, мы сами себя растаскиваем, сами себя размазываем...»
Виктор Черномырдин

«Правительство Черномырдина победило инфляцию, что очень важно, но совершенно бессмысленно».
Михаил Юрьев, вице-спикер Думы

«Скульптуры — это для детей: стоит золотая рыбка, контактирует, входят дети — это же счастье!»
Зураб Церетели

«Во втором чтении мы все поработаем и сделаем так, чтобы у нас дети рождались».
Альберт Макашов

«Сегодня речь уже идет о виртуальном сексе. Вообще ужас!»
Станислав Говорухин

«Надо вообще вынуть тело из Мавзолея и передать на хранение коммунистам».
Галина Старовойтова

«Что делать, чтобы чиновник не довлел над разными проблемами выше, чем мы с вами?»
Борис Ельцин Черномырдину

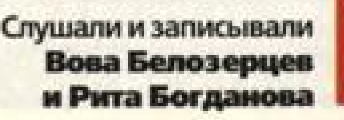
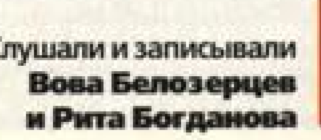
«Президент главный. Он сам ничего не делает и другим не дает — вот в чем вопрос».
Алексей Арбатов, зам. председателя Комитета Госдумы по обороне, депутат от «Яблока»

«По Березовскому распространяется письменная информация».
Геннадий Селезнев

«Меня и на рынке можно увидеть, я там в кепке, где-то как Юрий Михайлович, где-то одел кепку и инкогнито пошел».
Александр Лукашенко

«Даже вот мне непонятно: что такое ограничить сексуальные услуги? Это что: значит, по телевидению нам будут показывать только женщин, раздетых до полу?»
Анатолий Грешневиков, депутат от «Народовластия»

«Видимо, все-таки какие-то взаимонеприемлемые версии находят сближение».
Александр Котенков

Слушали и записывали
Вова Белозерцев и Рита Богданова

ПАНОРАМА АМЬЕНА. ГРАВЮРА XVII ВЕКА

Пасха в Амьене

Сергей Иванов

РОВНО 400 ЛЕТ НАЗАД

НА ЗАПРОС ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ Генриха IV, готов ли город Амьен стать базой для задуманного им на Пасху наступления против Испанских Нидерландов, мэр города Пьер де Фамешон ответил, что вся Пикардия обескровлена эпидемией, поэтому Амьен может разместить амуницию и магазины, но прокормить большой гарнизон не в силах. Вот так вышло, что город с 40 пушками и 800 бочками пороха охранялся лишь самими горожанами.

Обо всем об этом испанцам сообщил перебежчик Жан Манье, чей сын был недавно повешен по обвинению в предательстве. Главнокомандующий Хернан Телло Портокарреро сначала не поверил и послал через границу своего сержанта Франсиско дель Арко, свободно говорившего на пикардийском диалекте. Переодевшись крестьянином, тот вошел в Амьен и убедился, что все так и есть.

В ночь с 10 на 11 марта 1597 года в обстановке строжайшей тайны испанские отряды из Дуллана, Ипра, Мобежа, Кале и Камбре пересекли французскую границу и соединились у деревни Орвиль. Ударили заморозки, так что идти было легко. Колонна из десяти тысяч пехотинцев и шестисот всадников через восемь лье приблизилась к Амьену на расстояние выстрела из аркебузы и замаскировалась вокруг церкви Сан-Монтан. Начало светать, но на счастье испанцев видимость все равно была плохой из-за густого холодного тумана.

В 7 утра к торфяным кострам, у которых грелись стражники городских ворот Монрескю, один за другим начали не спеша подсаживаться люди, одетые в длинные холщовые «сукенильи» — обычную одежду французских бедняков. Это был сержант дель Арко со своими двенадцатью головорезами.

В 8 утра к воротам подъехала телега с бревнами, запряженная тремя лошадьми. Возница (испанский капитан Доньяно) на местном наречии попросил часового открыть ворота, и двойная железо-деревянная решетка медленно поползла вверх.

Тут сзади подошли еще десять крестьян, несших в город мешки с яблоками и орехами. Когда они поравнялись со стражей, один мешок совершенно случайно развязался, и орехи покатились под ноги часовым.

К этому моменту телега совсем уже было въехала в арку бастиона Монрескю — но вдруг остановилась в точности под решеткой. Доньяно одним махом перерезал постромки и вырвал болт, которым крепилось дышло. В ту же секунду все нищие, гревшиеся у костров, и крестьяне, собиравшие рассыпавшиеся орехи, вытащили из-под одежды пистолеты и кинжалы и бросились на стражников. Из-за поднявшейся пальбы лошади дернулись вперед, но телега осталась на месте, так что, когда решетка ворот с грохотом упала, ее зубья уперлись в бревна и не достигли земли.

Заслышав стрельбу, на улицу Монрескю заполошно повыскакивали свободные от караула стражники, коротавшие время по трактирам, но в бастион уже ворвались двести испанцев. В скоротечном бою горожане потеряли сорок человек и обратились в бегство.

Через ворота в Амьен широкой рекой втекала испанская армия. В городских церквах ударили в набат. Обыватели, собравшиеся в кафедральный собор Нотр-Дам, чтобы послушать предпасхальную проповедь, в панике, давя друг друга, бросились врассыпную. За полчаса вражеская кавалерия захватила арсенал и основные перекрестки. Испанцы со взведенными мушкетами бегали по улицам и стреляли во всякого, кто высовывался из дому. Амьен пал. Никогда ни до, ни после испанцы не подходили так близко к Парижу. Операция стоила им всего пятерых убитых.

На ступени мэрии вышел дрожащий и бледный Пьер де Фамешон. Подъехавший к нему испанский капитан Такконе, усмехнувшись, процитировал по-латыни Евангелие от Луки: «Очень желал я есть с вами сию пасху». ■

Парад цитат по поводу праздника

Евгений Попов

ЖЕНСКОЕ

НА СВЕТЕ ДО СИХ ПОР ОСТАЛОСЬ много таинственного. Взять, к примеру, праздник, носящий гордое имя 8 Марта. Праздник, уверенно занимавший согласно советской иерархии ценностей свое место в ряду таких первостепенных, как 7 Ноября, Новый год, 1 Мая.

Вы помните, какое энергическое оживление наблюдалось в этот день с утра в те старые добрые времена, и серьезный лик коммунистической супердержавы кривило некое подобие снисходительной улыбки слабому полу тружениц-товарищей.

Помните, какой энтузиазм царил с утра в многочисленных советских конторах в предвкушении легализованной выпивки и приятного междусобойчика?

А тюльпанчики и мимоза от спекулянтов по немыслимым тогда ценам?

А шутки из журнала «Крокодил», органа ЦК КПСС: служащая загса говорит во время регистрации брака советскому донжуану, который женится в ВОСЬМОЙ РАЗ: «Поздравляю вас с восьмой МАРТОЙ!» Здорово в смысле концептуализма!

Но что это такое, ВОСЬМОЕ МАРТА?

Вот что гласит Большой энциклопедический словарь за 1991 год, тот самый знаменитый ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ словарь, где впервые не облаяли академика Сахарова.

Это «день международной солидарности женщин в борьбе за экономическое, социальное и политическое равноправие. Решение о ежегодном праздновании международного женского дня принято в 1910 году на 2-й Международной конференции социалисток в Копенгагене по предложению Клары Цеткин. Впервые проведен в ряде европейских стран в 1911 году, в России — в 1913. В СССР — всенародный праздник».

Еще одна цитата. На этот раз — из СЭС (не из санэпидслужбы, а из Советского энциклопедического словаря) за 1980-й, год «брежневской» Олимпиады: «В социалистических странах в этот день проводится смотр достижений в социалистическом строительстве».

Вот так-так! Чудны дела твои, Господи! Всю жизнь я прожил в так называемой социалистической стране и никогда не замечал Восьмого марта какого-либо «смотра достижений». Если не считать «соревнованием» то, что женщины в этот день всегда были особенно красивые. И все всегда знали, что сегодня — праздник, какая бы погода ни стояла на дворе.

И не МЫ им, а ОНИ нам устраивали этот праздник — и выпивали, и флиртовали, и танцевали под магнитофон. И плевать им и нам было в этот день на любое строительство — хоть социалистическое, а хоть даже и наоборот!

И последняя цитата. Очень длинная, зато уж вполне марксистская и откровенная. Малая Советская Энциклопедия, 1931 год.

«Международный коммунистический (так в тексте. — **Е. П.**) женский день, праздник трудящихся женщин, созданный для политического воспитания работниц и вовлечения их в движение пролетариата. В бесправии трудящихся женщин при капиталистическом строе, в семейно-бытовых условиях, в сравнительно позднем массовом вступлении женщин в армию промышленного пролетариата — причина большой отсталости работницы, ее неорганизованности, используемой буржуазными женскими организациями (феминисток).

Коминтерн проводит 8 Марта под лозунгами: борьба работницы против наступления капитала, против империалистических войн, за привлечение женщин к борьбе за диктатуру пролетариата. В СССР это день проверки участия работниц и крестьянок в социалистическом строительстве, праздник нового быта, мобилизация сил для международной революции».

Ну, насчет «международной революции» все в порядке — таковой больше не имеется. Зато вдруг становится понятным, откуда появилось в последующих энциклопедиях это бредовое «социалистическое строительство»... А вообще-то очень мило все звучит, особенно если учесть, что тридцать первый — это год, когда раскулачивали, ссылали, когда набирал обороты тот механизм, который привел женщин в лагеря и тюремные очереди, где Анна Ахматова и Лидия Чуковская стояли рядом с «работницами и крестьянками».

И все же праздник действительно стал всенародным. Потому что не идеология победила женщину, а совсем наоборот — женщина победила это железобетонное учение.

«Потому что женщина — стихийный враг этой идеологии, точно так же, как облака, небо и земля. Короче говоря, как та самая КРАСОТА, которая, по утверждению Достоевского, способна спасти МИР. Мир во всех смыслах этого слова», — утверждаю я, нисколько не опасаясь быть заподозренным в sexual harassment. ■

Сказка, быль или программа президента

Впервые глава государства собирается обнародовать реальный перечень дел на ближайшие три года. Вопрос лишь в том, кто и как их будет реализовывать

Дмитрий Пинскер

ЭНЦИКЛИКИ

ГОД НАЗАД, ВЫСТУПАЯ С ПОСЛАНИЕМ ПАРЛАМЕНТУ, **ПРЕЗИДЕНТ БЫЛ СУРОВ И РЕШИТЕЛЕН.** ЧТО ЖДЕТ ЗРИТЕЛЕЙ НА ЭТОТ РАЗ?

НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ ДОЛЖНО НАКОНЕЦ СОСТОяться долгожданное событие: оглашение президентом своего ежегодного послания Федеральному собранию. Работа над ним была начата в середине декабря, и уже к Новому году глава государства получил «рыбу» — черновой вариант. Вначале президентская команда планировала собрать парламентариев, как и в прошлые годы, в середине февраля, однако помешала очередная ельцинская болезнь. Двустороннее воспаление легких отодвинуло торжественную процедуру на несколько недель.

День 6 марта, когда депутаты Думы и сенаторы соберутся в Кремле, в Мраморном зале (он же бывший зал пленумов ЦК), должен стать днем, завершающим период неопределенности в российской политике, который из-за выборов главы государства, а потом из-за болезни Ельцина растянулся больше чем на год.

Послание само по себе, насколько можно судить по тем проектам, которые последние два месяца ходили по Москве, представляет немалый интерес. Тем не менее внимание наблюдателей и слушателей будет направлено главным образом на самого президента, а также на события, которые продолжают разворачиваться в его команде.

Четыре против одной, или Громоотвод

Ни у кого в Кремле не вызывает сомнений, что во время выступления Ельцина весь мир с бóльшим вниманием будет разглядывать президента, нежели слушать его. По сути обращение к Федеральному собранию будет первой публичной акцией главы государства с момента его избрания. Ведь до сих пор Ельцин либо проводил редкие узкие совещания, либо появлялся на публике для демонстрации своего здоровья, физической формы, способности управлять государством и готовности «дать сдачи». Последний раз подобная демонстрация состоялась 23 февраля у могилы Неизвестного солдата.

Впрочем, 6 марта от президента будут ждать презентации не только хорошей физической формы, но и демонстрации политической решимости и концепции дальнейших действий.

Последнюю неделю московский политический бомонд усиленно обсуждал грядущую отставку премьера Виктора Черномырдина. Вопрос считался решенным окончательно и бесповоротно. Уже назывались и кандидатуры преемников: Чубайс, Строев, Куликов.

Поводом для толков послужило жесткое заявление президента премьеру в прошлый понедельник: «Многие россияне недовольны правительством, его председателем, соответственно недовольны и президентом. Меня это беспокоит. Может, кого-то из тех, кто не выполняет своих обязанностей в правительстве, следует сменить».

Несомненно, этот пассаж можно было бы рассматривать как последний звонок и сигнал скорой отставки — случись это впервые. Однако монаршие громы обрушиваются на голову Черномырдина не впервой. Тем более естественно их было ожидать сейчас, когда президент после несколько затянувшегося лечения возвращается к работе — при повсеместных криках о наведении порядка.

Достаточно вспомнить события двухмесячной давности, когда возвращению Ельцина в Кремль после операции предшествовала волна слухов о значительных кадровых перестановках. Ждали отставки Чубайса, Потанина и Лившица. Тогда президент тоже произнес грозную тираду в адрес нескольких вице-премьеров. Однако уволили лишь Аллу Вдовенко, руководителя Федеральной службы по обеспечению госмонополии на алкогольную продукцию.

Можно предположить, что и на этот раз ситуация повторится. Вновь заговорили об отставках Потанина и Лившица (вместе с отставкой Черномырдина или вместо нее). Однако скорее всего в Кабинете министров найдут очередного стрелочника и спишут на него все беды. На этот раз, конечно, статус виноватого может быть повыше. Но, как утверждают чиновники в правительстве, с которыми довелось пообщаться в последнее время, стрелочник может отделаться выговором. И даже не потому, что за него кто-то заступится, а просто потому, что следом за увольнением должно последовать назначение. По части кандидатов на руководящие должности, особенно в социальной сфере, наблюдается, мягко говоря, дефицит.

Так что если кого-то и снимут, то одновременно с ликвидацией поста. Кого-нибудь совсем бесполезного — например, Олега Лобова, получившего вице-премьерские погоны исключительно за заслуги перед демократией и президентом. Ведь даже на место вице-премьера по социальной политике не могут найти добровольца-камикадзе (занимающий этот пост Виктор Илюшин, по словам правительственных чиновников, действительно не справляется с ситуацией).

Что до премьер-министра, то ему и подавно ничего не угрожает. Его заслуги, особенно в последние полгода, когда он фактически заменял президента, слишком велики, чтобы наказывать за просчеты подчиненных министров или не подчиненных ему губернаторов и директоров заводов.

Черномырдина уже не раз «снимала» пресса: после «черного вторника» в 94-м; в начале осени 95-го, после того как премьер продемонстрировал свою способность действовать и принимать политические решения самостоятельно — разрешил кризис в Буденновске и инициировал переговоры в Грозном; год назад, когда накануне выборов требовался козел отпущения. Каждый раз «отставке» предшествовали грозные тирады. В прошлом году, выступая с очередным посланием Федеральному собранию, президент фактически дал понять, что дни Кабинета министров сочтены: «Либо правительство сумеет решить поставленные перед ним задачи, защитить социальные и экономические права людей, либо это будет делать уже другое правительство».

Однако за пять с лишним лет работы Черномырдин лишь раз ушел в отставку — минувшим летом, когда этого потребовала Конституция: «Перед вновь избранным президентом РФ Правительство слагает свои полномочия». Ушел, чтобы сразу вернуться.

И на этот раз, выступая перед депутатами Думы и членами Совета Федерации, президент не может вновь не пригрозить всему правительству и даже лично премьеру. Но опять без ощутимых последствий. Избавляться от премьера у президента нет никаких оснований: Ельцин никогда не найдет на это место более верного соратника и лучшего преемника на следующих выборах, и тем более он не найдет политика, готового взвалить на себя весь ворох хозяйственных проблем и, вяло огрызаясь, тащить их на себе, выполняя роль громоотвода. Есть и еще один довод в защиту Черномырдина — он единственный, кому, по разумению кремлевских мыслителей, можно доверить сложную процедуру реорганизации правительства и системы исполнительной власти в целом.

Реорганизация, как и было сказано

Слова о необходимости преобразования правительства, дабы «оно стало более мобильным, более оперативно решало вопросы, которые возникают», прозвучали из уст президента все в тот же памятный понедельник 24 февраля. Сутки спустя премьер сообщил журналистам, что речь идет о ремонте не косметическом, но капитальном.

Стоит отметить, что принципиально новую схему построения исполнительно-распорядительной власти президенту предлагали давно. В последний раз, когда прошлым летом формировалось новое правительство. Тогда Ельцину рекомендовали отказаться от советской — отраслевой — системы управления и перейти на так называемую программно-функциональную. Однако в то время главе государства было не до реформ: у него болело сердце, да к тому же необходимо было наградить соратников за усердие в период предвыборной кампании. Потом опять награждали — но уже за смелость, проявленную в боях с Лебедем.

При этом «коллективный Ельцин» стремился сохранить прежнюю модель, основанную на системе сдержек и противовесов. Всем памятен треугольник Черномырдин—Чубайс—Сосковец, когда непрекращающаяся межклановая склока толкала вперед всю машину. Пусть не равномерно, но хотя бы скачками. Однако попытка воссоздать подобную конструкцию привела к появлению в Белом доме диковинной многоугольной фигуры, все движение которой сводится к вращению вокруг собственной оси. Управлять ею почти невозможно, поскольку, по словам одного высокопоставленного правительственного чиновника, невозможно точно сказать, кто за что отвечает и кто кем и чем командует. «И все понимают, что надо что-то менять, но никто ничего делать не хочет».

По имеющейся информации, сейчас и в правительстве, и в президентских структурах предпринимаются попытки разработать более или менее понятную программу реорганизации. По данным из информированных источников, Борис Ельцин хочет уже в ближайшие месяцы увидеть соответствующий документ у себя на столе, после чего опубликовать его «для всенародного обсуждения» и к концу года принять окончательное решение. Однако пока никто ни в Кремле, ни в Белом доме не решается четко сформулировать хотя бы основные положения этой самой реорганизации.

Возможно, отправной точкой для конкретной работы станет предстоящее президентское послание Федеральному собранию.

ПРЕМЬЕР И ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛИ. ОНИ ВСЕ ХОДЯТ НЕ ПОД БОГОМ, А ПОД ПРЕЗИДЕНТОМ

Традиции и новаторство

По большому счету документ, который президент оглашает в начале года в соответствии с Конституцией, лишь однажды можно было рассматривать как настоящее послание парламенту. Было это в 1994 году, когда сам жанр подобного общения главы государства с депутатами был в новинку. Тогда, после принятия нового Основного закона глава государства наметил для депутатов приоритетные направления законодательных трудов.

Но парламентарии — народ вольный. Они стали работать по собственному плану, мало обращая внимание на пожелания и требования президента. И постепенно форма посланий Федеральному собранию переродилась в некий канон, напоминающий стародавние партсъездовские отчеты, где были и экскурсы в историю, и анализ политико-экономической ситуации, и рапорты о положительных сдвигах, и короткий перечень стоящих перед руководством страны задач. На 99 процентов документ состоял из чистых деклараций и призывов, которые к тому же были обращены по большей части к правительству.

Что до реальных пожеланий в адрес парламента, то они по сути не менялись и содер-

В РОССИИ

ВИКТОР ЧЕРНОМЫРДИН. ОТСТАВКА ЕМУ НЕ ГРОЗИТ. ЕМУ ГРОЗИТ РЕФОРМА ПРАВИТЕЛЬСТВА

жали повторяющийся из года в год перечень тем: больше внимания уделять федеральным конституционным законам и разного рода кодексам, ускорить работу над законом о законах (о порядке принятия документов), обратить наконец внимание на закон, определяющий основные принципы организации исполнительной власти, соблюдать Конституцию при разработке законов (в первую очередь это касается документов, которые должны регулировать вопросы собственности на землю) и, если говорить без дипломатических экивоков, прекратить заниматься глупостями и бесконечным лоббированием «узковедомственных интересов».

Все эти пожелания кочевали из послания в послание. Эффекта как не было, так и нет. Но традиция — превыше всего.

Однако на этом сходство послания-97 с предыдущими опусами заканчивается. Внимательный анализ документа, который перестанет быть проектом в нынешний четверг, позволяет сделать вывод, что на этот раз послание куда более конкретно и содержит вполне реальную программу мер по наведению порядка в стране.

Строго говоря, это симбиоз платформ двух кандидатов в президенты на выборах 1996 года: Ельцина (в той части, где речь идет о реформе системы государственного управления и о новшествах в отечественных финансах) и Лебедя (там, где дело касается правопорядка и безопасности). При этом велосипед никто изобретать не пытался. Все идеи так или иначе были продекларированы год назад в послании под названием «Россия, за которую мы в ответе» в главе «Завтрашний день России».

Видимо, теперь этот самый завтрашний день наступил.

Зоны особого внимания

Только сильная власть, способная к разумным решениям и обеспечивающая их исполнение, в состоянии выполнить свои обязательства. Таков лейтмотив всего послания. (В тон ему в черновых вариантах стали появляться милые шутки разработчиков: «Перед государством — президентом, правительством, Федеральным собранием — стоят следующие задачи, которые оно обязано выполнить в наступившем году: научиться говорить правду...»)

Первоначально документ предполагалось назвать просто и коротко: «России нужен порядок!». Под эту идею была написана довольно большая и грозная первая глава о необходимых преобразованиях в системе государственной власти и, главное, о том, как их достичь. По мере подготовки грозные декларации были вычеркнуты, суровый призыв – к порядку был перенесен в текст, а документ обрел новое название: «От порядка во власти – к порядку в стране». Теперь приоритетом в реформе исполнительной власти обозначено усиление регулирующей и контрольной функций.

В послании есть идея усиления ответственности чиновников за свою работу (одновременно с повышением престижности государственной службы). Есть и старая затея Сергея Шахрая возродить так называемый кадровый лифт, который должен не только поднимать служащего из региона в Москву, но и возвращать его обратно. Однако реализация этих здравых идей требует серьезных денежных вливаний. А денег нет и не предвидится.

Что до порядка, то есть борьбы с организованной преступностью и коррупцией, то в этом разделе все-таки больше голых деклараций и призывов (вперемешку с умеренной самокритикой). В частности, президент признает, что, объявив войну преступности, власть так ее и не начала. Из более или менее конкретных пассажей по-настоящему нов лишь один: теперь роль первой скрипки в антикриминальном оркестре должен сыграть министр внутренних дел, которому будет поручено координировать действия всех ведомств.

Определенные надежды возлагаются и на судебную власть, которая, может быть, больше других выиграет от новых затей главы государства. Со следующего года предполагается обеспечить приоритетное финансирование судов. И можно предположить, что так оно и будет, поскольку, как следует все из того же документа, теперь президент намерен еще более внимательно следить за бюджетом на всех стадиях его принятия и исполнения.

Стоит отметить, что именно экономическая часть послания, которая в прежних произведениях была скучна и неконкретна, на этот раз вполне справедливо вызывает интерес.

Здесь и требование в кратчайшие сроки разработать концепцию и приступить к реализации реформы жилищно-коммунального хозяйства, активизировать пенсионную и налоговую реформы. Есть и очередной призыв ускорить переход к адресной социальной политике.

Но куда больше президент, судя по всему, озабочен проблемами разворовывания денег, уходящих из Москвы в регионы по защищенным статьям бюджета (пенсии, стипендии и зарплаты), а также, говоря бюрократическим языком, нецелевого использования бюджетных средств разного рода ведомствами.

Надо особо отметить, что в Кремле давно пытаются приструнить региональных начальников, которые позволяют себе использовать не по назначению зарплатные деньги. При этом раздражение Москвы вызывает не только сам факт «умыкания» средств, но и постоянные попытки свалить вину за задолженность на федеральный центр. Однако все попытки строго спросить с губернаторов умирают, так и не родившись: президентская команда боится портить отношения с губернаторами, которые раз в месяц приезжают в российскую столицу, чтоб поработать сенаторами, а членов Совета Федерации Кремль лелеет, рассматривая их как противовес нижней палате.

И все-таки ничего совсем не делать нельзя. Порядок наводить надо. И в послании появилось требование к Минфину размещать все свободные средства органов исполнительной власти на счетах в ЦБ или...

Вот тут-то и начинается самое интересное.

В первых версиях послания не было никаких «или». Был просто Центральный банк России. Это, несомненно, огорчало и коммерческие банки, которые традиционно рассчитывали на бюджеты разных ведомств, и чиновников этих ведомств, которые традиционно работали с этими банками. Нет оснований подозревать кого-то конкретно в президентском окружении в лоббистских настроениях. Однако в поздних версиях послания присутствует это самое «или», за которым следует разрешение размещать средства не только в ЦБР, но и в абсолютно надежных коммерческих банках. Конечно, сделана масса оговорок. Например, подобная практика допускается только на платной основе и только в случае крайней необходимости.

Что до пенсионных и зарплатных денег, которые, покидая Москву, загадочным образом исчезают где-то в провинции, то для контроля за ними уже давно придумана система казначейства, которая обеспечивает адресность всех бюджетных выплат и отсутствие посредников. Ее введение грозило местным начальникам и заводским руководителям значительными потерями «левых» доходов. Не очень нравилась затея с казначейством и уполномоченным банкам. Так что поручение президента — развернуть к концу года всю систему и сделать так, чтобы с 98-го года исполнение бюджета перешло на новую схему, — может быть успешно провалено.

По словам правительственных экспертов, Федеральное казначейство не готово к этой работе, как бы ни хорохорились его руководители. Даже если удастся выполнить первую половину поручения, то перейти полностью на казначейскую систему исполнения бюджета не удастся из-за неповоротливости отечественных государственных финансовых институтов. Единственный выход, который видят правительственные чиновники — сформировать группу уполномоченных коммерческих банков с государственным участием, посадить в них казначея и проводить все операции через эти негосударственные структуры.

Дело за малым — исполнить

Уже давно из-за кремлевских стен не появлялось столь серьезной, подробной программы действий, как новое послание президента Федеральному собранию. Там достаточно много новых идей, конкретных предложений, значительно меньше воды и общих рассуждений на отвлеченные темы, чем в прежних документах. Причем речь идет о долгосрочной программе действий на весь срок правления Бориса Ельцина.

Президентские советники утверждают, что теперь послания главы государства всегда будут такими же насыщенными. По их словам — таково требование самого Ельцина. Его помощники обещают также постараться и сделать все, чтобы президент обращался к парламенту и нации не в марте и не в феврале, а сразу после новогодних праздников.

Однако огонь в глазах кремлевских собеседников начинает гаснуть, как только речь заходит о реализации всего, что в послании понаписано. И пессимизм в Кремле вызывает не только и не столько мысль о Думе, которая из года в год игнорирует требования президента. Депутаты даже не всегда считают необходимым читать документ.

Когда речь заходит об исполнении послания, наибольшие сомнения вызывают как раз предполагаемые действия исполнительной власти.

Кремлевские чиновники утверждают, что уже создан механизм учета, контроля и, если понадобится, наказания. В ноябре прошлого года президентом был подписан указ об усилении надзора за исполнением собственных распоряжений. Контрольное управление администрации наделялось дополнительными полномочиями и становилось своего рода отделом внутренних расследований в системе исполнительной власти. Наши источники также утверждают, что сразу после опубликования послания должен быть подписан указ, в котором будут четко прописаны сроки исполнения президентских поручений и названы ответственные лица. И далее — Контрольное управление вместе с кремлевскими кадровиками будет следить за правительством и министерствами, от имени президента требовать отчета о проделанной работе и по итогам проверки готовить донесения президенту.

Впрочем, в правительстве подобные известия особого беспокойства не вызвали. По мнению некоторых чиновников, Контрольному управлению всегда можно будет продемонстрировать целую папку документов, где записано много громких и суровых слов с перечислением указаний и поручений. А если работники КУ пожелают покопаться глубже и посмотреть, запущен ли механизм исполнения того или иного решения и как он работает, — тогда в воздухе может запахнуть скандалом: мол, администрация президента вмешивается в дела правительства. А это совсем не в интересах ни главы администрации, ни главы правительства.

«Скорее всего проект указа о контроле будут готовить в правительстве, а потом его просто согласуют с Чубайсом», — высказал предположение собеседник «Итогов» из числа правительственных аналитиков.

Но даже если проект будут готовить на кремлевской кухне, не стоит ожидать, что его, как и послание, полностью реализуют. В окружении президента понимают, что правительству в ближайшее время будет явно не до глобальных долгосрочных программ. Ему бы разгрести повседневные завалы.

ДЕПУТАТЫ ГОСДУМЫ НЕ ЧИТАЮТ ПОСЛАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА. НО ОБСУЖДАТЬ ИХ ЛЮБЯТ

Владимир Мау, зам. директора Института экономических проблем переходного периода, бывший советник и.о. премьера Егора Гайдара, считает, что при всей схожести нынешнего положения в экономике с ситуацией осени 91-го года есть одно маленькое отличие: «Тогда для вывода страны из кризиса требовались мужество и политическая воля, теперь требуется еще и профессионализм исполнителей».

И если не приходится сомневаться в наличии мужества и политической воли у президента, то с профессионализмом в рядах исполнителей существуют серьезные проблемы. Красивые слова и решительные меры, содержащиеся в послании Федеральному собранию, вряд ли изменят нынешнюю ситуацию, поскольку в очередной раз нет никаких гарантий, что они будут выполнены. ■

Соблюдайте тишину! Идут переговоры

В отношениях между Россией и НАТО наметился прогресс. Но нужен ли успех дипломатов нашим оборонцам?

Александр Гольц

ЖУПЕЛ

На минувшей неделе произошли два взаимосвязанных международных события. Первое – встреча российского министра иностранных дел Евгения Примакова с генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой, после которой стало ясно, что от деклараций и заявлений Москва и Брюссель переходят наконец-то к разработке конкретного соглашения. И второе – по предложению коммунистической фракции Ярославская областная дума потребовала от Бориса Ельцина, чтобы он воспрепятствовал продвижению Североатлантического блока на восток.

Выход российского региона на широкую арену глобальной политики – событие, безусловно, сенсационное, но вначале все-таки о переговорах Примакова и Соланы. Похоже, что наша дипломатия одержала пусть скромную, но все же победу. Основа ее была заложена в ходе предшествовавших переговорам визитов в Москву первых лиц западной дипломатии – глав внешнеполитических ведомств Германии, Италии и США. Накануне встречи Примакова и Соланы руководители западных внешнеполитических ведомств поспешили в российскую столицу, чтобы составить собственное мнение о возможности компромисса. При этом у каждого визитера был и свой интерес.

Дело в том, что конфликт между Россией и НАТО достиг уже такой остроты, что тот, кто найдет формулу компромисса, серьезно поднимет авторитет своей страны в НАТО. Не случайно именно сейчас Франция, ведущая спор с США относительно роли «европейских структур в НАТО», поспешила, за отсутствием готовой формулы, хотя бы стать инициатором ее поиска. Париж выступил с предложением провести встречу глав США, Великобритании, Франции, Германии и России, чтобы выработать соглашение с Москвой. Не случайно и сделанное в ходе визита заявление итальянского министра иностранных дел Ламберто Дини, что «расширение НАТО, по мнению Рима, может осуществиться только с согласия России». Дольше терпеть положение, когда союзники предлагают некие альтернативы генеральной натовской линии, Вашингтон не мог. Поэтому Мадлен Олбрайт привезла в Москву целый пакет предложений. И эффектная идея создать совместную российско-натовскую бригаду численностью до 5 тысяч военнослужащих отнюдь не самое важное из них. Г-жа Олбрайт, судя по всему, изложила в Москве как раз предложения, которые Примакову предстояло обсуждать с Соланой. И тем самым дала возможность российскому министру иностранных дел и генсеку НАТО заранее наметить пути к компромиссу.

И это было сделано. Судя по некоторым заявлениям, Запад наконец-то стал склоняться к тому, что будущее соглашение, регулирующее отношения НАТО с Россией, должно носить обязывающий, а не рекомендательный характер. Главная же цель соглашения между Москвой и Брюсселем – создание рабочего органа для проблем европейской безопасности, в котором Россия обладала бы реальной возможностью участвовать на равных в процессе принятия решений. Натовцы, похоже, готовы пойти на уступку Москве и в изменении квот по Договору об обычных вооруженных силах в Европе. То есть гарантировать, что с приемом новых членов совокупная военная мощь блока не увеличится. Теперь представляется реальным установить в рамках этого договора и ограничения на развертывание иностранных войск на национальных территориях. Переговоры с Соланой в Брюсселе подтвердили: стороны перешли к созданию юридической базы, регулирующей отношения между двумя европейскими центрами силы.

Однако далеко не факт, что непримиримые борцы с расширением НАТО, такие как депутаты Ярославской областной думы, не говоря уж о членах думы Государственной, одобрят соглашение с Североатлантическим союзом, если таковое будет подписано. Конечно, какой-нибудь недостаточно патриотичный гражданин может полюбопытствовать: неужели ярославцы решили все свои внутренние проблемы, и не осталось у них иных забот, кроме расширения НАТО, которое произойдет никак не раньше 1999 года.

Впрочем, никто не покушается на святое право региональных народных избранников заботиться о безопасности отчизны. Но было бы неплохо, если бы до того, как взяться за решение проблем мировой политики, они озаботились укреплением национальной обороны. Обеспечили, например, хотя бы в своей области военнослужащих, как отставных, так и находящихся в строю, квартирами. Можно еще построить детям военных детские сады и школы. Но, чтобы сделать все это, нужно потрудиться. Гораздо проще принять грозную резолюцию.

Но не будем слишком строги к ярославцам. Их действия не более чем карикатурное отражение внешнеполитической деятельности Государственной думы, ее же потуги, в свою очередь, – пародия на серьезную дипломатию. Только что созданная межфракционная группа «Анти НАТО» уже направила президенту Украины запрос: а правда ли, что Киев ведет секретные переговоры с американцами относительно дислоцирования в Севастополе кораблей 7-го флота США. И не то беда, что впопыхах 7-й (Тихоокеанский) флот спутали с 6-м (Средиземноморским). А то, что, перед тем как направить грамоту, не потрудились выяснить, какой политики придерживается сейчас Пентагон в отношении создания военных баз, есть у него хоть какой-то шанс получить деньги на их развертывание.

Но истинное положение дел мало волнует депутатов. Как мало волнует оно и тех, кто пугает общественность предстоящими в июле в Крыму маневрами с участием США. Утверждается, что сценарий их таков: американская морская пехота высаживается на территории суверенного государства, чтобы помочь его правительству справиться с сепаратистами, которых поддерживает соседняя крупная страна. Намек на треугольник Россия–Крым–Украина очевиден.

В действительности, как вполне официально сообщил «Итогам» пресс-секретарь посольства США Ричард Хогленд, маневры «Си бриз» должны развиваться по совершенно иному плану. В условной стране произошло землетрясение, которое привело к хаосу и столкновениям вооруженных группировок. Задача многонациональных сил (судя по документам, участвовать в них приглашена и Россия) – оказать гуманитарную помощь пострадавшим, эвакуировать раненых. Такие маневры проходят сейчас по всему миру. Конечно, проводить их в Крыму – не самая удачная идея, но в любом случае эти учения не имеют ничего общего с тем, что о них пишут.

Нет никаких гарантий, что и будущее соглашение между Россией и НАТО, над которым столь усердно работают дипломаты, точно так же не будет искажено теми, кому нужна не безопасность страны, а жупел военной угрозы. ■

Тонкий просчет

До самого последнего времени уступчивость федеральных властей была объяснима, нынешняя же повергает в недоумение

Галина Нейфельд

СТАТУС

Российско-чеченская встреча в Москве 25–26 февраля – официальные переговоры на новом уровне. (Короткая встреча в феврале в Назрани не в счет, она была подчеркнуто неформальной, почти конспиративной.) Канули в прошлое дискуссии о том, кто кого представляет, полностью и окончательно исчез с горизонта Доку Гапурович. Москва наконец признала, что ведет диалог с легитимной чеченской властью.

Иван Рыбкин и Мовлади Удугов ищут общий язык

Начало выглядело довольно неожиданно. Наблюдатели предполагали, что переговоры по обоюдному согласию должны вестись о чем угодно, только не о статусе, благо Хасавюртовские соглашения дают возможность отложить обсуждение этого неприятного и щекотливого вопроса. Опыт выхода из всех подобных конфликтов (Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье) показывает бесплодность попыток договориться о статусе, тогда как многие чисто практические вопросы оказываются вполне разрешимыми. Еще утром 25-го член российской делегации, министр по делам национальностей Вячеслав Михайлов говорил, что темами консультаций станут экономика и безопасность жителей Чечни, а все прочее может пока и подождать.

Однако уже на пресс-конференции по итогам первого дня работы оба руководителя делегаций, Рыбкин и Удугов, дали понять, что активно заняты подготовкой полномасштабного двустороннего договора. После второго дня консультаций они высказывались еще определенней: «Не следует тянуть с решением вопроса урегулирования взаимоотношений» (Удугов), «В Хасавюртовских соглашениях не сказано, что статус должен быть определен именно 31 августа 2001 года. Мы можем сделать это раньше» (Рыбкин). На всех предшествовавших переговорах, первые опыты которых предпринимались с весны 1992-го, проблема статуса неизменно поднималась российской стороной, а чеченцы ее старательно затушевывали. Теперь же, наоборот, складывалось впечатление, что инициатива исходит от Удугова. Во всяком случае, слова о необходимости поскорее «зафиксировать ситуацию», о том, что «время сегодня работает против обеих сторон», прозвучали именно из его уст.

Пока не вполне понятно, как должен выглядеть предполагаемый «полномасштабный двусторонний договор». Мовлади Удугов несколько раз возвращался к необходимости подписать договор о мире. Иван Рыбкин предпочитал называть будущий документ договором о разграничении полномочий. Два документа или один, но по-разному обозначаемый?

Судя по тому, что упоминания о мирном договоре не вызвали никаких протестов со стороны Рыбкина, российская сторона, по крайней мере, не против того, чтобы такой договор был подписан. Между тем заключение мира означает публичное признание факта бывшей войны. У войны, как известно, непременно есть победители и побежденные. Побежденные платят репарации. Одно из двух: либо Москва не вполне отдает себе отчет, какого рода обязательства она готова на себя взять (но Удугов все сформулировал вполне четко: «Мы поняли, что лицемерить дальше нельзя, войну надо называть войной, а не конфликтом, смерть – смертью»), либо почему-то готова пойти на весьма серьезные уступки. В пользу второго предположения говорит и оброненная Рыбкиным фраза о необходимости принять конституционный закон о порядке изменения статуса субъектов Федерации.

Татарстан, как известно, провозгласил себя субъектом международного права. Однако при заключении двустороннего договора с Татарстаном, как мы помним, обошлись без специального конституционного закона. Стало быть, речь идет о чем-то более существенном, чем признание такого права за Чечней? О чем же?

Прежде уступчивость российской делегации, сначала при Лебеде, потом при Рыбкине, была абсолютно объяснимой. Действовали под давлением обстоятельств. Нельзя было не вывести войска, необходимо было всемерно содействовать формированию ответственных властных органов в Чечне. На сегодняшний день, если говорить о национальных интересах России в Чечне, они сводятся прежде всего к восстановлению и поддержанию элементарного порядка: обузданию преступности, экономического развала и хаоса. Но все это никак не связано с определением чеченского статуса. Тогда зачем такая спешка?

Позиция чеченских лидеров прочитывается достаточно легко. Масхадов и его единомышленники связаны противоречивыми ожиданиями избирателей. С одной стороны, чеченское население требует от своего президента – и немедленно! – выплаты задолженностей по пенсиям и детским пособиям, зарплат бюджетникам и восстановления рабочих мест. С другой, те же самые люди стремятся к утверждению чеченской независимости. В каком виде эта независимость явится, мало кто себе представляет и мало кто задумывается. Стоит только Кремлю произнести слова, которые можно было бы интерпретировать как признание чеченской государственности, Масхадов будет наконец избавлен от клейма «московского ставленника» и превратится в «достойного продолжателя дела Джохара». И чеченские власти охотно согласятся на присутствие в Чечне любого российского капитала (если при этом возникнут хоть какие-то оплачиваемые рабочие места), примут любые правила экономической игры, не будут возражать даже против российских пограничных и таможенных правил, лишь бы получить текст договора с желанными словами. Их стремление показать своим избирателям, что те не ошиблись в выборе, более чем понятно.

Что же до российской делегации, то она, надо думать, осознает, чем рискует. Не может же Рыбкин не понимать, какая бешеная атака на него развернется со всех сторон, от Думы до вице-премьера Куликова, от казаков до «демократов-государственников» вроде Сергея Шахрая или Владимира Шумейко, если только проект соответствующего конституционного закона будет внесен Совбезом. Ведь на сей раз на карту по-настоящему поставлена территориальная целостность Российской Федерации. Либо в Совете безопасности решили заплатить такую цену за укрепление авторитета Масхадова–Удугова, чтобы как можно дольше в качестве визави иметь этих предсказуемых и основательных партнеров (особенно это существенно, если вспомнить, что второе место на выборах занял Шамиль Басаев). Либо придется признать этот первый переговорный этап полным российским проигрышем. ■

Станишники сумлеваются

Ставропольский казачий круг потребовал отдать Ставрополю приграничные Наурский и Шелковский районы Чечни. Что думают об этом сами жители Наура?

Галина Ковальская,
Павел Горшков (фото)

ГРАНИЦА

НА ВОПРОС: «КАК ЖИВЕТЕ?» — И ЧЕЧЕНЦЫ, И русские поначалу говорят одно и то же. Что зарплаты и пенсии последний раз получали в июле, что как стемнеет — страшно. С одинаковым вздохом добавляют: «Вот, выбрали президента. Может, больше порядка будет». И те и другие голосовали за Масхадова. Русские поначалу считали, что их эти выборы не касаются, но потом Терский казачий круг (похоже, не без воздействия представителей Совбеза) специально принял решение: казакам в выборах участвовать.

Значительная часть людей живет только натуральным хозяйством. Чеченцам, может, немножко полегче: больше обеспеченных родственников и знакомых, у которых можно занять «под реализацию». Зато у русских другое преимущество: большинство пенсионеров еще с 1994 года передали свои пенсионные дела в Ставропольский край, а там пенсии хоть и задерживают месяца на два, но все же платят.

Не считают ли чеченские власти получение пенсий через Ставрополье проявлением нелояльности? «Да, по-моему, справедливо, чтобы и чеченцы там пенсии получали, — говорит Тауз, наурский префект, бывший полевой командир. — Они же работали всю жизнь на Советский Союз, что ж им на старости лет без пенсий?» Эти мизерные пенсии хоть както оживляют местную полуживую экономику: без них, глядишь, даже те убогие базарчики, что существуют в станицах, завяли бы.

Есть в Наурском районе люди богатые и даже очень богатые — их здесь называют «магнатами». Это владельцы частных нефтеперерабатывающих заводов. Нефть сосут из российского нефтепровода, что идет по северным районам Чечни, гонят из нее бензин, солярку и перевозят в Россию.

После войны чеченские власти решили было прихлопнуть «магнатов». Яндарбиев еще в сентябре издал грозный указ на сей счет. Судьба этого указа оказалась той же, что и прочих яндарбиевских распоряжений: он решительно не работал. Масхадов занял более осторожную позицию: да, такая «нефтедобыча» недопустима, но, прежде чем ее запрещать, надо создать другие рабочие места. Поэтому пока он ограничился распоряжением об обязательном лицензировании вывоза нефтепродуктов и запретом на вывоз сырой нефти. «Магнатов» одинаково ненавидят русские и непричастные к этому своеобразному бизнесу чеченцы. Объясняют свою ненависть тем, что «они нашу землю отравляют». Над районами особо активного самогонобензиноварения и впрямь постоянно висит смог. Но на самом деле богатеям, как и повсюду, прежде всего не могут простить, что они богаты.

ПЕЙЗАЖ МИРНЫЙ, НО В ДУШАХ МИРА ПОКА НЕТ

«Раньше я в колхозе работал, и все у меня было: и деньги, и уважение, и никакой войны. А теперь я, считайте, нищий. Мясо не каждый день кушаю. А эти вообще раньше не работали, а теперь на «джипах» гоняют и вытворяют что хотят». И русские, и чеченцы вместе вздыхают по советскому «раньше».

Страх

На первый взгляд кажется, что нет никакой разницы ни в положении, ни в настроениях чеченцев и русских. Чеченцы искренне обижаются, когда слышат, что русским, мол, тяжелее. «Нам, что ли, легко? Их что, гонит отсюда кто? А бандиты — так они на всех нападают».

Но русские почти обо всем, даже о неплатежах, говорят шепотком и с оглядочкой. А то и вовсе разговаривать отказываются: «Вы уедете, а нам тут жить!»— «Чего боитесь? Чеченцы то же самое говорят!» — «Вот поживете в нашей шкуре, тогда и поймете». «Неделю назад у нас бабку зарезали, семьдесят один год, одинокая, кому она мешала?» Чеченцы — те тоже боятся грабителей и преступников. Но преступников, а не соседей. Русские никому из чеченцев не доверяют, постоянно ждут беды: кто из чеченцев и на что обидится, а вдруг решит за что-то отомстить или просто ограбить и пристрелить под предлогом твоей якобы нелояльности?

На свою беду, многие русские, когда в район вошли войска, потащили этим голодным и оборванным горе-защитникам сало, хлеб и шерстяные носки. Теперь ждут возмездия. Говорят, тогда же им чеченцы (даже добрые соседи) обещали: погоди, уйдут федералы, мы тебе попомним, как ты вокруг них бегал.

Официально чеченские власти никого за такую помощь не преследуют. Судят только тех, кто пошел воевать в казачий батальон или творил бесчинства вместе с омоновцами. Но ведь кто в нынешней Чечне станет вести следствие, дознание, разбирательство? Словом, русские решительно предпочитают не «светиться».

Пытаюсь понять, что будет, если все же пострадавший русский — ограбленный или тот, которого насильно из дому выселяют, — обратится в милицию? В ответ — жалобы: милиция, по сути дела, не работает. «А помнишь, бабку тогда в Ищерской снасиловали. Так их поймали. Было им чего? Ничего не было, подержали чуть-чуть и отпустили». «А еще был случай: на семью «наехали». Его избили, жену на его глазах изнасиловали. Так она их знала. Она пошла к боевикам, те сказали, мол, примем к ним меры. Ну и что? Их уже отпустили, а эти, пострадавшие, теперь дома не живут, боятся». Другой вариант: в Мекенской у казаков угнали машину. Нашли очень быстро. А забрать не могут. Начальник милиции, по словам казаков, говорит: «У них целая банда вооруженная. Можно, конечно, отвоевать, но ведь это сколько стрельбы, да и потом в станице спокойной жизни не будет — начнутся разборки и отмщения». Казак, который все это рассказывает, замечает: «А если прихлопнут русского, так тоже — кто ж станет из-за русской души перестрелку затевать?»

У другой стороны находится масса контрпримеров, когда ловили и примерно наказывали. Но русские-то варятся в собственной информации. Им страшно.

ЗА НОРМАЛЬНУЮ ЦЕНУ
ПРОДАТЬ ЖИЛЬЕ ЗДЕСЬ ТРУДНО

Обнаруживать свой страх, впрочем, тоже боятся. Ведь чеченцы, особенно руководящие, считают, что страхи нагнетаются искусственно, инспирируются Москвой, «партией войны», с целью возобновить военные действия и отобрать Наурский и Шелковский районы. Тот же Тауз, во время войны выделявшийся среди полевых командиров уравновешенностью и основательностью, с трудом сдерживает раздражение, когда я сообщаю, что интересуюсь положением казаков в его в районе. «Вы у меня уже третья группа журналистов, все о том же. Поймите: проблемы у нас общие. Оживить производство, госхозы, навести элементарный порядок. И никакие русские отсюда сроду не уедут, а те, кто уехал, вернутся».

Казаки и «вологодские»

Выход ищут в двух направлениях. Первое — отъезд. «Если бы можно было продать дом по нормальной цене...», «Если бы в России нам хоть что-то светило...» Второе — мечты о возвращении Наурского и Шелковского районов в Россию. Русские, переселившиеся сюда после войны, и местные терские казаки настроены по-разному. Пришлые (их казаки иногда называют «вологодскими») все жаждут уехать. Мешает им отсутствие денег и печальный опыт тех, кто уже попробовал перебраться в Ставропольский край. «Нас там тоже за людей не считают. Говорят: «чечены». И оставаться жутко, и уехать бо-

язно. Но немало таких, кто свои вещи — мебель, оставшиеся ценности, даже телевизор — на всякий случай переправил родственникам в Россию. «Если вдруг бежать придется».

Терцы, по крайней мере на словах, бежать решительно не намерены. «Куда ж мне уезжать? У меня тут шесть поколений в земле». «Если бы я жил на ИХ земле, тогда другое дело. Из Шатоя, Шароя, Урус-Мартана я бы, конечно, уехал. Даже из Грозного, я считаю, надо уезжать. Пусть это русская крепость, но на их земле. А тут — моя земля».

Казаки в самом деле отличаются от «вологодских» и слегка презирают их, почти этого не скрывая. А чеченцев — нет, не презирают, хотя и не любят. После всех этих ряженых в лампасах, с чужими крестами, и атамановкоммерсантов трудно поверить, что казачество может быть не спектаклем, а реальностью. Между тем казаки в затеречных станицах в большинстве своем не играют, а на самом деле осознают себя казаками и живут, сохраняя по возможности, несмотря на все расказачивания, казачий уклад и систему ценностей. Впрочем, чеченцы ведь тоже пережили депортацию, но свои обычаи не растеряли.

Казаки и чеченцы

У терцев и чеченцев очень много общего. Как и чеченская хозяйка, казачка не отпустит гостя, не накормив или хотя бы не напоив чаем. Казак, как и чеченец, непременно предложит вам ночлег. И те, и другие ходят по дому без обуви, даже без тапочек, а сапоги или ботинки, хозяйские и гостевые, женщины непременно помоют, даже если гость зашел-то всего на пару часов. Детей не сажают за стол со взрослыми, и о том, чтобы они участвовали во взрослых разговорах, не может быть и речи. Та же страстная любовь к оружию, преклонение перед воинской доблестью, установка растить мальчиков «настоящими мужчинами», то есть воинами. «Когда войска стояли, мы к ним наших мальчишек водили, обязательно просили: «Дайте им пострелять». Пацаны должны с малолетства оружие знать, а то из них не солдаты получаются, а такие вот... как те, что к нам вошли». На вопрос: «А чем тогда вы отличаетесь от чеченцев?» — Александр Васильевич, потомственный терский казак, глава администрации станицы Мекенской, отвечает не раздумывая: «Мы осознаем себя подданными России». (Характерно, что в первую очередь — именно это, а не религия и не язык.) Казаки всегда говорят «подданные», никогда — «граждане».

Самое главное, на мой взгляд, что роднит казаков с их соседями, — общая правовая культура. С какой гордостью говорил мне один из казачьих лидеров, что это именно они, казаки, первыми начали тут наказывать плетьми, а чеченцы палками уже потом! Здесь коллективная ответственность — не безобразие, а естественный способ поддержания порядка. «Если молодой казак сильно провинился, так не только его и отца у него на глазах отстегают. Вот ему запомнится, чтобы не безобразничал». Сжечь аул, из которого совершали нападения на станицу, не кажется чрезмерной жестокостью. Так жили их предки — значит так и правильно. Трусость или слабость одного казака — позор для всей станицы, не говоря уже о семье. При выборе мужа (жены) главное внимание — хорошая ли семья, род.

«Если мы отсюда побежим, то чеченцам на Ставрополье тоже не жить». «Недавно одна семья чеченская сюда из Воронежа приехала. Думаю, их воронежские омоновцы, что у нас стояли, оттуда выгнали. Посмотрели, как тут с нами. И с ними так же — дом продать не дали, даже вещи собрать». Говорят без осуждения, но и без злорадства. В их системе ценностей случившееся справедливо.

ГЛАВА АДМИНИСТРАЦИИ МЕКЕНСКОЙ СТАНИЦЫ, ТЕРСКИЙ КАЗАК АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ: **«МЫ ПОДДАННЫЕ РОССИИ»**

ЧЕЧЕНСКИЙ ПОСТ НА ГРАНИЦЕ ЧЕЧНИ И СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Аргумент «наша земля» тоже ведь оттуда, из архаичного правосознания, где «род», «народ», «почва» связаны нерасторжимо. Чеченцам такие доводы должны быть ближе и понятнее, чем «вологодским» русским. Ведь и контрпритязания чеченской стороны на Наурский и Шелковский районы базируются не на принципе нерушимости ныне существующих границ или на том факте, что сегодня там чеченского населения вдвое больше, чем русского. Отстаивая свое право жить на правом берегу Терека, чеченцы уверяют, что их предки освоили эти края задолго до появления казаков. Другие аргументы неубедительны для них самих. Казаки возмущаются: «Они же свои корни знают. Пусть хоть одну семью назовут, которая отсюда родом». «Они и живут-то тут хуже, чем у себя: грязней. Вообще-то их насильно сюда переселили с гор, когда рабочие руки на виноградниках понадобились. Я в турпоходы много по горам ходил: там такая красота. На одном турбизнесе можно процветать. Зачем им чужая земля?»

Отвоевывать или договариваться?

Как же вернуть эту несчастную землю? «Вологодские» в большинстве своем просят эту тему вообще не трогать: «Нас тут тогда точно всех прирежут». Терцы рассуждают по-разному. Одни надеются на Конституционный суд. Вот он примет решение, что Хрущев в 1957-м передал эти районы незаконно. «Допустим, примет, ну и что?»— «Ну и будут районы по закону наши». — «И чеченцы их сразу вам отдадут?» — «Нет, конечно. Нужен еще указ о нашем вооружении». — «А сейчас у вас оружия нет?» — «Да нет, только охотничье».

На самом деле оружие есть, у казаков во всяком случае. По чеченским законам они имеют такое же право хранить оружие, как и все остальные жители Чечни. Но им зачем-то нужно, чтобы еще и Ельцин им это разрешил. «Они на свой закон наплюют, все равно у нас оружие отберут». — «А на ельцинский указ не наплюют?» — «Нам тогда наши братья помогут, казаки со всей России».

Отношение к «братьям со всей России» неоднозначное. С одной стороны, редкий казак не повторяет с гордостью, что «за нашей спиной шесть миллионов казаков». С другой — многие сетуют: возрождение казачества повсюду вырождается в бутафорию, причем небескорыстную. Часто жалуются: даже самые близкие, ставропольцы, их не понимают. Кажется, терцы не больно-то верят в помощь «братьев-казаков», но сами себя уговаривают. Например, любят порассуждать, что «чеченцы только казаков боятся. Ни войск, ни ОМОНа не боятся, а казаки только зашевелились, они сразу присмирели».

«Но ведь уже был опыт казачьего батальона, и явно неудачный». На это есть два ответа. Первый: «Они отлично воевали, у них потерь было меньше всего, и над мирным населением не издевались, не мародерничали. Но не вписались в коммерческую войну, и их расформировали». Второй, зачастую звучащий из тех же уст: «Ребят подставили. Мы считали, что они будут только здесь, а их погнали за Терек. Мы своих тогда вообще отозвали — зачем нам их Бамут или Грозный?»

Есть и другая позиция: кроме как на себя, надеяться больше не на кого. «Все из-за Лебедя. Мы ему поверили. Думали, он войска оттуда выведет, а у нас оставит. Тогда бы и торговаться за наши районы. А теперь — что ж? Не воевать же по новой!» С тяжким вздохом признают: надо договариваться с чеченской властью. Постараться главами администраций во всех казачьих станицах поставить казаков. Жестко зафиксировать свои права как национальной общины. «Москва нас бросила. Попробуем с этими, они ведь тоже у себя порядка хотят».

Таких, что осознали необходимость сотрудничества с чеченской властью, немного. Гораздо больше тех, кого сама жизнь заставляет вступать в диалог с чеченцами. В Науре атаман работает в тесном контакте с местным начальником милиции. В Мекенской какое-то время порядок поддерживали совместные патрули — равное количество вооруженных мужчин от трех общин: чеченской, казацкой и турецкой. В Ищерской пытались было сделать то же самое, но казаки быстро в этой затее разочаровались. «Если ловим наших — наказываем. Если кого-то из пришлых чеченцев, тоже наказываем. А если кто-то из местных — сразу родственники-свойственники, тейпы-мейпы... В общем, спасают от ответственности».

ЛИДЕР ОБЩИНЫ ТУРКОВ-МЕСХЕТИНЦЕВ: **«ПОМОГИТЕ НАМ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ»**

К помощнику атамана в Ищерской приехали с обыском из Грозного. То ли милиция, то ли служба безопасности. Вроде рацию искали, пулеметы. «Да если бы у меня пулемет был, вы бы ко мне во двор не зашли». Соседи через забор увидали и позвали местных боевиков, ищерских. Те приехали, грозненцев окоротили. Даже кинжал унести не дали — мол, национальная казацкая атрибутика, изъятию не подлежит.

Турецкие печали

Еще в Наурском районе живут турки-месхетинцы. Их здесь немного, всего около тысячи семей. Столько, сколько согласились в свое время расселить местные власти. У этого народа судьба исключительная даже на российском фоне. В 1944-м турков депортировали, выслали из грузинской горной Месхетии в Узбекистан. В 1957-м, когда всех возвращали, им вернуться не дали. В 1989-м они пережили едва ли не самые страшные погромы во всей постсоветской истории. Уцелевшие бежали из Ферганы, но в Грузию их не пустили гамсахурдистские власти. С тех пор живут рассеянно, малыми группами. Часть осела в Краснодарском крае, где их терроризируют местные казаки. Часть приютили азербайджанцы, причем многих поселили в районе Карабаха, и война сделала их снова беженцами.

Те, кто осел в Наурском, считают, что им повезло. Правда, даже русские признают, что турок грабят здесь чаще, чем их. «С весны до осени как проклятые на земле, — вздыхает пожилой турок, — кроме самых малых детей и самых дряхлых стариков. Что удается заработать, зимой отнимают. Весной опять работаем». В Ищерской (двести турецких семей) спрашиваю: «Многие пострадали от грабежей?» Собеседник беззлобно отвечает: «Проще сказать, кто не пострадал. Моя семья и вон его. У нас очень хорошие соседи».

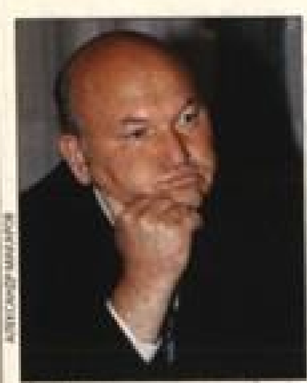
«Вас притесняют?» — «Не притесняют. Как нацию нас не обижают. А преступность всюду сейчас большая». И после каждого третьего слова: «Спасибо чеченцам, спасибо казакам, что дали нам приют. Мы здесь гости, мы здесь временно...» — «А казаков обижают?» — «Да что вы! Кто же их обидит. Они-то здесь у себя дома». — «Так это их земля или чеченская?» — «Их. И чеченская. Не наша». — «Но если вас не обижают, почему вы так стремитесь обратно в свои горы? Здесь земля благодатнее, климат лучше». Ответ всегда один: «Каждый народ должен жить на своей земле».

За пятьдесят лет турки-месхетинцы настрадались на целый эпос. Впору книгу Исхода писать. Может быть, поэтому так по-еврейски звучат слова лидера их общины в Ищерской Расула Мамедова: «С узбеками мы хорошо жили. У нас язык похожий, вера одна. Мы с чеченцами тоже мусульмане, но разных толков, а там и толк был один. Мы жили как братья сорок с лишним лет. Но потом ЭТО случилось. Чеченцы и казаки тоже прекрасные люди. Но, если мы будем жить здесь долго, то ЭТО все равно случится. Жить надо на родине».

Ни на кого не обижаются, разве что на бюрократические проволочки, из-за которых никак они не могут вернуться в Месхетию. Вроде и Шеварднадзе уже не против, российские власти тем более. Сейчас же турки из Наурского не имеют даже возможности свободно ездить в Грузию: с чеченской пропиской не пускают. У народа, живущего в эпическом масштабе, в категориях Судьбы, Родины, Этноса, все это вызывает лишь недоумение. На прощанье — безнадежно: «Помогите нам вернуться домой, если сможете».

Три разных, до странности похожих народа населяет сейчас «приграничный» Наурский район. Они вздыхают о том, как хорошо было раньше, когда все жили вместе, и мечтают поскорее разделиться. Между тем давно замечено: когда люди несколько лет живут бок о бок, они приобретают и внешнее сходство. Как разобрать в толпе этих статных, смуглых и чернобровых, кто есть кто? Разве что подойти и спросить: «Как дела?» Если в ответ не станут говорить про недавнюю войну, зарплату или преступность, а улыбнутся: «Нормально. Жить можно»,— значит, турки. ■

Не отрекаются любя

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ

На прошлой неделе мэр Москвы Юрий Лужков отрекся от Зураба Церетели. Вернее, от некоторых монументальных шедевров неутомимого ваятеля. Отречение произошло в результате встречи столичного градоначальника с Маратом Гельманом и другими членами инициативной группы, угрожающей Москве референдумом о судьбе церетелиевских работ (см. «Итоги» № 7, 1997г.). Оказывается, мэр еще весной девяносто пятого пребывал в большом сомнении, узнав об идее увенчания «иглы» на Поклонной горе Никой работы Церетели, и только бывшему главному архитектору столицы Леониду Вавакину удалось переубедить Лужкова.

Что касается злополучного памятника Петру I, то мэр, оказывается, предполагал, будто его высота не превысит пяти-семи метров и стоять он будет совсем в другом месте. Однако что ни делается — все к лучшему: отсутствие средств не позволило задумке скульптора вырасти девяностометровой явью (сегодня памятник едва достигает каких-то 60 метров).

Столь неожиданное отступление Юрия Лужкова «от принципов» породило множество толков, наиболее общий из которых гласил: политик (вслед за общественным мнением) начинает публично задумываться о своих маленьких ошибках, только если его планы простираются гораздо далее границ его нынешней должности. В применении к Юрию Михайловичу это означает: а) он хочет стать президентом (самое страшное обвинение для любого сегодняшнего политика); б) в будущем он так же легко сможет отречься от чего угодно (похвала любому уважаемому политику).

На прошлой же неделе Юрий Лужков, похоже, зарекся и отрекаться. Не успели газеты и агентства процитировать и обсудить сенсационные «отречения», как пресс-центр мэрии Москвы обнародовал «сообщение», что мэр никогда не пойдет против общественного мнения, но это вовсе «не означает, что Юрий Лужков готов пожертвовать моральными принципами и свои личные отношения «привести в соответствие» сложившейся конъюнктуре».

В переводе с казенного на простой человеческий язык сие означает, что Юрию Лужкову нравились, нравятся и будут нравиться творения грузинского гения, даже если возрожденные из небытия худсоветы—«общественные комиссии» зарубят Зурабовы проекты под корень или хотя бы усекут их на десяток-другой погонных метров.

Не отрекаются любя.

Сергей Серый

Его опять позвали первым

Когда полгода назад Борис Ельцин решал, кто должен стать министром обороны, первым к президенту пригласили командующего Дальневосточным военным округом генерал - полковника Виктора Чечеватова. Вторым, правда, в кремлевский кабинет вошел Игорь Родионов.

На прошлой неделе, когда по Москве поползли слухи о скорой отставке главы военного ведомства, Чечеватова вновь пригласили в Кремль. В ходе встречи с Борисом Ельциным командующий не скрывал тяжелого положения, в котором оказались войска округа. Но при этом отметил, что «войска управляемы, имеют минимум необходимого для обеспечения своей жизнедеятельности». Одним словом, суммировал Чечеватов, обстановка нынче, как в 1942-м под Сталинградом.

Выход генерал видит в «кардинальных, энергичных действиях правительства, Министерства обороны, Вооруженных Сил по проведению военной реформы». Давно поговаривали, что у Чечеватова есть собственный взгляд на реформы, и он упорно добивается встречи с Ельциным.

И все-таки долгожданная аудиенция, ради которой генерала «выдернули» в момент проведения командно-штабных учений округа, стала сенсацией в столичных военных кругах. Даже если допустить, что президент решил обсудить положение в Вооруженных Силах с человеком, который уже шесть лет руководит одним из наиболее сложных военных округов, то тема расширения НАТО явно далеко выходит за пределы компетенции окружного командира. Однако эта тема также затрагивалась.

Но пока что решений не принято. В итоге Борис Ельцин «с интересом воспринял предложения командующего». А тот в интервью Интерфаксу заявил, что разговора о новой должности не было, но «если президенту надо, он может назначить меня или кого бы то ни было на любую должность, а мы должны подчиниться».

Перспектива заполучить Чечеватова, известного крутым даже по армейским меркам нравом, в качестве главного начальника повергла в тихую панику обитателей «Арбатского военного округа». Они успокаивают себя тем, что генерала поставят главкомом Сухопутных войск или в крайнем случае заместителем министра — на прием к Ельцину уже записан главный военный эксперт правительства генерал Валерий Миронов.

А.Г.

Ядерная дипломатия Минатома

Помимо Виктора Черномырдина, посетившего в феврале Вашингтон, и Евгения Примакова, принимавшего в Москве госсекретаря США Мадлен Олбрайт, ньюсмейкером в российско-американских отношений невольно стал министр по атомной энергии России Виктор Михайлов.

Возмутителями спокойствия Михайлов и его министерство в последние недели оказывались как минимум дважды. Вначале госдепартамент США выразил озабоченность в связи с планами Минатома заключить контракт на строительство в Индии атомной электростанции, заявив, что Москва якобы нарушает дух соглашения ядерных стран-поставщиков 1992 года. Затем фурор в Вашингтоне вызвало признание Михайлова журналистам, что Россия закупила суперкомпьютеры, которые, как полагают эксперты, могут быть использованы для моделирования ядерных испытаний. После присоединения к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний эта техника — единственный способ проверки готовности стратегического арсенала. Когда выяснилось, что компьютеры была приобретены у американской компании «Силикон графикс инк.», в США разразился скандал.

Михайлов показал, что у Минатома есть свой взгляд на отношения Москвы с внешним миром, еще два-три года назад, когда дискуссии о национальных интересах России уже изрядно набили оскомину и стали напоминать средневековые споры схоластов о том, сколько чертей может уместиться на кончике булавки. Пока ученые мужи рассуждали, куда должны смотреть две головы российского орла, Михайлов одним из первых показал, о чем эти головы должны думать. «Западной голове» его Минатом пытался внушить, что наша атомная промышленность нисколько не уступает европейской и американской и с Западом нужно вести переговоры на равных, изживая комплекс неполноценности после Чернобыля. В «восточную же голову» он вкладывал мысль о том, что сотрудничество с Китаем, Ираном, Индией, Кубой для атомной энергетики в ближайшие годы будет наиболее перспективным.

Сегодня уже появилось много примеров того, что национальные интересы не есть нечто абстрактное, о чем надлежит дискутировать «богословам от дипломатии». Они складываются из многомиллиардных контрактов и отвоеванных у конкурентов рынков.

Сергей Строкань

Бессильный силовик

Игорь Родионов зашатался под грузом свалившихся на него проблем

Александр Акулов

Если Николай Рыжков вошел в историю как «плачущий премьер», то Игорь Родионов имеет все шансы остаться в памяти потомков рыдающим министром обороны. «Я оказался в положении стороннего наблюдателя в процессе разрушения армии и флота», — жалуется он руководителям средств массовой информации. «Какой же я министр обороны? — сокрушается он на встрече с отставными военачальниками. — Я — министр разваливающейся армии и умирающего флота».

Между тем полгода назад при назначении на должность Игорь Родионов отнюдь не был столь пессимистичен: «Если бы я не видел... света в конце тоннеля, — заявил он тогда в интервью, — то не согласился бы возложить на себя обязанности руководителя военного ведомства». И даже более того: «У меня, слава Богу, есть здоровье, энергия, а главное, вера в то, что, объединив лучшие силы в стране и армии, можно создать Вооруженные Силы, достойные России».

Прошло шесть месяцев, и вместо моложавого генерала, полного радужных надежд, общественность видит человека, периодически рвущего на себе новенькие гражданские одежды и громко оплакивающего умирающую армию. Страдания министра дали неожиданный для него самого эффект: руководителя силового ведомства стали жалеть все, начиная с президента и кончая младшими офицерами, — «элитный генерал» превратился в «дедушку», который «спекся».

Отдадим должное грубому и языкастому Александру Лебедю, он мастер коротких и точных характеристик. Игорь Николаевич Родионов — в самом деле элитный советский генерал, который на глазах спекается (сгорает, скажут люди, склонные к высокому штилю) в беспощадном пламени нынешней российской действительности. Более того, первое, как представляется, неизбежно предопределяет второе.

Элитный генерал

Нынешний министр обороны — и этого не отрицают даже его недоброжелатели — один из лучших представителей генералитета позднесоветского периода. Его послужной список — тому наилучшее доказательство. «Теплых» местечек за исключением Группы советских войск в Германии, куда Родионов попал лейтенантом и вряд ли по блату, не просматривается. Через должности не перескакивал, везде, от Дальнего Востока до Афганистана, честно тянул солдатскую лямку. Не назовешь его и просто служакой: золотая медаль бронетанковой академии говорит о многом. Столь разные люди, как бывшие министры обороны СССР Дмитрий Язов и Евгений Шапошников, едины в оценке Родионова — отличный профессионал, талантливый военный руководитель. Особенно восторжен в оценках Язов, который обратил внимание на способного заместителя командира дивизии полковника Родионова еще лет двадцать назад и, видимо, способствовал его служебному росту.

Подчиненные тоже отзываются о Родионове-командире чаще хорошо, чем плохо. Все отмечают его предельную честность и щепетильность: подношений не терпит ни в каких видах. Кое-кто попытался «уважить» и слетел с должности. Генерал с полным правом гордится тем, что ни в комдивах, ни в министрах не заставлял солдат работать на себя. Придя в военное ведомство, вызвал немалое удивление министерской братии сетованиями на то, что теперь руки совсем не доходят до огорода на даче.

Родионов известен не только высокими моральными качествами, но и тем, что истово верит в Бога. В теории чистая совесть и твердые нравственные устои в сочетании с регулярными занятиями спортом и закаливанием (по слухам, глава военного ведомства в любую погоду бегает босиком) делают человека спокойным, рассудительным, уверенным в себе. Таким он и был, пока не занял свой нынешний пост. Журналисты, общавшиеся с Родионовым в прошлые годы, отмечают: все, от него исходившее, было в высшей степени разумно.

И вдруг такой человек слетает, что называется, долой с катушек: явно превысив полномочия, отстраняет от должности главкома Сухопутных войск; пугает государства Содружества мифической военной угрозой, исходящей решительно от всех соседних государств; затевает конфликт с секретарем Совета обороны Юрием Батуриным и при этом делает противоречащие одно другому заявления. Сначала обвиняет журналистов в том, что конфликт — их выдумка и никаких противоречий не существует вовсе, а через несколько дней обвиняет Батурина в узурпации власти в Совете обороны, дезинформации президента и общественности.

Да что Батурин! Родионов подверг косвенной критике Верховного главнокомандующего, заявив (забыл, очевидно, о президентском указе), что профессиональная армия — это, мол, выдумка «новых русских», которые хотели бы «летать на Канары, пока кто-то будет вместо них проливать кровь за Родину».

Представляется, что объяснение всем метаморфозам Игоря Родионова следует искать в событиях почти десятилетней давности.

Тбилисский водораздел

В 1988 году Родионов, прошедший Афган боевой генерал, возглавил Закавказский военный округ. При всех своих положительных качествах он, как и положено советскому генералу и члену КПСС, политически был абсолютно непрошибаем. Существует, правда, легенда, что на очередном партийном съезде генерал собирался врезать правду-матку по поводу афганской авантюры. Но легенду эту следует отнести на счет фантазии услужливых журналистов. Родионов и сейчас с нескрываемым отвращением говорит о тех, кто считает, что у военнослужащего должно быть право решать, преступен или нет полученный приказ.

Сам он, получив 9 апреля 1989 года указание из Москвы навести порядок в Тбилиси, охваченном антиправительственными демонстрациями, если и терзался сомнениями, то исключительно по соображениям практического характера — предлагал центру использовать не десантников, а внутренние войска. Последовавший же прямой приказ выполнил и десантников двинул. Главное, власть впервые пошла на кровопролитие, чтобы защитить себя. И сделала это руками Родионова.

Когда поднялось всеобщее возмущение и была создана депутатская комиссия, власть выставила генерала чуть ли не инициатором побоища. И предоставила самому выпутываться из этой истории. И он выпутывался как мог, то есть очень неуклюже. Сначала отмалчивался, потом на съезде вдруг брякнул, что только так и надо было действовать. Для Родионова наступили тяжелые времена. Единственной благодарностью тех, кто спрятался за спиной генерала, стало назначение Родионова начальником академии Генерального штаба. Для генерала, находившегося на взлете карьеры, это было равносильно краху.

С того времени в сердце военачальника поселился страх: не дай Бог, кто вспомнит о том, спущенном на тормозах, деле. Рассказывают, что провал ГКЧП поверг Игоря Родионова в шок. И не потому вовсе, что он симпатизировал путчистам. Генерал боялся, что демократы, придя к власти, припомнят ему Тбилиси.

Однако не припомнили. И все эти бурные годы, пока его выпускники выводили войска из Восточной Европы, тушили конфликты в Абхазии и Приднестровье, стояли перед выбором штурмовать Белый дом или нет, воевали в Чечне, Родионов пребывал в тихой академической заводи. Генерал позволял себе некоторое фрондерство, периодически публикуя статьи, которые должны были демонстрировать всю ничтожность теоретических построений грачевских выскочек. Но не более того. Надо отдать должное тогдашнему министру, он на эти выпады внимания не обращал.

Статьи, однако, сыграли свою роль. Когда Александру Лебедю, отправившемуся на штурм властных высот, потребовались люди, способные написать разумную военную программу, он вспомнил об их авторе. Сделавшись президентским советником по национальной безопасности, Лебедь стал проталкивать Родионова на должность министра обороны. Собственно говоря, новоиспеченному политику не так важно было, кого именно продвигать — главное, хотелось продемонстрировать свои властные полномочия. Правда, и выбор у Александра Ивановича был невелик: сам он не окончил академии Генштаба, которая открывает путь к третьей генеральской звезде, и связи в высшем военном обществе имел весьма ограниченные.

Так оборонное ведомство страны получило в начальники человека, проведшего шесть лет вдали от центров принятия решений. То же самое можно сказать о большинстве чле-

ПРОФИЛЬ

1 ДЕКАБРЯ 1936 ГОДА — РОДИЛСЯ В СЕЛЕ КУРАКИНО СЕРДОБСКОГО РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
1954—1957 — КУРСАНТ ОРЛОВСКОГО ТАНКОВОГО УЧИЛИЩА
1957—1964 — КОМАНДИР ТАНКОВОГО ВЗВОДА В ГРУППЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ГЕРМАНИИ
1964—1967 — КОМАНДИР РОТЫ ТЯЖЕЛЫХ ТАНКОВ, ЗАТЕМ ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА ТАНКОВОГО БАТАЛЬОНА В МОСКОВСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ
1967—1970 — УЧЕБА В ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК, КОТОРУЮ ОКОНЧИЛ С ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ
1970—1972 — ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА МОТОСТРЕЛКОВОГО ПОЛКА В ПРИКАРПАТСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ
1972—1974 — КОМАНДИР МОТОСТРЕЛКОВОГО ПОЛКА
1974—1975 — ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
1975—1978 — КОМАНДИР МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
1978—1980 — СЛУШАТЕЛЬ ОСНОВНОГО ФАКУЛЬТЕТА ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
1980—1983 — КОМАНДИР АРМЕЙСКОГО КОРПУСА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГРУППЕ ВОЙСК (ВЕНГРИЯ)
1983—1985 — КОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ
1985 — 1986 — КОМАНДУЮЩИЙ 40-Й АРМИЕЙ В АФГАНИСТАНЕ
1986—1988 — ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
1988—1989 — КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ЗАКАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
9 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА ПРИКАЗЫВАЕТ «ВЫТЕСНИТЬ» ДЕМОНСТРАНТОВ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ В ТБИЛИСИ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОГИБЛИ 19 ЧЕЛОВЕК
1989—1996 — НАЧАЛЬНИК ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
17 ИЮЛЯ УКАЗОМ ПРЕЗИДЕНТА НАЗНАЧЕН МИНИСТРОМ ОБОРОНЫ РФ

нов его команды: люди в основном приличные и, видимо, знающие. Но все эти годы зона их деятельности сводилась по большей части к составлению планов: учебных на академических кафедрах или планов утопической военной интеграции в Штабе по координации военного сотрудничества государств — участников СНГ.

Эти люди привыкли к иным подходам, иным темпам. Неслучайно родионовский выдвиженец, начальник Генерального штаба Виктор Самсонов жаловался журналистам, что его ведомство не поспевает за политическими решениями. Злые языки утверждают, что сейчас в делах военного ведомства царит чудовищная неразбериха и задержки с назначениями на ключевые военные должности объясняются прежде всего ею, а не злокозненностью президентских секретарей.

Так спекся ли дедушка?

Наблюдая за нынешней деятельностью министра обороны, трудно отделаться от мысли, что Игорь Николаевич очень хороший, но сугубо советский генерал. Отстранение Семенова по одному подозрению без объяснения причин было произведено в полном соответствии с советской традицией. Да и привычка списывать собственные провалы на враждебное окружение тоже из тех времен.

Вполне по-советски воспринял Родионов и то, что на недавно состоявшейся встрече президент был с ним вполне доброжелателен. Министр, который, как он сам признался, вовсе не был уверен в таком приеме, тут же решил, что получил карт-бланш, и прилюдно потребовал отстранения Батурина.

Что касается полемики с секретарем Совета обороны, то Родионов ведет ее точно так же, как маршал Язов, схлестнувшийся в конце 80-х с академиком Арбатовым. То же, вполне, впрочем, искреннее, возмущение гражданскими выскочками, берущими на себя смелость высказываться по проблемам, о которых им рассуждать не положено. Те же обвинения оппонента в безответственности вместо дискуссии по существу.

Что же до самой дискуссии о путях военной реформы, то, похоже, Игорь Николаевич спорит не столько с Батуриным, сколько с самим собой, но полугодичной давности. Тогда на вопрос, способна ли страна содержать полуторамиллионную армию, Родионов отвечал: нет, не способна. И подчеркивал, что Совет обороны для того и создан, чтобы найти оптимальную численность вооруженных сил, наметить пути реформирования. Разговоры о том, что аппарат Совета обороны следует включить в состав Генштаба (а именно это предлагает ныне военное ведомство), тогда не звучали вовсе.

Похоже, Игорь Родионов просто не хочет принимать на себя ответственность за военную реформу. И дабы не делать эту абсолютно неблагодарную работу, он будет в тысячный раз объяснять, что военная реформа государства отличается от реформирования Вооруженных Сил, что сокращение войск (и прежде всего — генералов) нужно вести не в Вооруженных Силах, а в других ведомствах, что главное — это возродить уважение к армии и оборонное сознание. Чего только не придумаешь, чтобы не торопиться с реформой.

Одна беда: положение действительно критическое. Если армия останется такой, как есть, единственное, на что она будет способна, — это поддерживать собственное нищенское, полуголодное и унизительное существование. Более того, ее неизбежно настигнет очередной финансовый кризис. И с этой точки зрения подход Родионова выглядит отнюдь не безобидным: армия ждет от министра решений, а не одних только слез. Между тем люди, ознакомившиеся с многостраничным посланием министра президенту, утверждают: в сием документе ничего, кроме констатации тяжелейшего положения в Вооруженных Силах (каковое ни для кого секретом не является), нет, и уж точно никаких конструктивных предложений. По всем нормам, именуемым цивилизованными, любое заявление министра о собственной беспомощности является по существу неявным прошением об отставке, которое должно быть немедленно удовлетворено. Последние родионовские эскапады, утверждают информированные источники в Кремле, заставили президента задуматься о новой кандидатуре на пост министра, такой, которой будет под силу тяжкий груз реформ.

Впрочем, не исключено, что Игорь Родионов останется в министерском кресле. Люди осведомленные утверждают, что министр реагировал на головомойку, устроенную ему в прошлую среду президентом, чисто по-военному — приложил руку к козырьку и ответил: «Есть!». Так что теперь вместо раздражающих Кремль причитаний общественность будет завалена планами и предложениями по реформированию армии. Игорь же Николаевич согласно приказу из плачущего превратится в улыбающегося министра. Такого, каким был его предшественник...

ГЛАВА КНР ЦЗЯН ЦЗЭМИНЬ ТОРЖЕСТВЕННО ЗАВЕРЯЕТ, ЧТО БУДЕТ СЛЕДОВАТЬ ЗАВЕТАМ ВЕЛИКОГО ДЭН СЯОПИНА

Китай: кто стоит за шелковой занавеской

«Шанхайской группировке» предстоит отстаивать свое лидерство в нелегкой борьбе

Савелий Пашин

ВЛАСТЬ

КОНЕЦ ЭПОХИ ДЭН СЯОПИНА — НАЧАЛО ПУТИ, по которому наша страна войдет в XXI век и приоткроет миру свое настоящее лицо, любят повторять китайцы. Однако когда речь заходит о том, каким будет это лицо, их мнения часто расходятся.

Причина этого в том, что наследие Дэна скрывает в себе глубокие противоречия. Если до последнего времени они сглаживались его личным авторитетом и успехами экономической модернизации, то теперь могут выйти наружу. Взаимоисключающие указания Дэна своему наследнику Цзян Цзэминю — экономический рост, но без многопартийности и открытого общества — ставят перед новым председателем КНР, генсеком ЦК КПК и главой Центрального военного совета непростой вопрос. Куда и как вести страну, чтобы, как прежде, добиваться успехов, в то же время избегая потрясений?

Незадолго до кончины патриарха Цзян выдвинул тезис о «строительстве социалистической духовной цивилизации». Что это такое, пока остается гадать. Между тем известный дэновский призыв «Обогащайтесь!» постепенно вытесняется другим — «Больше патриотизма!». При этом идейные маневры Цзян Цзэминя, которые озвучивает рупор КПК газета «Жэньминь жибао», сводятся к двум тезисам. С одной стороны, продолжать экономические реформы, с другой — не трогать постулаты марксизма. «Откажешься хотя бы от одного из них, и все покатится с горы, как это произошло в бывшем Советском Союзе», — предупреждает газета.

Видимо, осознавая всю сложность вопроса о том, как быть с наследием Дэна, власти даже отказались от публичной церемонии прощания с покойным. Вместо нее в здании Всекитайского собрания народных представителей прошел митинг с участием 10 тысяч делегатов «восьми категорий», начиная от членов постоянного комитета политбюро и заканчивая представителями пока еще британского Гонконга и португальского Макао. Единственными местами, где люди спонтанно выражали свою скорбь, стали родное село Дэна Пэйфан в провинции Сычуань и специальная экономическая зона Шэньчжэнь, детище реформатора.

Первым сигналом того, что новая эпоха будет ознаменована не только ритуальными жестами, но и возможными всплесками массового неповиновения, стал инцидент, происшедший на печально знаменитой площади Тяньаньмэнь уже на второй день после кончины Дэна. Агенты службы безопасности задержали пекинца, который попытался возложить венок к монументу народным героям. Показательно, что накануне вышел запрет на несанкционированные мемориальные мероприятия, особенно на площади Тяньаньмэнь, где зарождались все антиправительственные движения: «Стена демократии» 78-го года и движение студентов 89-го.

О том, что в высших эшелонах власти Цзян Цзэминю предстоит борьба, первыми сигнализировали «левые», в которых его наставник Дэн, кстати сказать, и видел главную опасность. На третий день траура в Пекине был разослан самиздатовский документ «Некоторые мысли по теории и практике приоритетной роли общественной собственности на средства производства». Его автор — известный ортодокс и влиятельный апологет маоизма Дэн Лицюнь, эдакая китайская версия Егора Лигачева периода горбачевской перестройки, объявил, что реформы Дэн Сяопина приведут к приватизации госсектора и, как результат, к полной утрате КПК контроля над обществом.

Дэн Лицюнь отчасти прав. Госсектору, главной экономической опоре компартии, принадлежит менее половины валового продукта, причем его доля неизменно падает.

Одновременно вырос спрос на бестселлер прошлых лет — книгу «Третий взгляд на Китай», манифест китайских неоконсерваторов. Пирамида будущего китайского общества представляется им так: вверху — правящая партия коммунистов, внизу — объединенные колхозами и лишенные паспортов крестьяне, а между ними — рабочие и интеллигенция, которую, если она захочет свободомыслия, по примеру «великого кормчего» Мао следует незамедлительно причислять к «вонючкам девятой категории».

Несмотря на абсурдность, у этой чисто футурологической концепции есть сочувствующие, в основном среди так называемой «красной аристократии» — 40—50-летних отпрысков высокопоставленных чиновников, которые благодаря родительским связям заняли крупные посты в экономике. Это про них главный оппонент Дэн Сяопина — «совесть партии» Чэнь Юнь, предложивший на заре реформ рассматривать рынок как «птицу», свободно порхающую в «клетке» государственного планирования, — заявлял: «Если сыновья руководителей займут переднюю линию обороны, они не разрушат отцовских могил».

Цзян Цзэминю, кажется, не найти иной идейной опоры, кроме как среди «красных дворян». Ортодоксов, начав реформы, разгромил в 1979 году Дэн Сяопин, он же разделался и с либералами, учинив кровавую расправу в 1989 году на площади Тяньаньмэнь.

ПЛОЩАДЬ ТЯНЬАНЬМЭНЬ. 1997 ГОД.
ВО ВРЕМЯ ПАНИХИДЫ ПО АРХИТЕКТОРУ КИТАЙСКИХ РЕФОРМ СИЛЫ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДДЕРЖИВАЛИ НА НЕЙ **ОБРАЗЦОВЫЙ ПОРЯДОК**

Как бы то ни было, но во многом определяющим в политической судьбе Цзян Цзэминя станет намеченный на октябрь 15-й съезд КПК. Китайцы не прочь пошутить: при Мао была «банда четырех », а при Дэне — «шанхайская группировка». Тем, что Цзян, укрепляя свои позиции, семь лет перетаскивал на ключевые посты нужных людей из Шанхая, где он работал до 1989 года, недовольны многие. Более того, противники генсека подчеркивают, что, несмотря на сколачивание собственной фракции, он не успел завоевать авторитет подстать патриарху, а без этого Цзян Цзэминю будет трудно дать реформаторам новый мощный импульс.

Старинная китайская поговорка гласит: «Когда утка плывет по озеру, на поверхности — тишь да гладь, а под водой — бурные потоки». За оставшееся до съезда время по меньшей мере пять конкурентов постараются ограничить власть наследника. Например, нынешний лидер парламента, член постоянного комитета политбюро Цяо Ши, которого относят к «либеральному крылу» в КПК. В бытность свою шефом спецслужб, он, надо думать, собрал неплохое досье на всех руководителей. В последнее время Цяо заявляет, что закон должен быть един для всех, включая правящую партию, и что «ни одно решение не должно приниматься отдельными лицами или группой людей». Явный намек на «шанхайцев» Цзян Цзэминя.

Следующим в списке претендентов значится заместитель премьера Чжу Жунцзи. Первый кандидат в главы правительства, амбициозный Чжу тем не менее явно желает большего — полного контроля над политикой реформ, а значит, и продвижения по партийной лестнице.

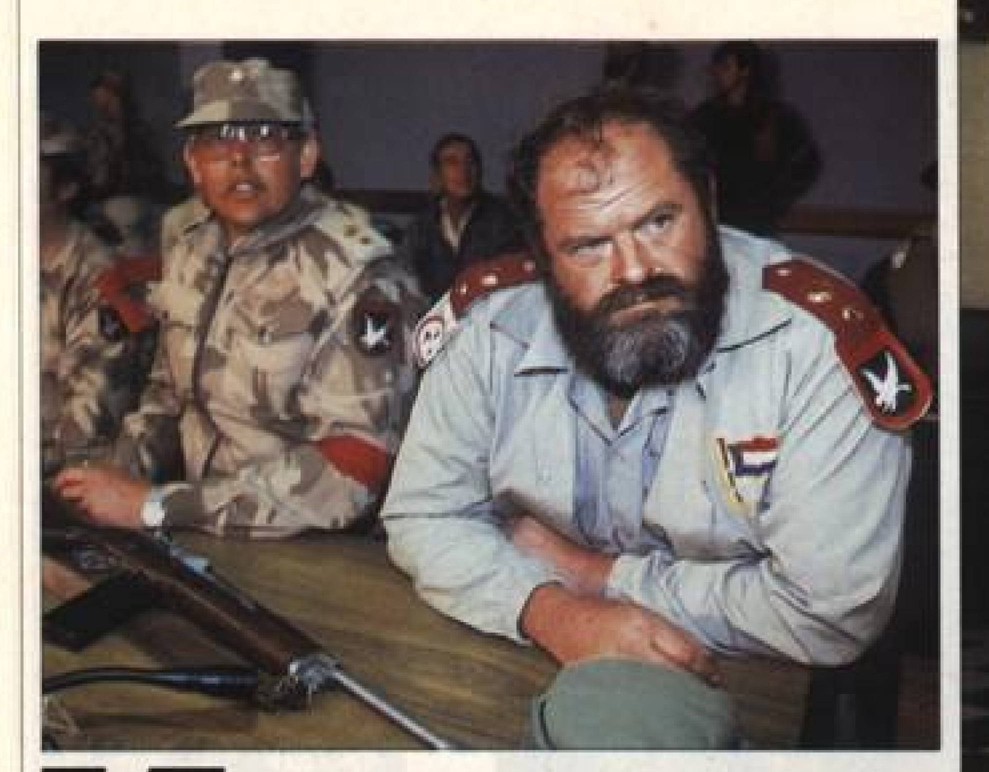
Не стоит сбрасывать со счетов и двух «революционеров старшего поколения»: 89-летнего отставника Ян Шанкуня, которого Цзян сменил на посту председателя КНР, и 95-летнего Пэн Чженя, бывшего главу парламента. Ян Шанкунь вместе со своим братом Ян Байбином, смещенным Дэном «за фракционность» с поста начальника главпура китайской армии, только что совершили поездку на юг за поддержкой провинциального руководства. Тем не менее шансы «старшего поколения» невелики — в лучшем случае попытка «править из-за шелковой занавески». Однако ветераны могут блокироваться с более мощными, обладающими реальным весом фигурами. «В отличие от Дэн Сяопина, который семь лет назад ушел в отставку, Цзян Цзэминь допускает стратегическую ошибку, монополизируя руководство сразу тремя силами: партией, государством и армией. Если он не желает, чтобы ему напомнили о наступлении в 65 лет пенсионного возраста, Цзяну тоже пора назначать преемника», — говорят китайские эксперты.

В ближайшее время до партийного съезда основная интрига, по их мнению, развернется вокруг главы правительства Ли Пэна, чей второй и последний по закону премьерский срок заканчивается в марте 1998 года. На премьере лежит значительная доля ответственности за расстрел студентов на площади Тяньаньмэнь. Его также обвиняют в «идеализации плановых начал в экономике». Ли Пэну остается либо на время уйти от дел, что означает политическую смерть, либо занять более высокое место — председателя КНР, а то и главы компартии. То есть потеснить Цзян Цзэминя.

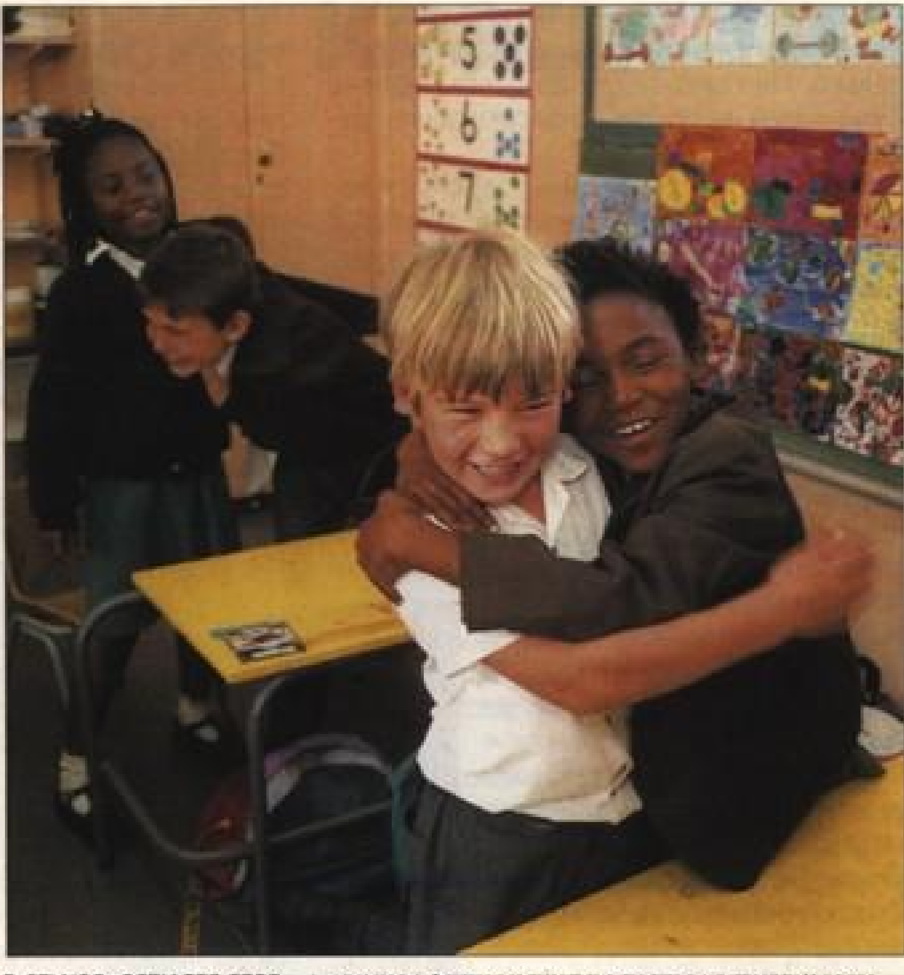
Реально ли для товарища Цзяна расстаться хотя бы с одним из своих кресел? Видимо, он сделает это лишь при условии, если введет под себя еще один пост — председателя КПК, некогда принадлежавший Мао, но затем упраздненный Дэном, считают эксперты. О планах возрождении этой должности в Китае поговаривают давно. Но сам Цзян Цзэминь об этом пока предпочитает молчать.

Не ясно, в какой степени он сможет опираться на армию. О своей преданности Цзян Цзэминю уже заявили все высокопоставленные генералы, но только два из них считаются протеже генсека. Считают, что в этой ситуации Цзян поставит на преданную ему народную вооруженную полицию, усилив ее полумиллионом демобилизованных солдат. ■

ВОКРУГ РОССИИ

Истина в предпоследней инстанции

Вот уже второй год в ЮАР действует Комиссия истины и примирения

Зураб Налбандян

ПРОШЛОЕ

Недавнее признание пяти бывших офицеров секретной службы ЮАР в убийстве Стива Бико, известного борца за возрождение «черного самосознания», вызвало цепную реакцию, которая может быть губительна для южноафриканского общества.

— Мне жаль сограждан, — заметил известный юрист-правозащитник Грег Карадиополис. — Чем больше они узнают об апартеиде, тем труднее им жить в одной стране.

Признание убийц Бико прозвучало во время публичных слушаний Комиссии истины и примирения и было сделано в расчете на амнистию. Против нее, однако, категорически возражают не только родственники, но и многие чернокожие соотечественники этого лидера Южноафриканской студенческой ассоциации. Именно поэтому «вторая смерть» Стива Бико сулит стране не меньшие потрясения, чем «первая», наступившая двадцать лет назад.

По официальной версии, этот противник апартеида, организовавший в июне 1977-го демонстрацию чернокожих школьников и студентов в Соуэто, которую расстреляла полиция, умер в тюрьме «от удара головой о стену». После его смерти Запад резко ужесточил экономические и торговые санкции против Претории, а южноафриканская армия потеряла возможность закупать оружие и запчасти к военной технике. Из-за этого, в конце концов, она была вынуждена уйти из Анголы.

Сегодняшнее признание убийц Бико, понятно, не грозит ЮАР ни санкциями, ни потерей престижа. Опасность в другом. Перед страной снова встали вопросы, от которых она пытается уйти вот уже четвертый год: как быть с прошлым? что важнее — правосудие или примирение? Какой бы ответ на них ни предложила комиссия, в этом случае, как и во многих других, ее вердикт явно не станет истиной в последней инстанции. Окончательное слово — не за юристами, и даже не за президентом. Оно — за самим обществом, которое десятилетиями было разделено апартеидом.

Между Нюрнбергом и судом над КПСС

Вопрос об отношениях с прошлым встал перед политиками ЮАР еще в 1993-м году в ходе переговоров о мирном переходе страны к демократии. Африканский национальный конгресс (АНК), представлявший подавляющее большинство чернокожих, требовал детального расследования всех преступлений расистского режима и привлечения виновных к уголовной ответственности. В частных беседах активисты АНК заявляли, что не согласны ни на что меньшее, чем «южноафриканский Нюрнберг».

Оппоненты из «белых» партий, однако, напомнили, что борцы против апартеида, в свою очередь, тоже взрывали бомбы, убивали мирных жителей, пытали своих политических противников. К тому же, вопрошали они, как строить вместе «светлое демократическое будущее», если объявить преступником чуть ли не каждого второго из «бледнолицых» южноафриканцев? Поэтому консерваторы предлагали вариант, который в ЮАР называют «русским», — осудить апартеид, как КПСС, в целом, и, не переходя на личности, забыть как можно скорее.

Нельсон Мандела выбрал промежуточное решение: лечить нацию истиной, а побочные эффекты — прощением. «Следует помнить, — недавно заявил он, — что миллионы южноафриканцев пробыли в застенках апартеида намного дольше меня. Одних загнали в тюрьмы бесправия расистские законы. Другие сидели десятилетиями в тюрьмах собственного расистского мировоззрения. Есть и такие, которые до сих пор сидят в этих тюрьмах. В этих условиях личная озлобленность — роскошь, которую мы не можем себе позволить...»

Считается, что автором «согласительного» варианта был лауреат Нобелевской премии мира, тогдашний архиепископ Кейптауна Десмонд Туту, которому Мандела и поручил возглавить Комиссию истины и примирения, созданную в начале 1996 года. Комиссия формировалась по предложениям всех политических партий и наиболее крупных общественных организаций. Окончательный список ее членов утверждался президентом. В результате в нем оказались уважаемые и авторитетные граждане с безупречной репутацией.

В основу работы комиссии был заложен христианский принцип — прощение в обмен на покаяние. Ее члены призвали всех, кто чувствовал за собой вину, прийти и честно во всем сознаться (иными словами, назвать имена, даты, описать мотивы и обстоятельства). Было решено, что в случае, если это главное условие будет соблюдено, а преступление носило политический характер, то по итогам публичных слушаний комиссия может амнистировать виновных, а их жертвам выделить материальную компенсацию.

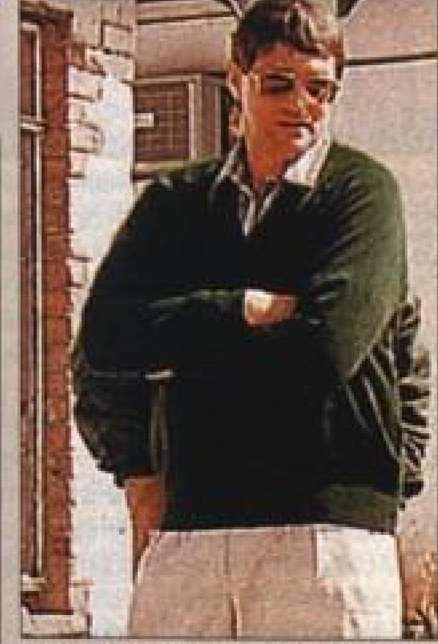
Первое время в комиссию в основном шли пострадавшие. Вдова, чей муж был убит в ходе уличной демонстрации. Женщина, получившая увечье во время взрыва бомбы в кафе. Мать, чей сын был схвачен полицией и исчез навсегда. Они приходили выговориться, узнать что-то новое о своем деле или просто в расчете хоть на небольшую материальную компенсацию.

ЮЖНОАФРИКАНСКИЕ РАСИСТЫ ИЗ ГРУППИРОВКИ **ЮДЖИНА ТЕРБЛАНША** (ФОТО СЛЕВА, НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ) НЕ ЖЕЛАЮТ СМИРИТЬСЯ С КРАХОМ АПАРТЕИДА. **КОГДА ДАЖЕ В БАНКАХ БЫЛИ ОТДЕЛЕНИЯ ДЛЯ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ** (ФОТО В ЦЕНТРЕ).
ШКОЛЬНИКИ ЮАР ЦВЕТУ КОЖИ ЗНАЧЕНИЯ УЖЕ НЕ ПРИДАЮТ (ФОТО СПРАВА)

Члены комиссии сочувственно выслушивали пострадавших, а в конце обязательно

ЦВЕТЫ ЗЛА

Юджин по прозвищу «первородный грех»

Тесноватый костюм, очки с толстыми стеклами в прямоугольной оправе — ничто в этом человеке не наводило на мысль о Рэмбо с автоматом наперевес. А вот по речам, которые он держал с места для свидетелей в Верховном суде Претории, — один к одному знаменитый американский киногерой. В течение четырех дней в середине сентября прошлого года Юджин де Кок, бывший начальник «Влакплааса» (секретного отряда южноафриканской полиции, предназначавшегося для борьбы с «подрывной деятельностью»), рассказывал, как десять лет кряду он и его люди убивали и калечили тех, кто выступал против апартеида. Негромким голосом он монотонно перечислял внушительный список жертв его «команды», среди которых были не только боевики Африканского национального конгресса или партизаны-коммунисты, но и десятки мирных женщин и детей. Все они были убиты с 1983 по 1993 год в ходе операций по защите расистского государства. 48-летний де Кок, прозванный коллегами по «Влакплаасу» «первородным грехом», с завидным хладнокровием живописал картину широкомасштабного беззакония — от разграбления финансовых средств полиции до преднамеренной дезинформации, дававшей повод для вторжений на территорию соседних Анголы и Ботсваны, поддерживавших АНК. Он описал, как внедрялись агенты в среду студентов-активистов, как расставлялись смертоносные мины-ловушки, как в конце 80-х были взорваны офисы профсоюзных и религиозных организаций. Де Кок сообщил, что «Влакплаас» действовал с прямой санкции тогдашнего президента Фредерика де Клерка, удостоенного (совместно с Нельсоном Манделой) Нобелевской премии мира, и его предшественника Боты, и более чем 20 других высших полицейских чинов и политиков.

Почему же де Кок решил облегчить душу? Ему грозило многократное пожизненное заключение, поскольку в сентябре 1996 года он был признан виновным в 6 убийствах и 83 других преступлениях (в 1991 году, например, с помощью начиненных взрывчаткой наушников для плейера он разнес череп адвокату АНК Бхеки Млангени). Доказывая, что всего лишь исполнял приказы вышестоящих начальников, он надеялся на снисходительность суда (де Кок позже был приговорен Верховным судом ЮАР к двум пожизненным заключениям и еще 212 годам тюрьмы. Уже из тюрьмы он подал прошение об амнистии в КИП. — **«Итоги»**). Показания де Кока неоднократно опровергались, и сейчас уже никто с определенностью не может отделить правду от вымысла. Тем не менее КИП сообщил об увеличении числа ходатайств об амнистии. Даже де Клерк в сентябре прошлого года признал, что «в свете сообщений, подобных тем, что сделал де Кок», должностные лица его бывшей правящей Национальной партии подумывают, не стоит ли им дать показания еще раз.

Чудовищные признания слышатся в ЮАР все чаще. Первые разоблачения начались еще в 1989 году, когда бежавший из «Влакплааса» (отряд получил свое имя по названию фермы к западу от Претории, где находилась его база) Дирк Котция признался, что задачей отряда, помимо прочего, было разжигание розни между различными кланами и племенами чернокожих. Однако до Юджина де Кока никто еще не выкладывал такое количество леденящих кровь подробностей, он стал первопроходцем. Комиссия истины и примирения (КИП), возглавляемая бывшим архиепископом Десмондом Туту, с июня прошлого года проводит публичные слушания, где чающие амнистии бывшие полицейские и бывшие члены Африканского национального конгресса рассказывают о совершенных в эпоху апартеида преступлениях, во всех подробностях описывают убийства и взрывы. «Это лишний раз доказывает, — сказал Котция корреспонденту «Ньюсуика», — как глубоко прогнил режим. Ни один человек не может сказать, что он ничего не знал».

Маркус Мабри (Newsweek)

спрашивали, могут ли они теперь простить своих мучителей? Многие отвечали утвердительно. «Вот видите, — радовался Десмонд Туту, — идея национального примирения срабатывает!»

Но когда пошли, наконец, те, кто совершал преступления, страна похолодела от ужаса. Рассказы о том, как разрабатывались операции по уничтожению активистов антирасистской борьбы, как их участники хладнокровно добивали своих жертв, а потом заметали следы и пили, чтобы поскорее забыться, — приоткрыли дверь в другой мир. Примирительные настроения сменились требованиями справедливости.

— Несколько дней назад мне позвонили и сказали, что двое полицейских признались в убийстве моего сына, — рассказала мне Сильвия Дломо, 18-летнего сына которой в 1988-м убили у нее на глазах. — Теперь их ждет амнистия. Но я не могу и не хочу их простить. Я хочу правосудия.

«Опросы населения показывают, что если истина не сопровождается правосудием, она не может привести к национальному примирению», — утверждает директор йоханнесбургского Центра по изучению насилия Грэм Симпсон.

КОМИССИЮ ИСТИНЫ И ПРИМИРЕНИЯ ВОЗГЛАВЛЯЕТ АРХИЕПИСКОП ДЕСМОНД ТУТУ (ФОТО СПРАВА). **БЫВШИЙ МИНИСТР ОБОРОНЫ МАГНУС МАЛАН** (В ЦЕНТРЕ НА ФОТО СЛЕВА) **ОТКАЗАЛСЯ ОТ АМНИСТИИ И ПРЕДПОЧЕЛ ПРЕДСТАТЬ ПЕРЕД СУДОМ**

Священник Максолиси Мпамбани недавно проиллюстрировал подобные рассуждения грустной притчей: «Жили-были на свете Том и Джон. Дома их были через дорогу. Однажды Том украл у Джона велосипед. С тех пор Джон каждый день видел, как Том ездит в школу на его велосипеде. Через год Том пришел к Джону, протянул ему руку и сказал: «Давай помиримся и забудем прошлое!» «А как насчет велосипеда?» — поинтересовался Джон. «Да нет, ты ничего не понял, — рассердился Том. — Я говорю не о велосипеде, а о примирении!»

Как похоронить прошлое

Как и следовало ожидать, в сегодняшней Южной Африке есть и принципиально другой подход к прошлому — его отстаивает бывший министр обороны ЮАР Магнус Малан. Он был обвинен в причастности к убийству 13 мирных жителей в зулусской деревне в 1987-м, но отказался от амнистии и потребовал суда. Долгий процесс закончился в конце концов полным оправданием генерала.

— События нашей недавней истории, — сказал мне г-н Малан, — нельзя рассматривать вне контекста 70—80-х годов. Тогда против ЮАР была развернута настоящая война. Поддерживаемые Советским Союзом и его сателлитами, АНК и южноафриканская компартия пытались свергнуть правительство Южной Африки. Присутствие в регионе русских военных советников, 50 тысяч кубинских солдат, восточногерманских секретных служб и большого количества сверхсовременного оружия до предела наэлектризовало обстановку внутри страны, где то и дело взрывались бомбы на улицах. На нас лежала ответственность по защите своих граждан. Согласно всем международным нормам мы имели на это законное право.

Сегодня многие белые южноафриканцы, непосредственно причастные к преступлениям режима, говорят об этом «законном праве на защиту порядка» и не признают за собой вины за нарушения прав человека. Они утверждают, что работа комиссии ведет не к примирению, а к «охоте на ведьм», взаимной ненависти и разобщению. Особенно эти люди недовольны тем, что слушания комиссии проходят в основном публично и обвинения в адрес бывших официальных лиц звучат на всю страну.

— А что если эти обвинения неверны или, скажем, неточны? — спрашивает адвокат Филипп ван Зейл. — Ведь многие из этих людей сегодня живы и занимают весьма ответственные позиции в бизнесе и прочих сферах. Комиссия ведь не суд. У нее нет возможности проводить детальное расследование. К тому же многие события, о которых упоминается во время слушаний, имели место полтора-два десятка лет назад. Вполне возможно, что человеческая память исказила имена, поступки и лица. Между тем даже мимолетного упоминания в связи с каким-то тяжелым преступлением достаточно, чтобы жизнь невиновного человека была бы отравлена на долгие годы.

По словам того же ван Зейла, ни одна из аналогичных комиссий на пути примирения и национального согласия не достигла успехов, которые можно было бы считать образцовыми. В Чили, например, где подобная комиссия работала несколько лет назад (кстати, архиепископ Туту считает эту комиссию моделью для южноафриканской), было рассмотрено три тысячи случаев нарушения прав человека и выплачены компенсации жертвам. Тем не менее политические убийства продолжались и во время работы комиссии, красноречиво свидетельствуя, насколько трудно примирение с прошлым. Даже в Аргентине, чья Комиссия истины считается одной из самых эффективных в мировой практике, параллельно с работой комиссии шли уголовные процессы над военными, виновными в совершении тяжких преступлений.

Информация об убийстве Стива Бико вызвала новый всплеск дискуссий о том, как должно быть организовано примирение с прошлым. «Никакая мораль не может оправдать решения оставить безнаказанными убийц, даже если убийства были совершены ими только по политическим мотивам», — утверждает газета «Ситизен».

Сторонники амнистирования выдвигают другой аргумент. Если идея прощения, утверждают они, будет похоронена, то преступники перестанут приходить с повинной и, значит, общественность не узнает правду о многих событиях недавней истории. И преступники, и их жертвы по отдельности знают лишь свою часть правды о прошлом. Связать их «истины» воедино — вот в чем задача комиссии. А без этого не вылечить нацию.

— Народ переступил через апартеид, но он не забыл прошлого, — говорит психолог Ширли Джонсон. — Только до конца разобравшись в прошлом, можно оставить его в покое и заняться настоящим. Проклятия, звучащие в зале заседаний, так же как обмороки и слезы — части одного и того же процесса преодоления. На самом деле противоречия между наказанием и прощением, между справедливостью и примирением не так глубоки, как кажется на первый взгляд. Наверное, наш южноафриканский способ прощания с прошлым не идеальный, но он, безусловно, лучше забвения. ■

Йоханнесбург
Фото SIPA/SEL

Зачем президент красит волосы

Накануне мартовской встречи с Борисом Ельциным Александр Лукашенко, отказавшись от образа «батьки», вживается в имидж «канцлера»

Ирина Халип

ГРИМЕРНАЯ

Российско-белорусские саммиты давно напоминают ритуал, который Борис Ельцин и Александр Лукашенко совершают в решающие для них моменты — накануне выборов или референдумов, чтобы выразить взаимную братскую поддержку. Поэтому результаты их встреч зачастую нетрудно предсказать: парадное фотографирование подкрепляется заклинаниями о необходимости углубления сотрудничества.

Однако в последнее время Москва и Минск как будто перестали понимать друг друга. И дело не только в докучливых парламентских оппозициях: белорусской, до сих пор оспаривающей результаты референдума, и российской, призывающей включить суверенную Белоруссию в состав России.

Похоже, получив письмо от президента Ельцина, в котором содержался московский сценарий интеграции, белорусский лидер решил, что ему предлагают отношения типа «сюзерен—вассал». Поскольку Александру Григорьевичу, намеревавшемуся играть более важную роль в новом Сообществе, генерал-губернаторства явно мало, то он решил отказаться от образа всебелорусского «батьки», заигрывающего с Москвой и обещающего своим гражданам «рыночный социализм».

«Определенности относительно России и выбора ею своего пути развития, к сожалению, нет, — заявил, например, в феврале Лукашенко. — Реформисты так и не смогли заложить надежную основу демократической экономики и политической системы... Думается мне, если и поторопились с чем-то в России, так это со скоростью реформ».

Декларативная независимость в принятии решений — одна из слагаемых спешно создаваемого им нового образа. Почему бы не продемонстрировать ее, решая судьбу крупнейших предприятий республики, таких как «Азот», Славнефть, Белтрансгаз? Одним из московских условий интеграции является их акционирование. Ах так, решает Лукашенко, мы начнем обратный процесс — национализацию. В качестве «показательной порки» он лишает частного статуса «Комаровку» — минский рынок, принадлежавший Белкоопсоюзу.

Еще один пример самостоятельности белорусского лидера. Когда Москва потребовала прекратить транзит через Белоруссию дешевой украинской водки, поскольку это подрывает российский бюджет, Лукашенко заявил, что российские таможенники были уличены в организации на белорусской территории передвижных постов, отслеживающих контрабанду. Он подчеркнул, что ни запрет на транзит, ни таможенные «передвижки» не предусмотрены соглашением о Таможенном союзе, и пригрозил «ответными мерами».

Изменился и подход Александра Григорьевича к проблеме долгов за российские энергоносители. За несколько месяцев, прошедших с тех пор, как по «нулевому варианту» Минску было списано более миллиарда долларов, белорусский долг Газпрому составил уже четверть миллиарда долларов. Прежний Лукашенко мог бы просить вновь списать его по-братски. Нынешний же выставляет свой счет России: на 800 миллионов долларов за содержание границы, таможни и выплату пенсий военным.

Возросшую самостоятельность, очевидно, призваны продемонстрировать и его внешнеполитические акции, среди которых, пожалуй, самыми показательными стали экспресс-переговоры с Леонидом Кучмой в Гомеле. На рядовой встрече по сельскохозяйственным проблемам два президента неожиданно заявили об углублении белорусско-украинской экономической интеграции. В принципе в рамках СНГ подобные заявления — не новость, но в контексте нового образа Лукашенко они звучат предупреждением Москве: «у нас друзья, мол, и без России найдутся».

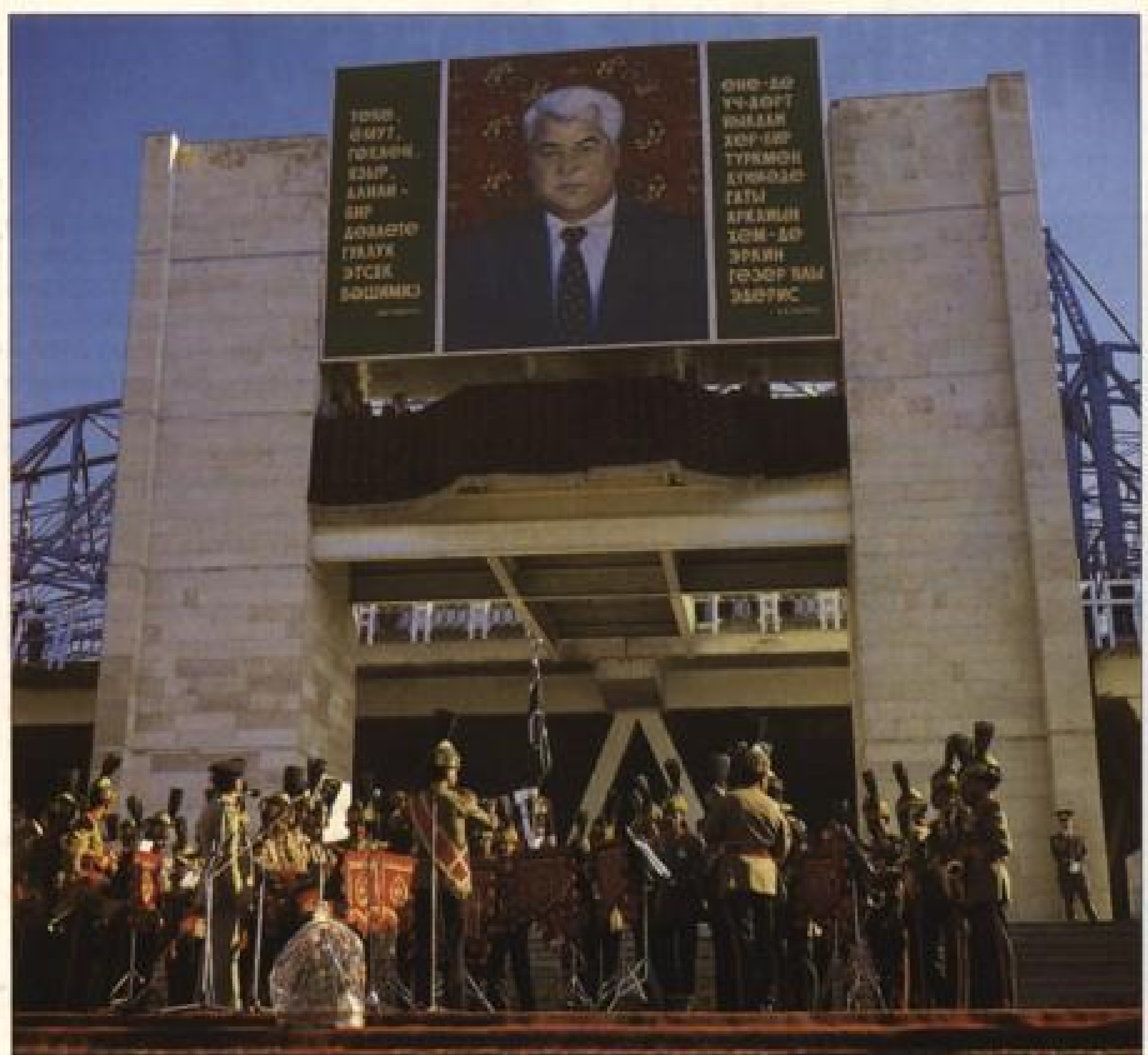
Желание отойти от образа «любящего свой народ батьки» сквозит и в кадровых перестановках Александра Лукашенко, которые минские острословы называют «создание запасного полка правой руки». Главный идеолог «славянского единства» Владимир Заметалин с поста заместителя руководителя президентской администрации переведен в начальники Госкомпечати, а ближайший помощник президента Олег Слука задвинут на должность замминистра образования.

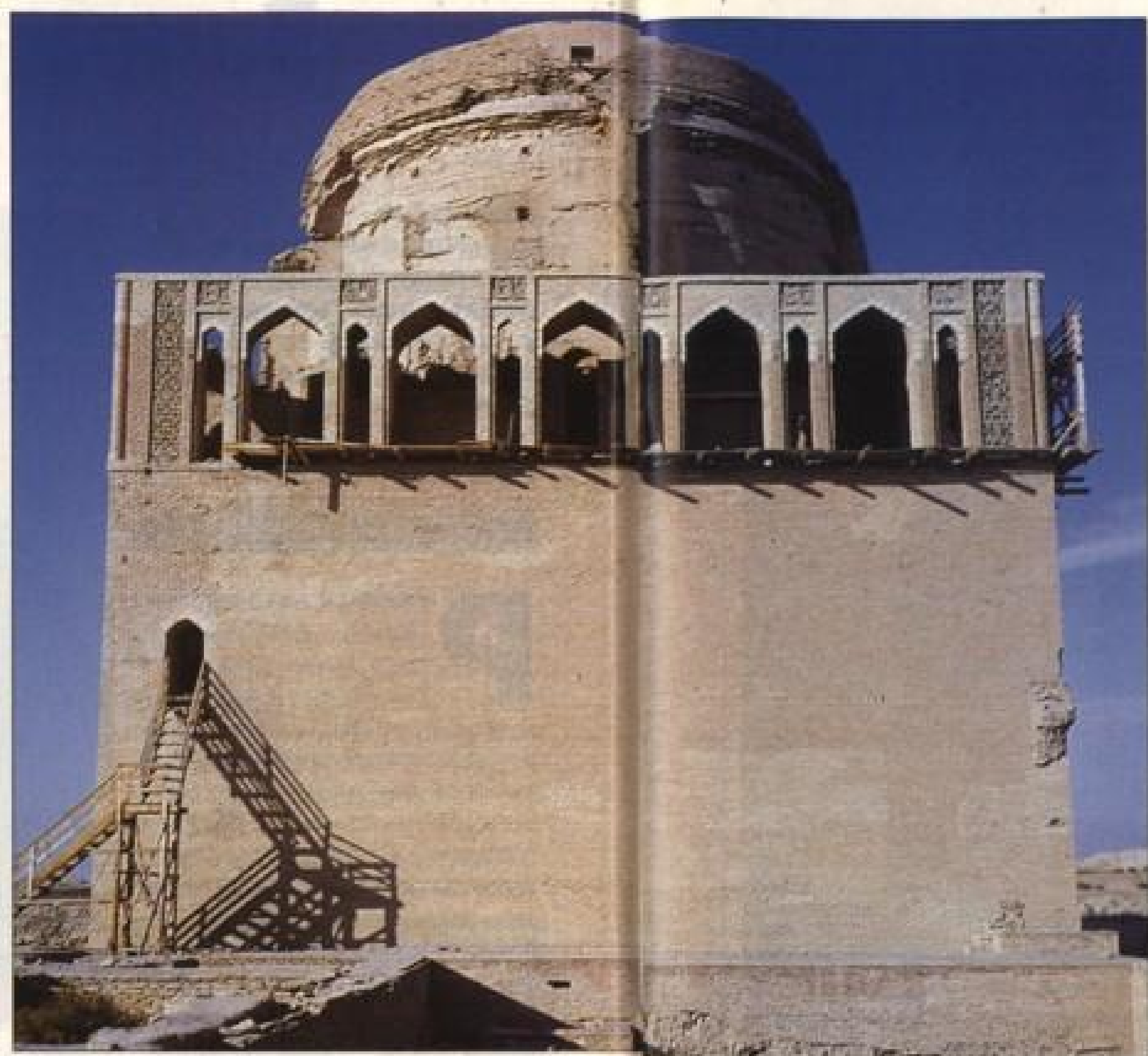
Изменились даже внешний вид и манера поведения президента. Он стремительно «бронзовеет»: для сокрытия седины перекрасил волосы в радикальный цвет «лесной орех», извлек из глухой деревни жену, возложив на нее обязанности первой леди Белоруссии. Возможно, он считает, что эти внешние изменения помогут ему убедить белоруссов в силе его новой державной риторики. Еще совсем недавно он утверждал, что на белорусском языке нельзя создать великих произведений и превозносил советскую историю. Теперь в опубликованном в трех номерах официальной газеты «Советская Белоруссия» интервью с многозначительным подзаголовком «Президент страны — о главном» президент напомнил, что «Белоруссия родилась не в 1918 году, и в исторической памяти народа живут времена Великого княжества Литовского, заложившего основы той ментальности, которая и ныне определяет характер белоруса».

Похоже, что Лукашенко хочет походить на знаменитого канцлера-реформатора княжества, которого до недавнего времени он называл «товарищем Сапегой». Как бы подтверждая это, Александр Григорьевич признается, что ему сегодня, «как некогда канцлеру Сапеге, время задает очень непростой вопрос: кто мы, откуда, куда идем?». Напомним, что его предшественник, великий канцлер и гетман литовский Лев Сапега, дал ответ на эти вопросы, составив так называемый Статут 1588 года, который считался едва ли не самой реформаторской конституцией своего времени.

Впрочем, в Москве, где продолжателя дела канцлера ждут в конце этой недели, уже настолько привыкли к старому доброму всебелорусскому «батьке», что все новые исторические изыскания Лукашенко расценивают не более чем очередную причуду взбалмошного соседа, с волос которого рано или поздно все равно сойдет краска. ■

Минск

Праздник, который всегда с **Ним**

Президент Туркменистана Сапармурат Ниязов подарил своему народу не только новые торжества, но и новые будни

Евгений Гольянов,
Алексей Алексеев (фото)

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Новые государства любят новые праздники, как правило, отказывая в любви старым. В Туркменистане, однако, придерживаются иного стандарта: новые торжества здесь на удивление легко уживаются с прежними красными датами.

В стране отмечается и 8 Марта, и праздник со сложным названием «Капля воды — крупица золота»; 9 мая и «Праздник туркменской дыни». При этом большинство новых торжеств проходит по категории «дни рождения»: День рождения независимости, День рождения государственного флага, День рождения Туркменбаши. Последние два события, впрочем, совпадают и отмечаются 19 февраля. В этом, не уставали напоминать мои туркменские гиды и собеседники, скрыт глубокий политический смысл — таким образом подчеркивается «неразрывность лидера страны и ее официального атрибута». Редкая критика этого постулата носит прагматичный характер: зря их свели, вздыхают торговцы дынями, было бы одним нерабочим днем больше, больше было бы и покупателей...

Сами по себе праздники не слишком отличаются друг от друга. Человек, рассчитывающий обнаружить в Туркмении местный вариант восточной деспотии, будет несколько удивлен. Вместо того чтобы оказаться в азиатском средневековье, гости «двойного праздника» попадают в атмосферу, до боли напоминающую празднование Первомая. Знакомо все — бодрая музыка из репродукторов на фонарных столбах, демонстранты, скандирующие лозунги, дети, дающие клятву на верность вождю, почетные гости на трибунах, обилие портретов и бдительная охрана, отсекающая толпу «посторонних» от площади у президентского дворца. Различаются лишь портреты, которыми по случаю «вооружают» трудящихся — Сапармурат Ниязов со значительным выражением лица в костюме, в национальном халате, в военном мундире...

Советская стилистика сохранена и в другом — от «иностранного журналиста» шарахаются, как в добрые старые советские времена. Попытка заговорить хоть с кем-то на улице вызывает либо явный испуг, либо ответ типа: «У нас все хорошо» и — ускоренный шаг. Хотите видеть, как страна радуется? Идите и смотрите. А со всем остальным мы уж как-нибудь управимся сами... Результат известен: на страницах московских газет все прочнее утверждается представление о Туркмении как о стране, которая все время чему-то радуется.

О том, что происходит в России, в республике тоже знают немного. На ашхабадской таможне у корреспондента «Итогов» отобрали всю российскую прессу — есть, мол, распоряжение. Никаких газет и журналов, кроме туркменских, в Ашхабаде не купишь — говорят, подписку на российскую прессу запретили несколько месяцев назад, после того как пара приглашенных из Москвы журналистов «не оправдала доверия» и «осветила» очередной день рождения не с той стороны. Отныне, чтобы подписаться на российское издание, требуется разрешение местной службы безопасности, которая в силу неустановленных «Итогами» причин благоволит газете «Труд». Если добавить к этому, что все программы местного телевидения вызывают из глубин подсознания воспоминания о передачах типа «Сельский час» и «Ленинский университет миллионов», то информационная картина мира, в котором проживает средний туркмен, также создает ощущение постоянного праздника.

Стоит ли в свете всего этого удивляться, что в республике научились превращать в праздник любые будни? В городе Мары, где экономическую разруху пережили без особых потерь, пожалуй, только фруктовые сады Мервского оазиса, я имел неосторожность попросить у руководителя местного предприятия разрешения сфотографировать его на фоне украшающего его кабинет портрета национального лидера.

Последствия превзошли все мои ожидания. Чиновник громким криком согнал всех до единого своих подчиненных, после чего дал им какую-то команду по-туркменски. Кто-то немедленно приволок массивную керамическую вазу с портретом Туркменбаши, а стол руководителя украсился фотографией президента Ниязова на настольной подставке. Расставив перед собой всю эту икебану, и повернув «лики» в сторону объектива, начальник поинтересовался: «А хорошо ли будут видны все портреты нашего лидера?» Когда снимок был сделан, подчиненные «бегом на полусогнутых» разнесли все эти экспонаты по местам дислокации.

Канал ничьего имени

Когда удается заглянуть за разукрашенный портретами и лозунгами фасад «культа Туркменбаши», сталкиваешься со второй линией обороны. «Действительно, все это стыдно, но это не он, это все его окружение», — убеждал корреспондента «Итогов» один собеседник, желая отделить президента от того, что в СССР было принято называть злоупотреблениями.

В атмосферу всеобщего праздника свою лепту вносят и иностранцы. Пакистанский оркестр (слева) **в Ашхабаде под портретом Туркменбаши играет в честь Дня независимости Туркменистана.**
Новые ашхабадские отели соревнуются по великолепию архитектуры со знаменитыми мавзолеями древнего Мерва. Проблема, однако, в том, что и те, и другие сегодня пусты

Другой доверительно сообщил, что лидеру и вовсе присуща скромность (так и тянет добавить, ленинская). В подтверждение было рассказано, что некоторое время назад Ниязов даже «отозвал» свое имя из названия Каракумского канала. (Напомним вкратце, что это чудо мелиорации протяженностью тысяча сто километров ранее носило имя Ленина и каналом имени Туркменбаши было названо лишь в 1993 году). Впрочем, другие собеседники, на которых я опробовал эту версию, придерживались принципиально иной точки зрения. Дело, по их мнению, вовсе не в скромности, а в том, что эта артерия, без которой большая часть республики остается без воды, неотвратимо заиливается и мелеет, нося при этом имя «Главы всех туркмен». Теперь канал безымянный.

Мелеет, впрочем, не только канал. По мере разрушения этого сложнейшего инженерного сооружения (по сути, именно канал позволил кочевым туркменским племенам в конце 20-х годов текущего столетия перейти к оседлому образу жизни) нищает и все туркменское сельское хозяйство, основу которого традиционно составлял хлопок.

Согласно официальным данным, Туркменистан собрал в прошлом году 1300 тысяч тонн хлопка. Хлопкороб Довлет (здесь и далее по вполне понятным причинам изменены все имена, за исключением одного — Туркменбаши) утверждает, что на самом деле собрано не более 450 тысяч тонн. Хуже того, за собранный в прошлом году урожай хлопкоробы не получили ни маната — у государства, как сказал им президент, нет средств. В этом году многие крестьяне отказываются работать на хлопке. Чтобы привлечь работников на поля, Туркменбаши объявил, что готов предоставить крестьянам землю во временную аренду под хлопок. Более того, было объявлено, что правительство за треть будущего урожая может заплатить уже сейчас. Но свои обещания власти выполняют неохотно — получить предоплату непросто.

— Цена, которую обещают давать за хлопок, составляет лишь 10 процентов от мировой, — продолжает Довлет. — Учитывая, что в туркменских семьях по восемь—десять детей, которых надо как-то кормить, крестьяне ищут другие заработки. Чаще всего торгуют, чем могут, или уезжают на заработки в Казахстан, Россию — туда, где могут найти работу. Наши женщины делают то, что никогда не делали: едут в Иран или Афганистан, там покупают наркотики, заглатывают их и везут сюда. Тут есть люди, скупают. Стыдно! А что делать?

Первое время многие пытались заниматься бизнесом. Однако и это оказалось непросто: перепродавать в Туркмении турецкий ширпотреб

— занятие бессмысленное, потому что мало у кого есть деньги. А для того чтобы перепродавать за рубеж тот же хлопок, требуется близость к власти. Из нескольких тысяч зарегистрированных частных предприятий реально действуют не больше двух десятков. При этом едва ли не всему миру известно, что Туркмения с ее огромными запасами природного газа — потенциальный Кувейт. На этот счет в республике невесело шутят: «У нас пока не Кувейт, а кювет!»

Тем временем во властных структурах царит настоящая чехарда. Редкий министр остается на своем месте больше двух лет. Стоит кому-то руководителю приобрести популярность или авторитет, как он оказывается под следствием. Обвинения однообразны — органы «находят» финансовые нарушения и заводят уголовное дело.

В результате с газом дела идут не лучше, чем с хлопком. По сравнению с советскими временами его добыча упала с 86 миллиардов кубометров в год до 30 миллиардов кубов. Строительство газопровода Туркменистан — Европа через Иран и Турцию идет крайне вяло. Все прочие проекты веток — из Туркменистана в Японию через Китай и в Пакистан и Индию через Афганистан, широко разрекламированные в свое время, — так и остались проектами.

Тем не менее перспективы газовой отрасли — по-прежнему главный козырь в руках президента Ниязова. Заинтересованность многих европейских и ведущих азиатских стран в дешевом туркменском газе заставляет их смотреть сквозь пальцы на нарушения прав человека в этой стране. Для развития системы газопроводов и модернизации нефтегазовой отрасли нужна стабильность, пусть даже ценой диктатуры и бесконечных праздников.

Официальное оправдание всевластия президента зиждется на постулате о том, что ничто, кроме его сильной и одновременно мудрой руки, не могло уберечь страну от развития событий по таджикскому сценарию. Похоже, этот тезис прочно укоренился в представлениях многих туркмен. Важная деталь: вопрос о том, а были ли, собственно, в Туркменистане предпосылки для вооруженного конфликта, не обсуждался и не обсуждается.

Купюра в одну тысячу Туркменбаши

Любопытно, что президент Ниязов гарантирует стабильность не только своей стране, но и своей валюте. Главным доказательством ее надежности является президентский портрет, помещенный на всех денежных купюрах без исключения. Это, конечно, оказывает положительное влияние на курс денежной единицы (нынче, например, туркменский манат почти равен рублю), но все-таки недостаточное (если вспомнить, что при введении его в обращение три года назад «Глава всех туркмен» своим личным авторитетом приравнял его к доллару).

Дополнительную стабильность режиму, видимо, придают и масштабы показательного капитального строительства, которым охвачены все крупные города республики. Сам глава государства намерен поселиться в мавзолее — ни с чем иным не сравнишь президентский дворец — еще при жизни. Кроме дворца, для Туркменбаши уже отстроены виллы — одна в горах близ Ашхабада, другая — в курортном местечке Фирюза.

Отчасти подобную тягу к монументальному строительству объясняет биография Сапармурата Ниязова. Отец будущего «Главы всех туркмен» был убит на фронте во время Великой Отечественной, другие близкие родственники погибли в 1948 году, когда Ашхабад разрушило сильнейшее землетрясение. Он вырос в детском доме — нетипичный случай для туркмен. Затем Сапармурат Ниязов учился в Ленинградском политехническом институте, после чего проделал стандартную карьеру партийного аппаратчика — от парторга электростанции в городе Безмеин до первого секретаря ЦК Компартии Туркмении. Те в стране, кто еще задумывается о связи времен, считают, что Ниязов — выдвиженец Горбачева, на заре перестройки полагавшего, что раз Сапармурат — сирота, то за ним не будет стоять какой-либо семейный клан, который придется кормить за счет государства.

Распространенный в Москве тезис о том, что Туркменбаши — типичный восточный деспот, критически настроенная национальная интеллигенция не разделяет. В Туркмении в нем видят скорее классического советского функционера, прорвавшегося к власти и всеми силами стремящегося ее сохранить. Его соседи, среднеазиатские президенты, из коммунистических функционеров быстро превратились в национальных, а подчас в националистических лидеров, хорошо вписывающихся в традиционную клановую структуру азиатской власти. Туркменская же государственная машина ниязовской сборки, при всей национальной риторике и изобилии новых государственных праздников, не столько национальная, сколько советская.

Кадровая нестабильность в Ашхабаде, похоже, еще один важный элемент государственного строительства. Строя государство в обществе, которое до советского периода его никогда не имело, Ниязов предпочитает копировать хорошо известные ему советские образцы, явно опасаясь, что рост авторитета того или иного лица приведет к возвышению элиты одной из пяти областей Туркмении (здесь их называют велаятами). А это автоматически сделает уязвимым «неукорененного» президента, волею случая оказавшегося хозяином страны.

СОВЕТСКОГО СОЮЗА НЕ СУЩЕСТВУЕТ, НО АТМОСФЕРА НАРОЧИТОГО ПРАЗДНИКА В ТУРКМЕНИСТАНЕ НАПОМИНАЕТ О «СЧАСТЛИВОЙ БРАТСКОЙ СЕМЬЕ НАРОДОВ»

Некоторые сотрудники Ашхабадского университета, правда, уверяли меня в том, что «советский синдром» будет со временем преодолен. На территории Туркмении и в самом деле были великие государства, оставившие в истории глубокий след: рано или поздно их опыт будет востребован. Это и древнее Парфянское царство, развалины столицы которого — Нисы можно увидеть недалеко от Ашхабада, и средневековое государство Мерв, уничтоженное конниками Чингисхана, но название которого сохранилось в имени города Мары.

Как бы то ни было, но сегодня новое государство, у которого как минимум три дня рождения, строится не на развалинах Мерва и Нисы, а на обломках советской Средней Азии. Дело, очевидно, даже не в личности самого президента, а в том, что в каждом из славящих «его» чиновников сидит готовый подчиняться и подчинять маленький туркменбаши.

Падишах-строитель

Проще всего в Ашхабаде разговорить таксиста. Стоит это, в общем, недорого: двадцать тысяч туркменских манат — около двадцати тысяч рублей. Во всяком случае, ровно столько запросил у меня таксист Мурад за то, что у нас бы назвали обзорной экскурсией по городу. Мурад оказался таксистом-патриотом: достопримечательности столицы он показывал в порядке возрастания их политико-идеологической значимости.

Первой в этом ряду стояла длинная и безлюдная улица, состоящая из роскошных пятизвездочных гостиниц-особняков (максимум на 30—50 номеров), которые лет десять назад проходили бы по категории «цековских гостиниц». «Смотри, как красиво! — приговаривал водитель-экскурсовод. — У нас уже есть отели, настанет день, когда в них будут и постояльцы!»

Следующим пунктом программы был проспект Махтумкули в центре города. Здесь моего гида радовало прежде всего то, что все дома выкрашены свежей розовой краской. «Он (к тому времени я уже не переспрашивал, кто это) большой молодец, — внушал Мурад , — смотри, все дома покрашены».

Напоследок таксист оставил главное достижение новой туркменской архитектуры — президентский дворец, подаренный Туркменбаши ко дню рождения. Он объехал вокруг него раза два, успев за это время поведать, что фонтаны включены только-только, а само сооружение усилиями пакистанских рабочих выросло из-под земли где-то за год. Главный политический вывод он приберег на момент прощания.

— Запомни, это вылитый Тадж Махал, не хуже индийского, — сообщил Мурад , когда я наотрез отказался от третьего круга. — Наш президент — как падишах-строитель. Здания, построенные при нем, переживут века.

В тот же день мне рассказали другую историю. О том, как несколько лет назад, в разгар кампании по награждению фабрик, санаториев, заводов и улиц именем Сапармурата Туркменбаши, сам президент заметил на одном из правительственных совещаний: «Знаю, стоит мне умереть, все обратно переименуете». ■

ВСКОРЕ ПРЕЗИДЕНТ БУДЕТ ЖИТЬ В МАВЗОЛЕЕ

Налоговый кодекс: лучше правительственный кризис сегодня, чем социальный взрыв завтра

Виктор Стрельников

ОЖИДАНИЕ

Если собрать воедино все рассказы бухгалтеров о том, как неразбериха в налоговом законодательстве и основанный на ней произвол налоговых инспекторов портят им кровь, приводят к огромным потерям для предприятий, срывам контрактов и в конечном счете задержкам заработной платы, можно написать сценарий для сериала, который по продолжительности оставит далеко позади «Санта-Барбару».

Нагромождение большого числа законов, так или иначе регулирующих финансовые отношения между государством и хозяйствующими субъектами и входящих зачастую в противоречие друг с другом, приводит к огромным дополнительным издержкам для менеджмента предприятий и опосредованно для экономики в целом. Как очереди за хлебом и молоком в 1990 году отнимали у людей по полдня, которые можно было бы провести с гораздо большей пользой, так и чрезмерная усложненность и путаница в налоговом законодательстве сегодня заставляет финансистов бесконечно заниматься сверками и спорами с многочисленными сборщиками налогов и других обязательных платежей, хотя в это время можно было бы заняться упорядочением денежных потоков внутри предприятия или во внешних операциях.

Нельзя сказать, чтобы власти, от которых зависит совершенствование налоговой системы, об этом не знали. Заместитель министра финансов Сергей Шаталов еще в 1994 году начал сочинять Налоговый кодекс. Смысл затеи в том, чтобы все законодательное регулирование налоговой сферы свести в один документ, заключить его в единые рамки и не выпускать оттуда ни под каким видом.

«Принятие и последовательное введение в действие Налогового кодекса выбьет почву из-под ног мздоимцев, – говорит финансовый директор компании «РИНАКО-Плюс» Кирилл Славин. – Ведь если сейчас в силу несовершенства существующего налогового законодательства любой вопрос является спорным и все решает налоговый инспектор, на которого нет никакой управы, кроме перегруженного делами арбитражного суда, то после принятия кодекса будет решать закон. А в действительно спорных случаях – налоговый суд, институционализация которого предусмотрена кодексом».

Упрощение правил игры – конечно, не единственная задача, которую ставили перед собой разработчики проекта кодекса. Документ объемом в несколько сотен страниц разрабатывался прежде всего с целью уменьшения налогового бремени на предприятия, а также создания условий, которые стимулировали бы производителей работать над снижением затрат. Ни для кого не секрет, что, например, налог на прибыль в его нынешнем виде подталкивает директоров предприятий любой формы собственности искусственно повышать себестоимость продукции со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Что же касается необходимости уменьшить тяжесть налогового груза, взваленного на плечи еще не окрепшего ребенка, то об этом написано и говорено уже очень много. Стоит, возможно, только добавить, что на недавнем заседании Консультативного совета по иностранным инвестициям при российском правительстве представители крупнейших западных компаний предъявили премьеру Виктору Черномырдину расчеты, согласно которым производство отдельных видов товаров при выполнении существующих ныне норм налоговых отчислений заведомо оказывается убыточным.

Принятие и последовательное введение в действие Налогового кодекса выбьет почву из-под ног мздоимцев.

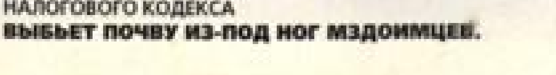
В проекте кодекса предлагаются решения перечисленных задач (см. интервью с г-ном Шаталовым). Может быть, и даже наверняка, эти решения не вполне идеальны. Так, снижение налоговых изъятий в консолидированный бюджет составит всего 20 триллионов рублей. Хотелось бы больше. Но до некоторой степени налоговый режим может быть смягчен и за счет процедурных новшеств. Новый порядок взимания того же налога на прибыль, ставка которого снижается, позволит предприятиям в дальнейшем сокращать свои отчисления по этому пункту баланса. Во всяком случае, даже критики существующего проекта признают, что его введение стало бы большим благом по сравнению со status quo.

Проект общей части кодекса, фиксирующей основные принципы налоговой политики, был предложен вниманию правительства в середине 1995 года. Документ подвергли массированной критике и отправили на доработку. В межведомственных согласованиях его промурыжили еще несколько месяцев, прежде чем представить в Думу. В феврале 1996 года нижняя палата парламента отклонила проект общей части. До сих пор (!) думцы его еще не приняли. С учетом результатов работы согласительной комиссии они собираются повторно рассмотреть документ в начале марта нынешнего года. А ведь общая часть – наименее конфликтный раздел кодекса.

20 февраля в правительстве рассматривались вторая (федеральные налоги), третья (региональные) и четвертая (местные) его части. Они регулируют конкретные льготы, распределение налоговых поступлений между бюджетами разных уровней и много других категорий, ради каждой из которых заинтересованные лица готовы волком выгрызть глотки друг другу и все вместе – разработчикам проекта.

Результаты правительственного заседания трактуются по-разному. Вице-премьер Александр Лившиц считает их положительными, упирая на тот факт, что в протоколе значится «Одобрен в основном». Многие наблюдатели, напротив, указывают, что для доработки документа не требовался месячный срок, отведенный премьером, и его можно было внести в Думу раньше. В любом случае настораживает напористость, проявленная уже на этом этапе первым замминистра обороны Андреем Кокошиным и министром культуры Евгением Сидоровым в отстаивании некоторых льгот. Если правительственные чиновники не сдерживают своих эмоций даже после предупреждения премьера, что о сохранении льгот он ничего слышать не хочет, значит, в Думе подковерное лоббирование будет просто отчаянным.

Возникает вопрос: удастся ли правительству при таком внутреннем и внешнем противодействии протащить через Думу кодекс хотя бы в течение всего текущего года, чтобы 1998 год не был потерян для налоговой реформы, а значит, и для оживления экономики? И вообще способно ли правительство, сформированное не на идейно-партийном принципе, а путем привлечения лоббистов от разных отраслей, добиться действительно принципиальных и совершенно необходимых изменений – в налоговой сфере и экономической политике вообще?

На второй день после того заседания правительства в Москве собрался совет партии «Демократический выбор России». Партии, зампредом которой состоит руководитель президентской администрации Анатолий Чубайс. Не стоит, наверное, преувеличивать влияние этой партии, переживающей затяжной кризис. Но в чем ей нельзя отказать, так это в наличии вполне определенной и вполне вразумительной идеологической позиции. Кроме ДВР, этим может похвастаться разве что только КПРФ. Так вот, совет выбороссов во главе с Егором Гайдаром квалифицировал правительство г-на Черномырдина как «зыбкую, беспринципную коалицию», обвинив его в «смычке с реакционным коммунистическим большинством Госдумы».

Совершенно очевидно, что этот демарш был предпринят именно сейчас не случайно. В кругах либеральных экономистов давно уже зреет недовольство половинчатыми решениями нынешнего Кабинета министров. Г-н Черномырдин каждый раз заявляет, что «обсуждаемый сегодня вопрос очень важен для страны, для людей». И с тем же постоянством реальные шаги к реализации налоговой, пенсионной, коммунальной реформ, к реструктуризации естественных монополий и т.д. откладываются. Весьма вероятно, что месячная отсрочка внесения в Думу проекта специализированных частей Налогового кодекса стала той каплей, которая переполнила чашу.

И еще через два дня, в понедельник 24 февраля, бездеятельность правительства критикует уже президент Борис Ельцин, глядя в лицо прибывшему на традиционную встречу премьеру. Тот факт, что в качестве повода для претензий был взят итог некоего опроса общественного мнения, согласно которому более половины россиян отрицательно относятся к работе Кабинета министров, лишь подтверждает существование более глубоких корней конфликта. Предъявить такие результаты опроса можно было давно: на протяжении всего периода реформ правительство, мягко выражаясь, не пользуется бешеной популярностью у трудящихся. Но именно сейчас настало время, когда для решительных и эффективных действий есть все необходимые условия: президентские полномочия подтверждены, есть некоторая социальная стабильность или, вернее, отсутствуют непосредственные угрозы массовых восстаний. Нет только большинства у «партии власти» в парламенте и единства в правительстве. Но если на этом основании откладывать реализацию реформ, пребывая в перманентном поиске компромиссов с теми, с кем компромиссов не может быть по определению, то очень скоро ситуация изменится и исчезнут даже те преимущества, которые существуют сегодня.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОСТОЯННО ИДЕТ НА СОГЛАШАТЕЛЬСТВО С ДУМСКОЙ ФРАКЦИЕЙ КПРФ

Правительство постоянно идет на соглашательство с думской фракцией КПРФ. Так было и при рассмотрении налоговых законопроектов, представленных в парламент вместе с бюджетом-97. При этом министры с удовольствием рассказывают, как саботаж со стороны парламентариев отдельных правительственных налоговых инициатив привел к сохранению в законодательстве лазеек для льготников, различных способов легального ухода от налогообложения. Однако министры не учитывают, что в массовом сознании сохранение благоприятных для жулья дыр в законодательстве ассоциируется именно с «капиталистическим» правительством, а никак не с коммунистической фракцией.

Нет никаких гарантий, что такая тактика не будет продолжена и при обсуждении проекта Налогового кодекса. И либералам это очень не нравится. Хотя бы уже потому, что их обвиняют в неудачах реформ, которые они не контролируют. Но дело, конечно, не в личной обиде выбороссов и сочувствующих им лиц. Дело в том, что при нынешнем течении «полуреформ» через полгода может наступить кризис, когда недовольство задержанными пенсиями, зарплатами и отключениями света станет лавинообразным. Поэтому лучше сейчас кризис правительственный, чем потом — общегосударственный.

В 1918 году Владимир Ленин распустил Учредительное собрание, где большинство получили не большевики, а эсеры. И вслед за этим ввел продразверстку. В 1997 году Борису Ельцину надо заставить правительство решительнее разговаривать с коммунистическим парламентом. И ввести Налоговый кодекс. ■

Бюджет был моим Сталинградом. Но Курская дуга еще впереди

Беседу с «Итогами» Александр Лившиц начал с сообщения об уплате подоходного налога за прошлый год. Доходы министра финансов составили 56,8 миллиона рублей, налог — 12,5 миллиона

Андрей Серов

БАТАЛИИ

— Я в свое время очень серьезно занимался госфинансами при написании докторской диссертации. И знаю, что сектор госфинансов — самый недемократичный во всем механизме рыночной экономики.

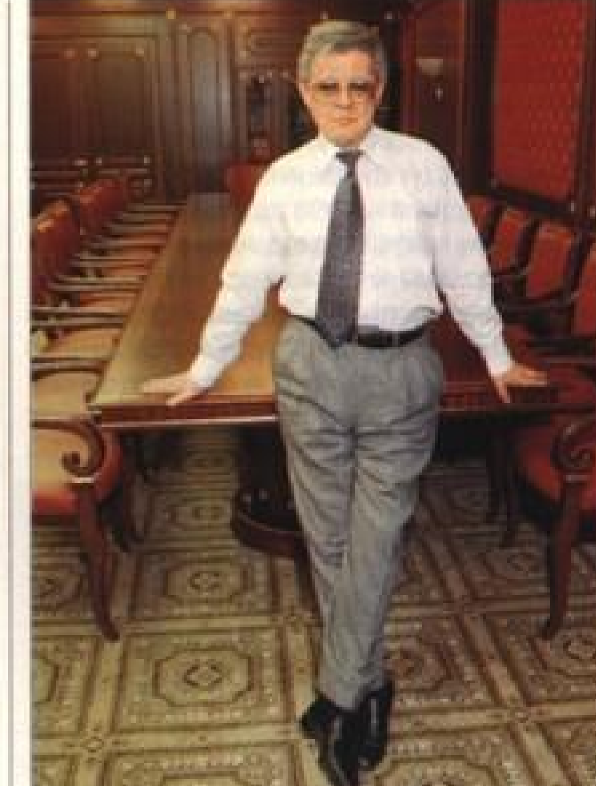
Во-первых, человек платит налоги принудительно. Его нельзя заставить купить диван, если он не хочет, но он не может отказаться платить налоги. Во-вторых, ему навязывают цену этой покупки. В-третьих, он практически не управляет тем, что покупает — услугой со стороны государства. Он платит правоохранительным органам, чтобы те защитили его от нападения в темном переулке. Но его все равно бьют по башке.

Вот эта сугубая недемократичность — врожденный дефект этого механизма. Его нельзя улучшить. Идей теоретических здесь была масса. Например, брать налоги на содержание армии только с тех, кто боится внешнего врага. Но все такие теории разбивались, поскольку в случае с услугами государства действует принцип неисключаемости из потребления. Платит гражданин или не платит, армия его защищает. Так что, если, скажем, референдум провести, все будут пацифистами, чтобы не платить.

С начала реформ налоговая система создавалась последовательными наслоениями. И сейчас она уже изношена — морально и физически. Это, собственно, очевидно всем: несправедливое распределение бремени, нестабильность, отсутствие устойчивых правил и системы, очень тяжелое давление на производственный сектор. Вот эти негативные качества мы постарались преодолеть с помощью Налогового кодекса. Он разрабатывался долго. Одних заседаний комиссии по совершенствованию налогового законодательства прошло 12. 90% времени занимало обсуждение льгот.

— Несмотря на всю недемократичность налоговой сферы, с известными оговорками налоговую политику все-таки можно выбирать, выбирая ту или иную политическую партию. «Демократический выбор России», например, подверг критике правительство через два дня после того, как на заседании Кабинета министров утверждение второй-четвертой частей Налогового кодекса было отложено еще на месяц.

— Протоколом заседания правительства, завизированным мною и подписанным премьером, Налоговый кодекс одобрен в основном. Есть масса бюрократических формул, которые позволяют сделать с кодексом все что угодно. Например, «принять за основу». Это конец. Или «Принять к сведению информацию о...». Это полный конец. «Одобрить в основном» — это очень серьезно.

Затяжка с разработкой кодекса связана с необходимостью обеспечить гласность. Гласность — это всегда долго. Мы могли разработать кодекс в Минфине, выкатить его на правительство и — вперед. Но мы специально в течение многих месяцев прокатывали его на заседаниях комиссии по совершенствованию налогового законодательства. Там были депутаты, журналисты, общественные деятели.

Но сейчас к правительству претензий по по-

Сумбур вместо налогов

«Путаница», «дикость», «маразм» - далеко не самые сильные выражения, которые употребляют московские предприниматели, когда речь заходит о существующей налоговой системе. Вести о Налоговом кодексе они обсуждают с интересом

АЖИОТАЖ

Импровизированный опрос руководителей московских фирм позволяет сделать один определенный вывод: без изменения налогового законодательства они не представляют себе дальнейшей жизни своих предприятий. И большинство приветствует грядущее появление кодекса. Наиболее образно эту мысль выразила главный бухгалтер **Московской чаеразвесочной фабрики** Ирина Сорникова:

«Главное — что наконец-то в нашей стране появится настоящий, с большой буквы налоговый ЗАКОН. Большой, полный и подробный. И тогда уже не будет как сейчас — закон дышло, куда хочешь, туда и вышло. Хотя и с принятием кодекса останется много проблем.

Что же касается льгот, то с ними так все путано, что на самом деле они сейчас все равно не работают. Так что пусть отменяют.

Но этим летом кодекс, конечно, не примут. Наверное, ближе к следующему году что-то у них может получиться. Понимаете, торопиться нельзя, в проекте очень много подводных камней. Поспешишь — людей насмешишь».

С принятием кодекса предприятия прежде всего ждут избавления от путаницы, с которой они постоянно сталкиваются при работе по существующей налоговой системе. Вот как описывает их главный бухгалтер **Московского винодельческого завода** Софья Гамалетдинова:

«Упрощение хорошо. А то сейчас 100 видов налогов. Особенно НДС — просто маразм. И так очень трудно считается, а в него еще все время вносят изменения. Вообще я не знаю бухгалтеров, которые бы совершенно правильно его считали. Да не может рядовой бухгалтер иметь такой уровень! Для этого профессором надо быть. А так — одни недоразумения. Старое поколение бухгалтеров еще держится, а молодежь уже не хочет в этом копаться. Нигде в мире, насколько я знаю, такого множества налогов нет, только в России.

В общем, как ввели НДС — третий год света белого не вижу. (А я ведь главбухом уже 20 лет.) Представьте себе: у нас продукции 50 наименований — и по каждому надо учесть все расходы и по каждому из них посчитать НДС — а это и бензин на перевозку, и чуть ли не канцелярские скрепки. Причем винсырье нам везут из Молдавии, Узбекистана — попробуйте их заставить учитывать НДС. А до конца все равно не разберешься. Не зря говорят: хотите найти нарушения у предприятия — проверьте НДС. Например, наш клиент написал в платежке «НДС не облагается», а я за то, что он написал, несу ответственность, штрафы плачу. Часто мы и не пытаемся разобраться, кто там прав, виноват: просто платим штраф.

И с налогом на прибыль путаница. Он, вы ведь знаете, привязан к себестоимости, а там — болото. Какие-нибудь маркетинговые услуги — включать их в себестоимость, не включать? В некоторых случаях — да, в некоторых — нет, сам черт ногу сломит.

А льготы надо отменить. Ведь здесь та же история: они тоже трактуются по-разному. Сколько добавлений, разъяснений, приложений, примечаний! Чего прозевала — сразу штрафные санкции. Есть льготы, кото-

воду медлительности быть не должно. Где-то в 20-х числах марта кодекс будет окончательно рассмотрен. Скажу вам прямо: его никогда нельзя будет окончательно согласовать. Я всегда был сторонником поиска диагонали в параллелограмме — компромисса интересов и т.д. Но это тот случай, когда нужно просто политическое решение: «да» или «нет». Другого здесь быть не может. Ни один сектор экономики не согласится с отменой налоговых льгот. Каждый приведет огромное число аргументов в пользу того, что у других надо льготы отнять, а у него льготы должны остаться. Я хочу в этой связи заметить, что на всю сумму льгот, которая будет оставлена, будут сокращены расходы при разработке бюджета на 1998 год. Когда я впервые высказал эту мысль на заседании комиссии, она была воспринята, мягко говоря, без восторга.

— Может ли правительство, сформированное не по принципу идейного единства, а по принципу отраслевого представительства, выступать единым фронтом в борьбе с теми же льготами?

Налоговая реформа в цифрах

Размер налоговых обязательств в целом по России (млрд. руб.) сегодня (■) и после принятия кодекса (■)

	Сегодня	После принятия кодекса
Налоги на прибыль, доход, прирост капитала	258337	262650
Налоги на товары и услуги	267881	260885
Налоги на имущество	52653	52781
Налоги на пользование природными ресурсами	51470	41160
Налоги, уплачиваемые от фонда оплаты труда	7839	11707
Таможенная пошлина	21793	21793
Прочие налоги и сборы	39811	29075
Отчисления в дорожные фонды	53782	53782
Внебюджетные социальные фонды	232200	232200
Итого — налоговое обязательство	985766	966033

Снижение налоговых обязательств после введения кодекса составит всего 20 триллионов. Хотелось бы больше.

— Ну, вы поймите, я никогда публично не скажу ничего плохого о своих товарищах по правительству до того времени, пока в нем нахожусь. Это исключено. Естественно, мне многое известно и понятно. Но все публичные ссоры тех, кто работает вместе, — это проявления непрофессионализма. Профессиональный подход заключается в том, что пока ты — там, ты можешь спорить о чем угодно, но так, чтобы об этом никто не знал. Поэтому способно или не способно — это я не комментирую, это решать президенту.

Прохождение кодекса будет очень тяжелым. Даже заседание правительства это показало. Тем более понятно, что будет в Думе. Я не знаю, уместна ли здесь эта аналогия, но, когда мы обсуждали в сентябре бюджет, газеты писали, что этот бюджет никогда не будет принят Думой, где левое коммунистическое большинство. Но он был принят. И этот тяжелый бюджет был моим Сталинградом. Но Курская дуга, которая еще предстоит, она похлеще Сталинграда.

— Но ведь уже в процессе обсуждения бюджета правительство пошло на значительные уступки, в том числе в налоговой сфере. Не слишком ли мягко ведет себя правительство в Думе? Все равно ведь в общественном сознании ответственность за реформы лежит на правительстве.

— Понимаете, в чем дело, — нужен результат. Чтобы жестко вести себя с парламентом, много ума не надо. Когда предельно жестко исполнительная власть настроена по отношению к парламенту, эта власть либо обладает там большинством, либо она слаба. Слаба в содержательном плане, поскольку не находит инструментов работы с парламентом, в котором не имеет большинства. Тут нужна не жесткость, а кропотливая работа с разными фракциями. Главное удержать принципиальную позицию — стабильность налоговой системы. Люди должны знать, сколько в стране налогов. И заставлять их платить большее число налогов нельзя. Ни губернатору, ни президенту, никому вообще. Сейчас налогов — больше двухсот. В кодексе — 32. Это было бы уже гигантским достижением.

Во-первых, полный запрет на любые налоговые решения, имеющие обратную силу. Если какой-то регион вводит налог в июле и говорит, что он действовал с 1 января, то только сумасшедший вложит в такой регион деньги.

Второе — максимальное сокращение льгот. Не пытаясь кого-то угробить, а переводя это в плоскость бюджетных расходов. Если такой-то сектор имеет льготы на 5 триллионов, я готов ему клятву дать, что, уничтожив льготу, мы ровно на 5 триллионов увеличим ему бюджетное финансирование. Льготы плохи тем, что непрозрачны. Куда они расходуются, на какие цели? Почти все льготы привязаны к инвестициям. Но нет инвестиций. Были бы инвестиции, мы бы их не трогали. Но их нет. Нам говорят: «Время не подошло, вот сейчас как раз...» Но это сказка про белого бычка.

50 видов льгот по НДС! Вот нам приходится читать, что мы выступаем против инвалидов. Предприятия, где работают убогие, глухие, слепые, — конечно, мы сохраним им льготы. Но недавно, при обсуждении бюджета на нынешний год, инвалиды добились, чтобы льготы имели и их общественные организации. А общественная организация может состоять вовсе не из инвалидов, а из крутых здоровяков. Через два дня после того, как Дума отклонила правительственный законопроект об отмене льгот по общественным организациям инвалидов, мне принесли ксерокопию публикации в одной петербургской газете. Там было написано: «Общественная организация инвалидов учреждает предприятия, освобожденные от НДС — на 100%, от налога на прибыль — на 100%, от налога на имущество — на 100%». Я пошел к депутатам, показал им эту публикацию и сказал, что над нами просто смеются.

— Так, может быть, это метод левого большинства в Думе? Коммунисты отклоняют предложения правительства, а учителя и шахтеры идут протестовать к Белому дому.

— Я бы не стал переводить это в плоскость идеологическую. Дума мне лично нравится. В каждой фракции, включая коммунистическую, вы найдете немало нормальных, здравомыслящих людей. И людей порядочных. Я никогда не поверю, что, отклоняя какие-то дельные предложения правительства, переводя на него стрелку, эти люди нарочно провоцируют социальные волнения. Если такие волнения произойдут в России, сметут всех. И их в том числе. Потому что припомнят все: «Голосовали за бюджет, живете по Конституции 1993 года...».

С нашим парламентом надо считаться как с нормальным парламентом любой западной страны. Там действует множество механизмов — механизмов лоббирования. Причем я не вкладываю в это понятие ни малейшего криминального оттенка. Вот найти в этой системе механизмы, чтобы провести что-то разумное, объяснить им, взывая к здравому смыслу и используя иные рычаги воздействия, — вот на это мы рассчитываем.

Естественно, мы рассчитываем и на единство правительства. Самое худшее, что можно ожидать, — если те, кто лишится льгот, начнут формировать некие образования, состоящие частично из членов правительства, частично — из депутатов.

— Неформально они уже, наверное, созданы.

— Ну, давайте, да, тут не юлить — они действительно существуют, мы все это прекрасно знаем. Мы очень часто слышим одно и то же и в Белом доме, и в Охотном ряду. Маловероятно, казалось бы, чтобы депутат откуда-нибудь из глубинки знал вещи, которые положено знать совсем другим людям. Но он их знает всегда.

На самом деле тут есть глубокий дефект власти. В принципе эта ситуация нетерпима. Я не хочу обидеть своих коллег и, как вы видите, никого не называю, но эта ситуация нетерпима. ■

Сергей Шаталов: «Кодекс уменьшит налоговое бремя»

Но величина изъятий останется очень большой

ДЕТИЩЕ

«Итоги»: Как Налоговый кодекс решает две противоречащие друг другу задачи: увеличение поступлений в бюджет и стимулирование инвестиционной активности?

С.Ш.: Первое впечатление многих средств массовой информации от проекта Налогового кодекса таково, что правительство собирается отменить все налоговые льготы и за счет этого привлечь дополнительно: кто говорит 70, кто — 80, а кто — и все 170 триллионов рублей. 170, а точнее 163 триллиона рублей, — это оценка тех налоговых льгот, которые существуют сегодня по налоговому законодательству. Плюс, если взять льготы по внешнеэкономической деятельности, добавляются еще 15—20 триллионов. Но по сути дела неверно было бы говорить, что с помощью Налогового кодекса правительство собирается закручивать гайки, увеличивать налоговое бремя, отменяя льготы, и эти 170 триллионов поступят в бюджет. Ничего подобного не произойдет. На самом деле, если Налоговый кодекс будет принят, то бюджет получит даже меньше, чем предполагается в 1997 году. Доходы консолидированного бюджета в нынешнем году должны составить примерно 753,6 триллиона рублей. Если бы Налоговый кодекс уже действовал, этот показатель составил бы 733,8 триллиона. То есть принятие Налогового кодекса сразу приведет к потере 20 триллионов. Величина налоговых изъятий останется, конечно, очень большой (надо учитывать масштабы всех социальных программ). Тем не менее речь идет о явном снижении налогового бремени. Оно произойдет за счет отмены ряда налогов. Естественно, это потребует сжатия, в пределах возможного, государственных расходов, поскольку на увеличение бюджетного дефицита правительство идти не собирается. Зато выполняется задача стимулирования инвестиционной активности, поскольку несколько улучшается налоговый климат. Отменяется, например, налог с выручки, который в настоящее время в сочетании с налогом на прибыль изымает у предприятия, действующего с 10-процентной рентабельностью, 79% прибыли. В настоящее время предприятие, попавшее в такие условия, лишается

рые так сложно применять, что лучше и не пытаться».

Это мнение подтверждают и слова главного экономиста **кондитерской фабрики «Красный Октябрь»** Юрия Егорова:

«Наконец-то решили сократить число налогов. Сейчас их так много, что мы просто не успеваем в них разобраться, изучить выходящие инструкции. Процедура уплаты налогов явно должна стать проще.

Хорошо, если снизят налог на прибыль. Сейчас мы буквально задыхаемся под налоговым прессом. И надеемся, что будет лучше. Мы не пользуемся никакими льготами, платим по полной программе, поэтому, надо думать, поборы с нас теперь уменьшатся. За счет бывших льготников. Но когда все это будет, и будет ли вообще?»

Вот действительно серьезный вопрос. Реальность намеченных сроков принятия кодекса у многих вызывает сомнения. Особенно у главного бухгалтера **магазина «Детский мир»** Маргариты Мошкиной:

«На самом деле, я думаю, лет пять еще этот кодекс будут готовить. Эта цифра звучала и на конференции бухгалтеров и аудиторов в Кремле, которая состоялась в конце февраля. Починок сказал — к 2002 году примут. Знаете ведь, как там у них — первое согласование, второе, третье...

А сейчас как получается? Вышел указ — а следом за ним комментарии, которые трактуют его совершенно по-разному. Вот, например, недавно точно такая история была, когда изменили подоходный налог. Две противоположные трактовки я читала. Да и столько разночтений в существующих законах! И масса литературы на эту тему, а прочесть нет физической возможности. Об этом, кстати, много говорили на конференции.

Ситуация ужасная. Понимаете, все так запутано, а если я что-то неправильно пойму — не умышленно, а просто не разберусь, то с меня же потом и спросится.

Что же касается льгот, то у нас и отбирать нечего. Это малые предприятия должны бояться».

И малые предприятия действительно боятся.

«Отмена налоговых льгот для предприятий малого бизнеса заморозит инвестиции в этой сфере и снизит доходы бюджета, — заявил на прошлой неделе председатель **Госкомитета РФ по поддержке и развитию малого предпринимательства** Вячеслав Прохоров. — Отмена налоговых льгот снизит доходы бюджета на 200 млрд. рублей. Сейчас, например, собираемость налогов значительно выше в тех субъектах Федерации, где малое предпринимательство эффективно развивается. Так что выгодность сохранения налоговых льгот очевидна. Более того, малые предприятия способны создать широкую налогооблагаемую базу, что будет способствовать более эффективному формированию доходов бюджета».

Большинство малых предприятий пользуются разнообразными льготами, не хотят их терять и вообще не верят в добрую волю государства.

Показательно в этом смысле мнение главного бухгалтера риэлтерской фирмы **ТОО «Аквилон»** Ирины Лебедевой:

«Для малых предприятий грозят снять все льготы. Это очень плохо. А если кодекс примут, как обещано, в середине года — еще хуже. Ведь у нас договоры, и все заключены под существующую систему. И предприятие оценивало их для себя с учетом льгот. Если их отменят, можно запросто вылететь в убыток. Будет, я думаю, массовое разорение, потому что у нас основная масса народу крутится за счет льгот. Потому что платить все платежи, особенно таможенные, — просто невозможно. Сразу от налогов задохнешься. Мелким предприятиям наверняка будет плохо.

Уменьшение числа налогов меня тоже не особенно радует. Ну, может, парочку налогов и отменят, зато остальные ужесточат. Там ведь хитро устроено: налогов-то меньше, но зато расширяется налогооблагаемая база. То есть такое же жульничество, как с НДС было: снизили с 28 до 20 процентов — вроде хорошо, но зато ввели спецналог.

А еще плохо, что налог на прибыль надо будет платить с учетом инфляции. То есть сам налог снизят, но зато введут коэффициент — а какой он, будет определять государство, и чего оно там наопределяет?»

Вторая группа недоверчивых — предприятия, чувствующие себя обиженными уже при существующей налоговой системе. Среди них — **Московский завод нестандартного оборудования,** который производит строительные конструкции.

«Что все сведется в один налог, — говорит его директор Михаил Короткий, — это, конечно, прекрасно. Но не это главное. Ну, будет у нас вместо пяти-шести платежек всего две. Все равно налог непомерно велик. А станет он на прибыль меньше — значит, на что-то другое больше. Вы поймите: город нам должен за нашу работу — а мы платим в городскую казну. Абсурд. А должен быть взаимозачет.

А вообще все это пока одни предположения. Скорость принятия зависит от депутатов, а они, сами знаете, каждый чего-то там лоббирует, какие-то интересы отстаивает. И пока все ресурсы не использует — так и будет лоббировать хоть до второго пришествия. Из-за этого все и затягивается».

Перспективы очень долгого прохождения кодекса по коридорам власти приводят многие фирмы к следующей мысли: пока что на него вообще рано обращать внимание. Так считает **Московская ассоциация риэлтеров (МАР)** в лице своего главбуха Натальи Зориной:

«Я знакома с проектом нового налогового законодательства. Но это все общие фразы. Рано о чем-то говорить. В Думе мне сказали, что все пока в очень сыром виде. У них есть вариант, но слишком неоформленный. Раньше конца 1997-го кодекс не примут. Может, даже в 1998 году. А этим летом едва ли. У них же там летние каникулы».

Вообще это мнение достаточно распространено. Вот что сказала главный бухгалтер **магазина «Ирландский дом» на Новом Арбате** Галина Сенишина:

«У нас есть специальная аудиторская фирма, которая и занимается всеми налоговыми вопросами. И когда нас ждет что-то новое, заранее предупреждает. Насчет налогового кодекса России предупреждений не поступало. Во всяком случае, никакими налоговыми льготами мы не пользуемся, поэтому и терять нам нечего».

А наиболее холодно высказалась по поводу кодекса **Московская нефтяная биржа**.

«Ну что ж, — считает ее вице-президент, главный бухгалтер биржи Валерий Гулявин, — кодекс это лучше, чем ничего. Лучше, чем сейчас. Как говорится, на безрыбье и рак рыба. Но нам-то что? Биржевое движение влачит в нашей стране жалкое существование. Летом, говорите, примут? Нет, такие вещи летом не делают. Летом отпуска, отдыхают наши депутаты».

Лев Каменев

ВЗЯТЬ С ГРАЖДАН БОЛЬШЕ, ЧЕМ БЕРУТ ТЕПЕРЬ, ОЧЕНЬ ТРУДНО

и оборотных средств, и прибыли.

«Итоги»: Налоговый кодекс предполагает введение единого социального налога взамен отчислений в различные внебюджетные фонды. Наступят ли вслед за этим серьезные изменения для этих ведомств, в частности для Пенсионного фонда?

С.Ш.: При подготовке проекта Налогового кодекса мы не пытались решить все проблемы, тем более те, которые с ним непосредственно не связаны. Одна из них заключается в определении задач внебюджетных фондов — что это такое: денежный мешок, через который перераспределяются средства, или самостоятельные разветвленные структуры, которые занимаются очень многими видами деятельности, в том числе выколачиванием налогов?

Идея социального налога проста и состоит в том, чтобы избавить налогоплательщика от необходимости иметь дело с каждым из социальных внебюджетных фондов (это Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, Фонд занятости и Фонд обязательного медицинского страхования. — **«Итоги»**). Это весьма утомительно, потому что отчисления в каждый из них идут по своим правилам, следовательно, все расчеты проводятся четыре раза, а потом еще в различные сроки надо отчитываться в различных инстанциях. Удобнее и естественнее унифицировать базу и объединить ставки этих платежей.

Будут или не будут приниматься решения о реформировании внебюджетных фондов — Налоговый кодекс составлен достаточно гибко, чтобы обеспечить сбор средств в любом случае. Контролер будет единый — налоговая служба.

Ставят еще вопрос о том, что введение единого налога делает невозможным развитие системы персонифицированного учета в Пенсионном фонде и Фонде обязательного медицинского страхования. На самом деле такая проблема не возникает. Вся информация может подаваться предприятиями персонифицированно. Но фонды, естественно, бьются за то, чтобы оставить все как есть, и их можно понять. Так же, как Дорожный фонд бьется за то, что им нужно сохранить все нынешние источники наполнения. А то, что экономика умирает, их не очень волнует.

«Итоги»: Реализована ли в проекте Налогового кодекса давняя идея правительства о переносе центра тяжести с корпоративных налогов на подоходный?

С.Ш.: Конечно, сегодня подоходный налог и другие налоги, которые уплачивают граждане, приносят сравнительно небольшую часть бюджетных доходов. В консолидированном бюджете доля подоходного налога составляет 12% — в 1996 году мы собрали почти 57 триллионов рублей. Наверное, нужно признать, что сегодня взять с наших граждан больше очень трудно. Во всяком случае с прозрачных доходов, от уплаты налогов с которых плательщик отвертеться не может. Вместе с тем не секрет, что очень большая доля доходов граждан сегодня просто не видна налоговой службе. Эти доходы не контролирует никто, за исключением, может быть, совсем других сборщиков из криминальной сферы. Для государства очень важно,одержать победу в конкурентной борьбе с ними. Поэтому чрезвычайно важно, как будут собираться налоги, как будет храниться информация о них, каков будет круг лиц, имеющих к ней доступ. Проект кодекса предусматривает, что практически вся информация о налогоплательщике и его доходах будет тайной. В перспективе (речь, понятное дело, идет не о 1 января 1998 года) «черные» и «серые» доходы будут выходить на свет. Но увеличивать налоговое бремя на граждан в ближайшее время за счет увеличения ставок или другим способом никто не собирается.

Более того, существующие сейчас диапазоны подоходного налога неразумны. Предельные ставки, на мой взгляд, завышены. В проекте кодекса эта проблема затрагивается. При обсуждении в правительстве концепции налоговой реформы было принято решение разделить подоходный налог на федеральный и региональный. Это очень принципиальное изменение. Сейчас, хотя средства от подоходного налога полностью поступают в местные бюджеты, этот налог считается федеральным. То есть его ставки определяются федеральными законами и на всей территории страны они единообразны. В такой системе есть, на мой взгляд, большие преимущества, однако региональные руководители постоянно возмущаются этим обстоятельством и заявляют, что они тоже хотели бы поучаствовать в регулировании подоходного налога. То, что налог теперь разделяется на две части, — шаг навстречу пожеланиям субъектов Федерации.

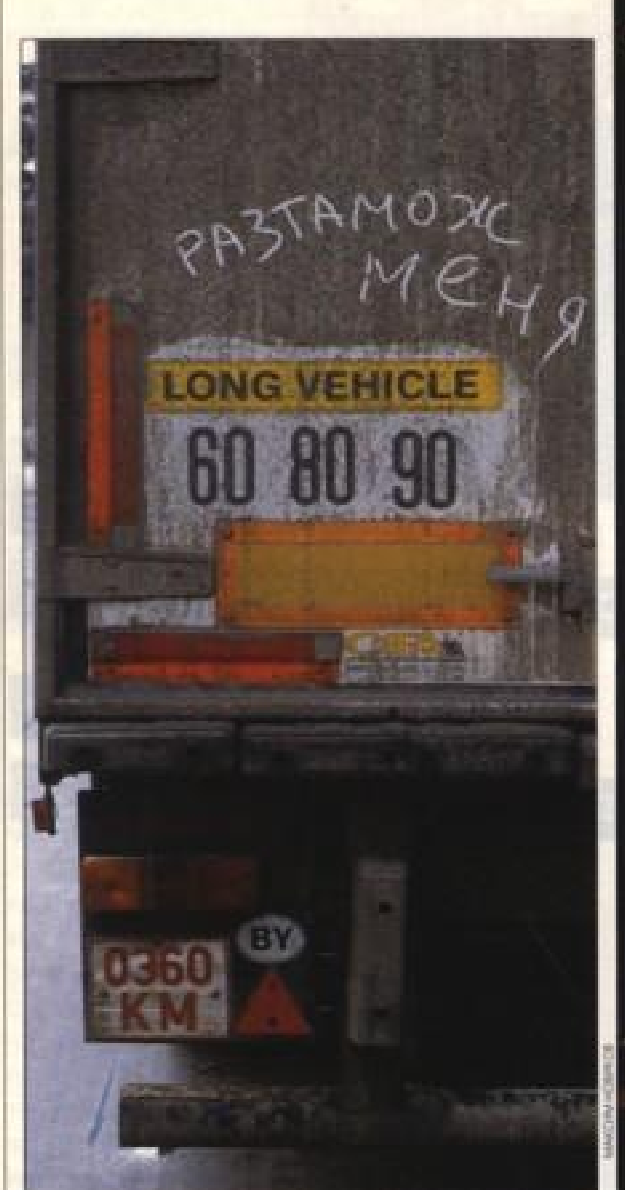
Федеральная часть подоходного налога будет, согласно проекту кодекса, очень небольшой: от 2 до 6% доходов граждан. Все остальное налогообложение передается на места. Кодекс определяет лишь, что минимальная ставка местного подоходного налога не может быть ниже 10%, а максимальная — выше 29%. В этих пределах местные власти теперь могут устанавливать любые правила. Они могут как уменьшить, так и увеличить налоговое бремя на физических лиц. Вполне возможно, что в разных регионах России будут существовать принципиально разные налоговые режимы. Я очень надеюсь, что высокий уровень налогообложения еще только зарождающегося среднего класса может быть снижен решениями властных органов во многих регионах. Хотя допускаю, что в некоторых случаях может произойти обратное. В целом, полагаю, больших изменений в подоходном налоге не будет.

Существенно измениться налогообложение физических лиц может в связи с введением налога на недвижимость. По сравнению с 20-30 тысячами рублей, которые уплачиваются сегодня с обычной квартиры, налог на недвижимость может быть в 6-8 раз выше. Хотя будут сделаны различные оговорки (понижающие коэффициенты для разных категорий жилья, например), которые позволят минимизировать негативный социальный эффект.

«Итоги»: Будет ли найден компромисс между зависимостью бюджета от налоговых поступлений из топливно-энергетического комплекса и требованиями энергетиков снизить налоговое бремя во имя спасения отрасли?

С.Ш.: ТЭК, конечно, должен давать очень большие поступления как в федеральный, так и местные бюджеты. ТЭК платит и за нефть, и за газ два самостоятельных платежа: за пользование минеральными природными ресурсами и на воспроизводство минерально-сырьевой базы. Эти два платежа отличаются практически только направлениями расходования. Если первый идет в бюджеты, то второй должен использоваться целевым образом на геологоразведку. От уплаты сбора на воспроизводство сырьевой базы освобождаются предприятия, которые проводят геологоразведку сами, одновременно они финансируются за счет этих платежей. Поэтому, естественно, являются горячими сторонниками сохранения такого налога.

Согласно проекту кодекса, у нефтяников появляется возможность выбора схемы уплаты налогов. Можно, как сегодня, платить акцизы. Другой путь — уплата налогов в рамках соглашения о разделе продукции (государству вместо налогов передается часть добытой нефти). Третий, также основанный на мировой практике, состоит в том, чтобы по-прежнему уплачивать сбор за пользование природными ресурсами (это ведь, согласно Конституции, народная собственность) и налог на сверхприбыль. Налог на сверхприбыль позволит снизить налоговую нагрузку на добывающее предприятие в период освоения месторождения, когда ему приходится делать большие капиталовложения, а также в период завершения эксплуатации, когда запас нефти исчерпывается, стоимость ее добычи увеличивается, а качество снижается. В период же наиболее высокой продуктивности, когда из скважины бьет нефть, поступления от налога на сверхприбыль достигают пика. Такой способ налогообложения хорошо себя зарекомендовал в странах Северного моря. При грамотном регулировании он дает и большой прирост национального дохода, и нормальные прибыли добывающим компаниям.

Последствия шоповой терапии

Принимая закон о челноках, правительство, кажется, не совсем понимало, какова реальная ситуация в этой сфере бизнеса

Алексей Каменский

МИРАЖИ

Со знаменитого постановления, которое увеличило сборы с шоп-туристов и сократило таможенные льготы при ввозе машин, прошло полгода. Какими только словами не ругали его при принятии, обещая и увеличение безработицы, и рост цен! Но ГТК России выдержал оголтелый натиск. И, как следует из посвященного круглой дате пресс-релиза, не напрасно. Итоги реализации постановления самые положительные.

Остается порадоваться за таможню. Но прежде чем отправляться в ГТК с поздравлениями, имеет смысл более внимательно посмотреть, что же все-таки значат обнародованные в пресс-релизе цифры.

Очень несвоевременное постановление

Постановление прежде всего должно было принести бюджету дополнительные деньги. И действительно, сообщает пресс-релиз, оно как раз и **«обеспечило более высокую степень собираемости таможенных платежей». «В прошедшем году с физических лиц ежемесячно взималось 216 млрд. руб., что более чем в два раза превышает среднемесячный показатель 1995 года».**

Конечно, 216 млрд. руб. — сумма немалая. Однако, сравнив поступления с каким-нибудь более отдаленным периодом, понимаешь, что можно было получить и более впечатляющие цифры. Цены в России растут, и из какого-нибудь 1990 года результаты таможенной работы выглядели бы просто фантастическими. В 1995-м инфляция составила 110%, то есть цены к началу 96-го увеличились в два с небольшим раза — и на столько же выросли таможенные платежи. То есть с учетом инфляции они после принятия постановления вообще не изменились.

Надежды на него между тем возлагались большие: по прогнозам Минэкономики, с шоп-туристов после августа должны были собирать каждый месяц лишние 2 триллиона. А прибавка оказалась всего 100 миллиардов. Эксперты-разработчики ошиблись в 20 раз.

Быть может, шоп-туристы просто завезли очень мало товаров? Их оборот в прошлом году, по данным ГТК, составил 6 млрд. долл. Но ведь людей, для которых челночный бизнес — профессия, у нас (по различным оценкам) 10—20 миллионов. Значит, на одного приходится долларов 300—600, причем в год! Даже если заниматься заграншопингом раз в два месяца, выходит 50—100 долларов на поездку. Странные какие-то получаются челноки...

Все дело в том, что парадоксальная таможенная статистика относится исключительно к тем, кто на свое собственное «физическое» имя оформляет на таможне все товары. Но так делают немногие. А большинство челноков уже давно находятся в так называемом торговом обороте: их покупки идут через границу в качестве товаров, принадлежащих фирмам. Причем не надо думать, что это удел крупных оптовых шоп-туристов. Можно просто воспользоваться услугами производящих таможенное оформление фирм, что челноки уже несколько лет успешно делают, при этом не регистрируя собственную фирму и не получая статуса индивидуального предпринимателя. И августовское постановление, поскольку относится к физическим лицам, на их товары не распространяется. Поэтому и оказалось безрезультатным.

Но, довольно неожиданно утверждает пресс-релиз, так и задумывалось. Все идет по плану. Главное, что **«граждане, ввозящие крупные партии товара... стали пользоваться услугами фирм, которые производят таможенное оформление».** От этих фирм государство и получает доход.

Все здесь верно, кроме слова «стали». Услугами таких фирм шоп-туристы пользуются уже давно. И во второй половине 1996 года особых изменений в их работе, притока новых клиентов не наблюдалось. Во всяком случае, никто этого притока не заметил. А, например, в офисе крупнейшей из московских фирм, East-line, мне заявили, что планируют свою деятельность на основе многих изменчивых рыночных факторов, но августовское постановление среди этих факторов не числится.

Возникает впечатление, что правительство принимало закон о челноках, не совсем понимая, какова реальная ситуация в этой сфере бизнеса. Шоп-туристы представлялись разработчикам шумной неорганизованной толпой, которая сама тащит свои сумки и мешки на таможенный контроль. А там, если чей-то мешок оказывается тяжелее 50 кг, начинают взиматься пошлины, подкрепляющие государственный бюджет. Между тем большинство торговцев занимаются этим делом уже не первый год, и вся схема у них давно налажена. Есть не только знакомые продавцы, у которых товар покупается, но и стандартные способы растаможки в обход постановлений о физических лицах — легальные и дешевые одновременно. Главный из них — карго.

От пошлин спасает старое карго

Каргой (в шоп-бизнесе это слово склоняют, и почему-то по женскому роду) пользуются почти все. И крупные оптовики, и мелкие челноки из интеллигенции. Все устроено очень удобно.

Организуется фирма, специализирующаяся на импорте товаров (из Турции, Китая, ОАЭ, Греции и прочих челночных стран) в Россию. В стране происхождения товаров открывается ее представительство, работающее с клиентами — шоп-туристами. Оно принимает товары, доставляет, растаможивает в качестве груза, принадлежащего юридическому лицу, и выдает владельцам. (В Москве пунктов выдачи несколько — самый крупный на Зеленом проспекте недалеко от станции метро «Перово».)

В первом полугодии 1996 года с уплатой таможенных платежей было ввезено лишь 30 процентов транспортных средств

1000-долларовое, 50-килограммовое и прочие ограничения в таких условиях не действуют. Оно и понятно. Фирма работает по совсем другим законам — для юридических лиц. Так что клиент может сдать хоть один мешок, хоть десять — и даже в последнем случае получить скидку за крупную партию. Уровень сервиса доходит до того, что и платить заранее не обязательно. Издержавшийся шоп-турист может произвести расчеты при получении груза в России.

Цены карго-фирм в двух словах не описать. Все зависит от страны, товара, сроков доставки. Зато можно сравнить их с фигурирующей в правилах для частных лиц цифрой — 4 ЭКЮ за килограмм (это минимальная пошлина при весе товара более 50 кг). И сравнение доказывает бессмысленность всех экюшных минимумов. 4 ЭКЮ — это около 5 долларов. А доставка плюс растаможка текстиля из Турции стоит 2,3 долл. за килограмм, кожи оттуда же — 3,2 долл. Текстиль из Италии доставят по такой же цене, а кожу подороже — из расчета 4,2 долл. (фирма «Моби Дик») и т. д. Причем речь идет о доставке самолетом. Автотранспортом пользуются реже (грузовик из Турции идет три недели и в пути рискует подвергнуться разграблению), но цены там гораздо ниже, в районе доллара. Причем в этом случае обычно нет дифференциации по виду товара. Килограмм неважно чего стоит тот же доллар. В общем, как сказала одна бывший режиссер, а ныне турецкая шоп-туристка, «если багажа много, только дураки идут сами через таможню». Ведь от нее можно ожидать не только применения постановления, но и всяких сюрпризов. Вроде такого. Одна гражданка, понадеявшись на свое знание правил, привезла с собой на самолете из Греции две шубы по 400 долларов. Таможня, однако, оценила каждую в 1000 долларов («по ошибке» приняв нутрию за норку) со всеми вытекающими последствиями. Между тем «организованная» доставка-растаможка одной шубы стоит максимум 60 долларов.

Почему у карго-фирм такие низкие цены — секрет. «Самые разные схемы и льготы у нас есть», — туманно говорят они. Но один из них все же известен: многие шоп-страны (Турция, Китай, ОАЭ, Сирия) являются развивающимися и пользуются льготой: юрлица могут вывозить из них в Россию товары по вдвое сниженной таможенной ставке.

Так что зря таможня вменяет себе в заслугу то, что туристы стали пользоваться услугами таких фирм. На самом деле это давнее и взаимовыгодное сотрудничество обессмысливает принятое постановление со всеми его весовыми и ценовыми барьерами. По-настоящему отразилось оно, отмечают фирмы-перевозчики, лишь на шоп-туристах из отдаленных провинций. Где, с одной стороны, фирмы-перевозчики еще не наладили деятельности, а с другой — сами челноки еще недостаточно опытны, чтобы организовать ее самостоятельно. И там челночный бизнес действительно сократился — еще усугубив разницу между забитой товарами Москвой и бедной провинцией.

А настоящие проблемы челночного бизнеса в другом. И связаны они не с деятельностью та-

можни, а с состоянием рынка. Шоп-туристов беспокоит не августовское постановление, а затоваривание, усиление конкуренции. Трудности все больше переходят из области покупки и доставки в сферу реализации товара. Именно из-за трудностей со сбытом и происходит постепенное сокращение числа шоп-туристов. Мелкие не выдерживают конкуренции с крупными оптовиками, имеющими постоянные связи в торговой среде или даже собственные магазины. С конкуренцией связано и такое явление, как расширение ценового спектра предлагаемых товаров. Откровенная халтура из Турции покупателей уже не удовлетворяет, и челноки активно расширяют географию своих покупок за счет Италии — Пескара, Римини, Милан, где реализуется хоть и лежалая, не нашедшая покупателя на родине, но все же отнюдь не турецкая продукция. Появляется в результате некий разряд элитных челноков. «Их даже челноками язык не поворачивается назвать, — поделился впечатлениями директор по туризму фирмы «Бегемот» Алексей Сергеечев. — Красивые, элегантные. Ходят по хорошим магазинам. Покупают не очень много».

Само специфически российское явление «челнок» в конце концов, конечно, исчезнет. Едва ли они продержатся больше года, считают руководители турфирм. Идет естественный процесс укрупнения. И пока ГТК регистрирует в Минюсте конкретные правила, изданные во исполнение августовского постановления, они стремительно теряют актуальность. Ведь, как мне сказали в пресс-центре ГТК, нововведений по сравнению с постановлением правила не содержат.

БОЛЬШИНСТВО ЧЕЛНОКОВ ОТПРАВЛЯЮТ СВОИ ПОКУПКИ НА РОДИНУ ЧЕРЕЗ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ФИРМЫ

Исключения, не подтверждающие правило

Автомобильная часть августовского постановления в отличие от товарной возымела некоторое действие:

«Упорядочено предоставление льгот по уплате таможенных платежей за ввоз транспортных средств. Во втором полугодии 1996 года 61% всех ввезенных транспортных средств был оформлен с уплатой таможенных платежей. Это в два раза превысило аналогичные показатели первого полугодия».

Разница действительно огромная. А главное, по ходу дела выяснилась интересная цифра, которая раньше как-то не попадалась на глаза. Оказывается, в первом полугодии прошлого года с уплатой таможенных платежей было ввезено чуть больше 30% транспортных средств (61% пополам). Остальные 70% попали в Россию без уплаты налога. То есть (если не принимать во внимание небольшое количество машин «скорой помощи» и прочего не облагаемого налогом спецтранспорта) ввезены льготными категориями населения, которым такое право предоставляется как бы в виде исключения. Исключений было в два раза больше, чем правил. Причем только официальных исключений. Пресс-центр ГТК эту поразительную цифру подтвердил. Впрочем, подтверждают ее и ответы руководителей фирм, организующих поездки в Европу за машинами. До августа лишь процентов 10—20 их клиентов шли на растаможку «по-честному». Остальные или имели на примете знакомого льготника, или пользовались некими «своими каналами».

Теперь льготников стало меньше. В основном это, как и прежде, самые разные специалисты, работавшие за границей. Но требования к ним стали более строгими. Раньше, например, чтобы попасть в льготную категорию «моряк» и растаможить машину за копейки, достаточно было записаться на уходящий в плавание корабль Академии наук (это удовольствие стоило 1000 долл.). Корабль доплывал, скажем, до Швеции, «моряки» покупали машины и через неделю благополучно возвращались. Теперь, чтобы воспользоваться «моряцкой» льготой, нужно проплавать не менее шести месяцев.

Каков же результат? Льготников осталось всего 40%. И это кажется таможне уже вполне нормальной цифрой, хотя за счет сокращения их числа до нескольких процентов можно было бы без всяких потерь для бюджета снизить ставку автомобильного налога примерно на треть. Если учесть недавнее уменьшение акциза на иномарки, российские автомобильные пошлины получились бы вполне приемлемыми. Но, видимо, наличие льготных категорий как-то облегчает таможне жизнь... Во всяком случае, в упомянутых выше правилах, проходящих регистрацию в Минюсте, нововведений на этот счет нет. Там лишь, по данным из ГТК, «конкретизируются отдельные вопросы, связанные с определением льготных категорий населения».

И все же в целом предоставление льгот несколько упорядочилось.

Но вот что касается реэкспорта российских машин, то тут положение стало даже более диким, чем раньше.

Напомним, до 1 августа «Жигули» можно было ввозить для себя беспошлинно. После этой даты — платя 1 ЭКЮ за 1 куб. см, то есть около 2 тыс. долларов независимо от возраста и состояния машины. А вот что из этого получилось.

Раньше в Россию везли обратно из Европы и подержанные, и новые «ВАЗы». Реэкспорт подержанных «Жигулей» был одним из немногих способов недорого купить машину в хорошем состоянии, к тому же не опасаясь российского жульничества. После августовского постановления эта возможность практически исчезла — ведь расходы покупателя увеличились почти на 2 тыс. долл. Почему таможня лишила нас этого доступного способа обзавестись автомобилем, остается тайной.

А вот реэкспорт новых «Жигулей» выжил, хотя и представляет собой явление в высшей степени дикое. Вместо того чтобы реализовать машину в России, завод очень задешево продает ее в Европу, откуда, так и не востребованная тамошними привередливыми покупателями, она возвращается обратно, по пути подорожав и обогатив несколько фирм-посредников. Причем они бывают довольно многочисленными: из Польши, например, многие везли новые «Нивы», уже успевшие побывать в Македонии и Венгрии. В схеме обогащения фирм-посредников августовское постановление не изменило ничего.

Чтобы разобраться, почему этот вид реэкспорта выжил, надо понять, что же на самом деле происходит. Зарубежная фирма, получив «ВАЗы» («восьмерка» обходится ей примерно в 3,5 тыс. долл.), помещает их — уже в Европе — на таможенный склад временного хранения, что не требует уплаты пошлин. Российским покупателям машина достается прямо со склада — но та же «восьмерка» уже за 4,5 тыс. долл. В России покупатель платит еще около 2 тыс. долл. таможенных пошлин, но все равно проделавшая европейское турне машина обходится ему немного дешевле, чем купленная дома.

Машина же, проданная европейцу, сразу обрастает многочисленными налогами и дорожает чуть ли не вдвое. Так что для россиянина она уже никогда не станет выгодной покупкой. А кто же еще заинтересуется подержанными «Жигулями»? Раньше те редкие европейцы, которые покупали «ВАЗ», знали, что через несколько лет с легкостью продадут его какому-нибудь русскому, и эта уверенность поддерживала экспорт «Жигулей». Теперь европеец уверен в противном.

Остается решить: чего больше, пользы или вреда, принесло августовское постановление. ■

Милицейский наезд на «металлическую приватизацию»

Анатолий Куликов подхватывает знамя Олега Сосковца

Александр Беккер

ЯКОБИНЦЫ

СЕРИАЛ «ИТОГОВ», ПОВЕДАВШИЙ О СВЯЗЯХ Олега Сосковца с криминальной, по выражению главы МВД Анатолия Куликова, приватизацией в металлургии, уже заслужил публичную похвалу министра. Конечно, доброе слово и кошке приятно, только странно: телевизионные сюжеты основаны на фактах, подробно описанных в газетах уже три года назад, но тогда столь живой реакции органов не наблюдалось. Работа НТВ стоит благодарности, однако, когда репортерское досье просит у «Итогов» первый милиционер страны, за которым стоят 48 тысяч следователей, это разрушает профессиональную репутацию ведомства.

Между тем доподлинно известно, что большинство статей прежних лет готовилось на обширном материале, в свою очередь, почерпнутом в спецслужбах. И потому непонятно, что мешало ведомству г-на Куликова довести до конца уголовное дело, где фигурируют Лев и Михаил Черные, руководители зарегистрированной в Монако фирмы Trans-CIS Commodities (TCC), через которую, как утверждал генерал Куликов, «отмывались деньги, похищенные по фальшивым авизовкам».

По версии МВД, захват российской металлургии был частью многоходовой комбинации Черных. Схематично он выглядел так. В 1992—1993-м на деньги, полученные по подложным авизо, TCC покупала металл на сибирских алюминиевых заводах. Доход от сомнительных сделок якобы использовался Черными для покупки на чековых аукционах — через подставных лиц — акций красноярских, братских, саянских металлургических предприятий. Таким образом, по логике следствия TCC и работавшая с ней заодно лондонская фирма Trans World Metals скупили контрольные пакеты акций алюминиевых гигантов Сибири. Причем, как следовало из неформальных бесед с сотрудниками МВД, при завоевании российских заводов Черные пользовались протекцией Олега Сосковца, который настоятельно советовал директорам вести дела через TCC.

Из всего этого Анатолий Куликов сделал вывод, что приватизация ряда металлургических предприятий прошла незаконно и те попали под контроль преступных группировок. Он пообещал выйти в правительство с инициативой пересмотреть итоги приватизации и представить подробную программу мер по обеспечению доходов федерального бюджета. Получив под свое начало налоговую инспекцию и таможню, налоговую полицию и службу валютно-экспортного контроля, он спешит оправдать доверие президента и премьера. Однако отличиться ему будет непросто.На сборе недоимок в бюджет уже сломал зубы не один государственный муж. Куликов взялся за дело с удалью непосвященного.

Что касается братьев Черных, то они действительно не случайно оказались пионерами на российском рынке, став торговыми партнерами ведущих алюминиевых предприятий. Судя по всему, благодаря содействию тогдашнего министра металлургии Сосковца братьям при заключении контрактов предоставили «зеленую улицу». А свел правительственного чиновника с Черными глава TCC в России Владимир Лисин. Он трудился в конце 80-х заместителем Сосковца, возглавлявшего в ту пору Карагандинский металлургический комбинат. Не исключено, что показанные в «Итогах» кредитные карточки American Express на имя Сосковца и его сына, с которых тратились на Западе и в Москве десятки тысяч долларов, были выданы Олегу Сосковцу TCC в 1993 году за услуги, оказанные в становлении фирмы в России.

Но было бы упрощением считать этот факт безоговорочным свидетельством нерушимого альянса Сосковца с TCC. Олег Николаевич слишком прагматичен для многолетней дружбы с кем бы то ни было. Во всяком случае, есть признаки того, что в 1994 году между ним и Черными почему-то пробежала кошка. Очень возможно, что конкуренты TCC нашли ключ к сердцу Сосковца, завоевав его доверие. И, похоже, он начал тонко интриговать против TCC, стремясь подорвать позиции фирмы в России.

Интересно, что в конце 1994 года, когда фамилия Черных замелькала в газетах в криминальном контексте, Виктор Черномырдин поручил МВД, ФСК, налоговой полиции, ЦБ и Минфину проверить деятельность коммерческих фирм, участвовавших в приватизации восьми крупнейших предприятий металлургии. Возможно, давая команду, премьер рас-

считывал добыть компромат на чрезмерно активного Сосковца. Странным образом межведомственное расследование тихо завяло.

И тогда на тропу войны с ТСС вышел Феликс Львов, представлявший в России одну из крупнейших в мире металлургических компаний — американскую AIOC. Она имела виды на российский рынок, но пришла на него поздновато. Поэтому г-н Львов, как утверждают, устроил прессинг по всему полю, где работали Черные, обвиняя их в криминальной приватизации, после которой, как сказал он позднее в Госдуме, «ни государству, ни предприятиям не было уплачено ни рубля».

Эксперты сходятся в том, что Львов и был анонимным автором разоблачительных писем в Кремль, Генпрокуратуру, правительство. Причем адресатом послания № 1 являлся «уважаемый Олег Николаевич...». Сенсационных откровений ждали от руководителя AIOC в мае 1995 года. С его подачи Госдума провела слушания о состоянии приватизации в алюминиевой отрасли. Однако г-н Львов разочаровал общественность, не приведя новых неопровержимых фактов. Зато полной неожиданностью оказалась справка Главного управления по экономическим преступлениям МВД, распространенная в качестве официального документа на слушаниях в Думе. В ней отмечалось, что приватизация в металлургии освещается СМИ «чаще всего в негативном ключе, факты зачастую передергиваются. Такие компании, как Trans-CIS Commodities и др., действовали на рынке ценных бумаг по скупке акций в рамках существующего законодательства».

Через два месяца после слушаний в парламенте AIOC в России по сути обанкротилась, а сам возмутитель спокойствия еще через месяц был застрелен. О покойных, как говорится, либо хорошо, либо ничего. Отказываясь от персональных оценок Феликса Львова, заметим лишь, что его сражение с Черными — это не рыцарский бой за справедливость.

Гибель г-на Львова между тем оставила неразрешенным важный вопрос. Отвлекаясь от происхождения денег Черных, можно определенно сказать, что в приватизации отечественной металлургии участвовал капитал «новых русских». С другой стороны, очевидно, что за г-ном Львовым стоял капитал западных компаний. Предлагая свою помощь в модернизации российских заводов, металлургические гиганты США и Европы утверждали, что масштабная задача реконструкции КрАЗа и БрАЗа по плечу только им, а не таким чисто торговым компаниям, как ТСС или Trans World Metals. Последние возражали, что лишь национальный капитал настроен на долгосрочные инвестиции и подъем заводов Красноярска, Ачинска, Иркутска, Волгограда, Липецка, Братска. Признавая авторитет американских AIOC, Alcoa и Kaiser Aluminium, французской Pechiney, спецы ТСС предупреждали, что западные компании придут в Россию затем лишь, чтобы парализовать конкурентов. Г-н Лисин как-то обмолвился, что отдавать инвестиционную программу КрАЗа западному производителю алюминия — все равно что доверить противовоздушную оборону стра-

АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ ВЗЯЛСЯ ЗА ПРОВЕРКУ РЕЗУЛЬТАТОВ «МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ» С УДАЛЬЮ НЕПОСВЯЩЕННОГО

ны вероятному противнику. И есть факты, которые показывают, что не совсем беспочвенным был прогноз ряда экспертов: начав модернизацию российской металлургии, западные акционеры растянули бы ее надолго, а падение производства на российских заводах с лихвой восполнили бы ростом мировых цен и прибылей на своих предприятиях в Америке и Европе.

К примеру, та же Pechiney, которой после визита во Францию публично восторгался Сосковец, два последних года настаивает на проведении французским правительством антидемпинговых расследований, ограничивая тем самым экспорт на Запад российской металлопродукции, конкурирующей с французской. Другой пример: Россия, США, ЕС, Канада, Норвегия и Австралия, чтобы стабилизировать конъюнктуру цен на алюминий, в 1994 году подписали двухлетнее соглашение об ограничении его поставок на мировой рынок. Отечественные заводы в целом выдержали квоту, а западные партнеры схитрили, сохранив практически прежними объемы производства.

Биржевая торговля металлами — тончайший механизм. Здесь тихий чих нередко вызывает лавину: за невнятным слухом следует обвал котировок или спекулятивная возгонка цен. Заявления министра МВД Анатолия Куликова о «неправильной» приватизации алюминиевых заводов могут дорого стоить отечественным производителям. И не только на Лондонской бирже металлов. К примеру, отечественные энергетики, у которых голова идет кругом от неплатежей, после телеразоблачений Черных и выступления г-на Куликова сделали вывод: пряча валюту, алюминиевые заводы нам недоплачивают, а потому не грех обесточить цеха электролиза, чтобы заставить заводчан «делиться». «Кузбассэнерго» так уже и поступил с новокузнецкими металлургами.

Глава МВД вправе и обязан расширять оперативную базу по делу Черных и передавать материалы в суд, если доказательств криминала достаточно. Но г-ну Куликову, думается, надо быть осторожнее в выражениях, когда речь касается отношений собственности. Строго говоря, это вообще сфера не его ведомства. С иском об ущемлении государственных интересов может выйти только прокуратура. «С учетом общественного внимания к делу Черных, — заметил на днях генпрокурор Юрий Скуратов, — мы в порядке надзора изучим ход расследования и дадим указание по его активизации». Однако и в этом случае последнее слово о нарушении приватизационного законодательства остается за судом.

Похоже, общественный резонанс вокруг событий 2—3-летней давности министр МВД, повышенный до вице-премьера, не прочь использовать в корпоративных интересах. Его экономические воззрения известны и в общих чертах сводятся к тому, что государству следует национализировать группу крупнейших коммерческих банков, вернуть контроль над валютоносными отраслями и такой ценой снять проблему бюджетного финансирования силовых ведомств.

А вы говорите — Госдума, коммунисты. С учетом вице-премьерского статуса г-на Куликова к его взглядам и намерениям уже нельзя относиться с иронией. В этом смысле волна гражданского возмущения делами Сосковца и Черных удобна тем, что, с одной стороны, компенсирует пробелы следствия и нехватку улик, а с другой — способна толкнуть правительство на импульсивные поступки и оказать давление на суд. Показательно, что на пике конфликта с внесудебным изгнанием Залогбанка и «Русского капитала» из числа акционеров КрАЗа зампрокурора Красноярского края Иван Борисенко, подавленный всероссийским размахом скандала, сказал: «Уж не знаешь как и судить: по закону или по совести».

Один раз, в 1995 году, дело уже шло к национализации крупнейших алюминиевых комбинатов. Все, как и сейчас, начиналось с публикаций о Черных.

В последний момент, однако, власти опомнились, увидев, сколь шатка юридическая база для силовых действий, как суровы могут быть последствия. «Ни о какой ренационализации речи быть не может. Это путь тупиковый», — сказал два года назад Виктор Черномырдин. Правда, Сосковец под шумок все-таки сумел сколотить тогда ФПГ из красноярских предприятий, а из шести других предприятий страны — АО «Российская металлургия». Это единственный практический результат бюрократических комбинаций. Ни одна из построенных «сверху» корпораций — ТаНаКо, «Росмет», АЛКУР, АЛКОР — сегодня не подает признаков жизни.

«Государство не может и не будет брать на свои плечи то, что может и должен сделать частный собственник, частный инвестор», — произнес однажды премьер. Если фамилия Черных стала синонимом алюминиевой приватизации в стране, то, думаю, относится это больше к начальному этапу. Ежу понятно, что теневой бизнес, криминализация экономики гробят страну. Отличись г-н Куликов в борьбе с преступностью на своем поприще, не страшно было бы доверить ему оздоровление экономи-

ки. Как говорится, флаг ему, Анатолию Сергеевичу, в руки. Сдается, однако, что государство вручает вице-премьеру тяжелейший участок не за прошлые заслуги, а с отчаяния — от неспособности собрать налоги, победить неплатежи и коррупцию. Рискну заметить, что вместе с Анатолием Куликовым в жизнь предприятий входит чрезвычайщина. Опаснее всего в этой ситуации, что Черных сделают просто жупелом и всякого, кто попытается напомнить о взвешенном, сугубо правовом подходе к вопросам собственности, объявят противником порядка в экономике и защитником Черных.

Воюя с ТСС сегодня, МВД в известном смысле ведет бой с тенью. Такой компании просто не существует. Частично бизнес братьев ушел под другие вывески, но в немалой степени он отделился от Черных в самостоятельные коммерческие фирмы. Эти независимые фирмы работают с заводами, в портах, на «железке», участвуют в санации предприятий и помаленьку подтягивают инвестиции. Характерный в этом смысле пример — пошедший в гору Новолипецкий меткомбинат. А вот Ачинский глиноземный комбинат, оберегаемый от ТСС, обанкротился.

По данным концерна «Алюминий», после того как заводы перестали сотрясать скандалы, начался рост производства: в 1996 г. — на 2,9%.

В 1995 ГОДУ С ПОДАЧИ ОЛЕГА СОСКОВЦА ПРАВИТЕЛЬСТВО УЖЕ ВЫСТУПАЛО ЗА ВОЗВРАТ К ГОСКОНТРОЛЮ НАД АЛЮМИНИЕВОЙ ОТРАСЛЬЮ, **НО ВОВРЕМЯ ОПОМНИЛОСЬ**

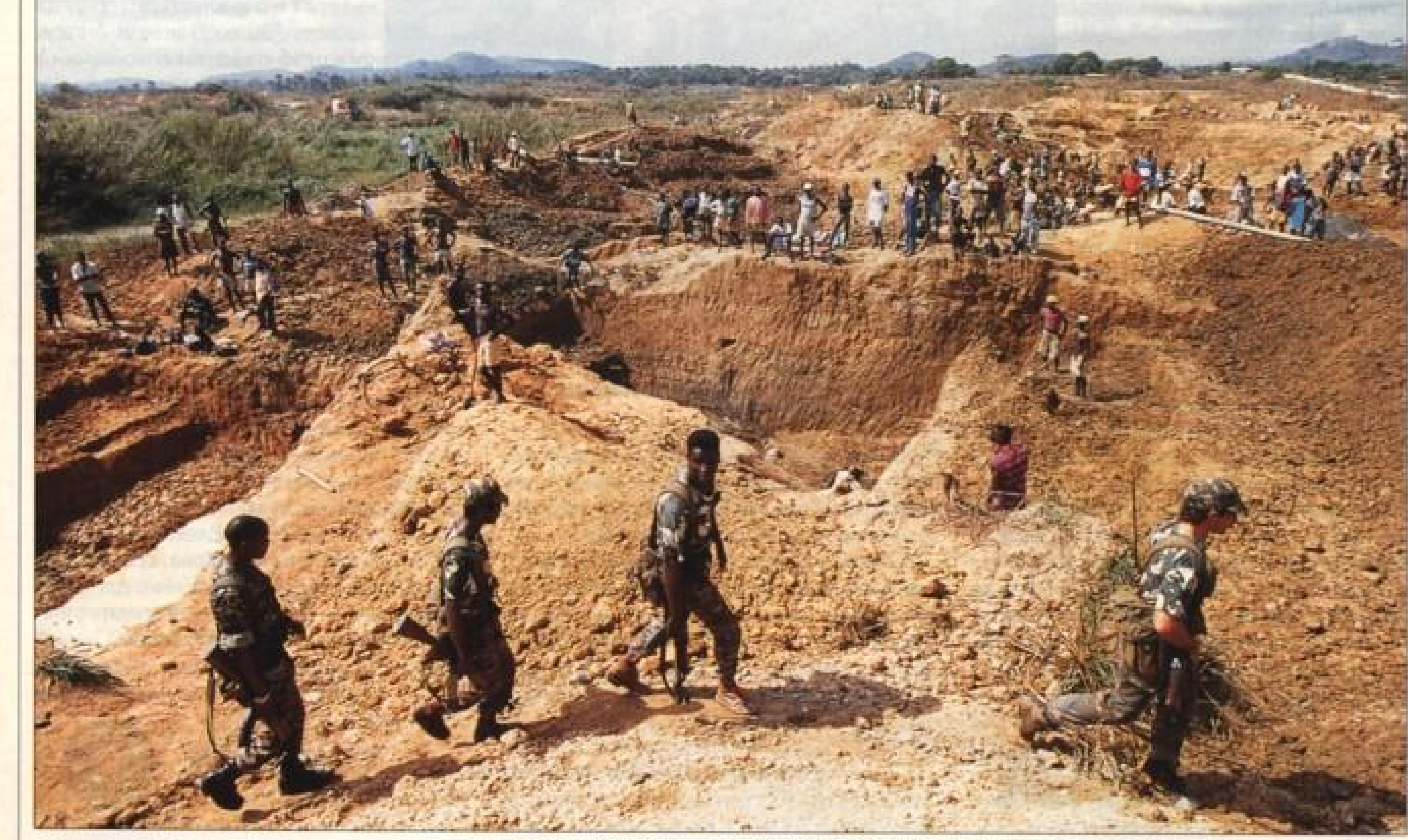
По словам президента концерна Игоря Прокопова, все предприятия отрасли, кроме Ачинского глиноземного завода, загрузили свои мощности почти под завязку — на 98%.

Генерал милиции Куликов известен как человек напористый, идущий к своей цели как танк. Но тем чиновникам в правительстве, которые возьмутся за передел собственности, наверное, не лишним будет выстроить всю последующую цепочку: арбитражные процессы, сбой поставок сырья и финансовых вложений в заводы, сброс объемов производства и экспорта металла. А если «навернутся» металлургические предприятия — главные потребители энергии — очень несладко придется каскаду ГЭС на Енисее и Ангаре. Масштаб социальных волнений в этом случае легко представить. Но это в перспективе. А пока, по сведениям Союза экспортеров металлопродукции, стабильный экспорт позволил предприятиям в прошлом году сохранить объемы производства и обеспечил примерно 30% платежей в бюджет, энергетикам и транспортникам.

Война в отрасли год как закончилась, с облегчением говорят директоры. Саянский алюминиевый завод на свои деньги построил предприятие по выпуску фольги. Новокузнецкий алюминиевый на кредит немецкого банка West-LB начал реконструкцию электролизных цехов. Об оживающих заводах металлургического комплекса можно писать отдельно. Впрочем, вся эта информация не столько для г-на Куликова, сколько для президента, премьера. И особенно для арбитражных судей. Правило «не навреди» относится к ним не меньше, чем к врачам. ■

Насилие по сходной цене

Отлично обученные и опытные наемники идут нарасхват. Совершенно легально

ВЫГОДНЫЙ ЗАКАЗ: ЮЖНОАФРИКАНСКИЕ НАЕМНИКИ, НАНЯТЫЕ ЕО, ОХРАНЯЮТ АЛМАЗНЫЕ КОПИ В КИОДУ

Маркус Мабри

(Newsweek)

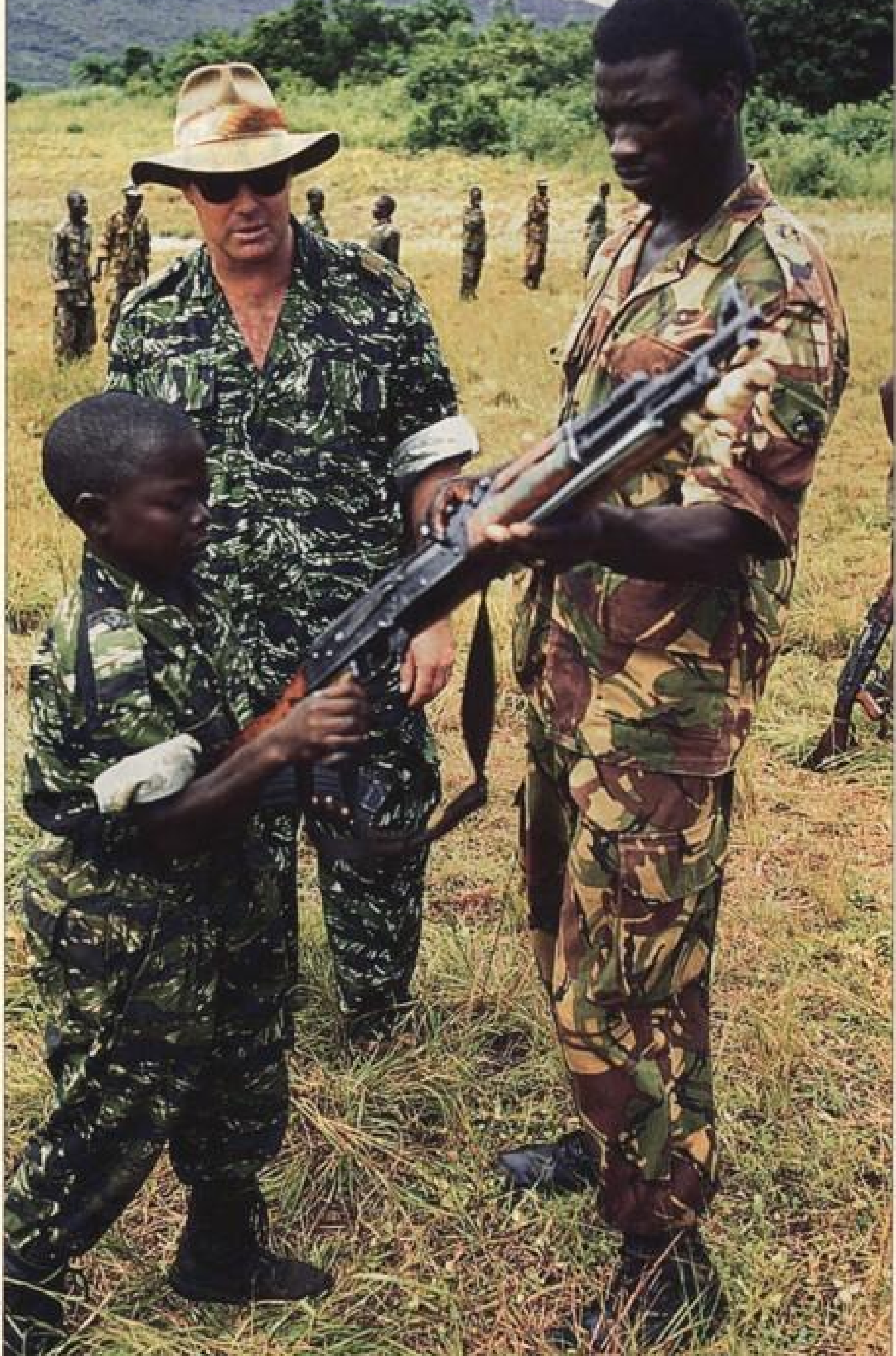
ФИРМА

В 1992 ГОДУ ВСПЫХНУВШАЯ В СЬЕРРА-ЛЕОНЕ гражданская война докатилась до деревушки в провинции Коно, центре алмазодобывающей промышленности страны, где жил школьный учитель Сахр Дувай. Мятежники, вооруженные мачете и дробовиками, отрезали уши и выкололи глаза его брату, вспарывали животы (беременным) женщинам и сжигали людей живьем. Дувай вместе со 150 000 других несчастных бежал из Коно. Война продолжалась; правительственные войска терпели одно поражение за другим. В конце концов пришлось бросить клич о помощи. В мае 1995 года «подоспели наши». «Нашими» оказались высокооплачиваемые наемники, отшлифовавшие свое боевое искусство при защите южноафриканского режима апартеида. Через несколько месяцев они обратили мятежников в бегство; в начале 1996 года состоялись демократические выборы; в конце того же года правительство и повстанцы подписали мирный договор. Половина из двух миллионов жителей, сорванных войной с мест, вернулась домой. Среди них был и Дувай. И для него не имеет значения, что его страну спасли те же самые наемники, которые не так давно спасали расистский режим. «Мы бы хотели, чтобы они остались здесь навсегда» — вот что он сказал по этому поводу.

Но они не остались. В начале февраля, выполнив условия контракта, белые офицеры и (в основном чернокожие) солдаты покинули Сьерра-Леоне. Их отряд носит подчеркнуто невыразительное название — «Executive Outcomes» (ЕО) (нечто вроде «Эффективное исполнение». — **«Итоги»**) словно речь идет о рядовом предприятии. Вряд ли они долго будут в простое. На рынке наемников сейчас настоящий бум. Холодная война окончена; ни Соединенные Штаты, ни ООН, ни бывшие колониальные державы не испытывают желания поддерживать правительства «третьего мира». Да и лишних денег у них нет. «Пора, когда монополией на законное применение силы обладало только государство, миновала»,— считает сотрудник Института Африки Ричард Корнуолл. В образовавшуюся брешь ринулись «частные армии».

Не путайте их с «псами войны», с «дикими гусями», с «солдатами удачи». «Это вам не Рэмбо с налитыми кровью глазами», — считает бывший резидент ЦРУ в Конго. «Хотя характер услуг, предоставляемых компаниями, занимающимися охраной и безопасностью, может быть различным, многие среди них специализируются на повышении боевого мастерства и выучки армий «третьего мира», — говорит Герберт Хоу из университета Джорджтауна. ЕО — это пример качественно новых наемников. Это не столько ландскнехты, сколько военные советники, которые реорганизуют армию заказчика, обучают ее личный состав и помогают разработать стратегическую доктрину. Фирма «Military Personnel Resourses Inc.», на которую работают почти исключительно американские офицеры в отставке, во время войны на Балканах обучала хорватские, а сейчас — боснийские войска. Наемники старой школы от дел не удалились, но дела их не блестящи.

Наибольшей известностью пользуется ЕО, многонациональная процветающая корпорация, руководители которой разбираются в маркетинге не хуже, чем в тактике ведения боевых действий. Эти неглупые, разбирающиеся в политике и умеющие расположить к себе люди предлагают свой товар по всему миру, доказывая необходимость «приватизации безопасности». Услуги ЕО обходятся недешево: из косвенных источников стало известно, что правительство Сьерра-Леоне заплатило компании 15 миллионов долларов. По слухам, которые опровергают обе стороны, ЕО получила, помимо денег, концессию на добычу алмазов. Солдаты сражаются теперь не за идеологию, а за того, кто предложит самую высокую цену, хотя один из руководителей фирмы, Ибэн Барлоу, настойчиво повторяет: ЕО имеет дело только с теми правительствами, которые признаны мировым сообществом. Заказчику в соответствии с высказанными им пожеланиями предоставляется пакет услуг: любое количество — от нескольких десятков до нескольких сотен — вымуштрованных, отлично обученных солдат, проходивших службу в вооруженных силах ЮАР и Намибии и имеющих боевой опыт; консультации по вопросам военных поставок, куда могут быть включены тяжелые боевые вертолеты «Хинд», британское или южноафриканское стрелковое автоматическое оружие и даже подводные лодки. «Личный состав» подписывает контракт на год; солдат получает около $2000 в месяц; летчик-истребитель — впятеро больше.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ГРАЖДАНИНА СЬЕРРА-ЛЕОНЕ: У «НОВЫХ» НАЕМНИКОВ — ПРЕЖНИЕ ОРУДИЯ ТРУДА (ВВЕРХУ)
ПРОСТО БЛЕСК! АЛМАЗЫ ИЗ КИОДУ

Репутация фирмы укрепилась после того, как ее «сотрудники» разгромили в Анголе мятежные формирования УНИТА — тех самых мятежников, которых поддерживал прежний режим ЮАР. В Сьерра-Леоне фирма оказалась в своей стихии. Ее боевые вертолеты отогнали мятежников, находившихся в опасной близости от столицы страны Фритауна. Ее бойцы, с помощью местных жителей собирая сведения о «местах концентрации противника», наводили на них свою авиацию, а та проводила «ковровые» бомбардировки, уничтожая сотни повстанцев. Но сильнее всего сердца граждан Сьерра-Леоне тронуло то, что под воздействием сотрудников ЕО преобразились сами вооруженные силы страны. Разъедаемая коррупцией, недисциплинированная армия Сьерра-Леоне терроризировала гражданское население и грабила местных бизнесменов. ЕО добилась результата методами крайне прямолинейными: солдат, пойманных в пьяном виде или обвиненных в «недостойном» поведении, попросту били. «Нам дали заказ, — говорит один из старших офицеров ЕО в Сьерра-Леоне. — Мы пришли и выполнили его. Теперь пора уходить. Все очень просто. Это наш бизнес».

С тем, что все очень просто, согласны не все. «Скрытая угроза заключается в том, что группы наемников действуют лишь по собственным законам», — считает Грег Миллс, директор южноафриканского Института международных отношений. Дипломаты подчеркивают, что сьерралеонцы сами установили у себя демократию и провели свободные выборы, не страшась запугиваний и угроз со стороны как солдат, так и мятежников. ЕО подвергается на родине жесточайшей критике, правительство ЮАР пытается объявить вне закона всех наемников без различия оттенков. Руководители фирмы объясняют это тем, что военную элиту «старого закала» про-

сто бесят их успехи. «15 лет они проторчали в Анголе и ни черта не добились, — утверждает Барлоу. — В 1993 году, когда пришли мы, правительство Анголы контролировало 20 процентов территории, а когда подписывали мирный договор — уже 75». Тем не менее лидер УНИТА Жонас Савимби время от времени грозится возобновить военные действия. В отдаленных провинциях Сьерра-Леоне периодически вспыхивают перестрелки; дата начала разоружения так и не определена.

Не везде людей из ЕО воспринимают как спасителей. Взять, к примеру, Тонго Филдз в Кенеме, центре добычи алмазов на востоке страны. Копи тянутся до самого горизонта, в каждой работают десятки старателей. Один из них, 24-летний Виктор Самба, считает: «Вы — первый иностранец, которого я вижу. Ни одного южноафриканца мне до сих пор не встречалось. Войну выиграли комаджоры». Это мнение разделяет охотник Фредерик Тимони из племени комаджоров, сражавшийся на стороне правительства. Закинув за плечо ремень трофейного АК-47, он горделиво демонстрирует свой бронежилет, на котором красуются раковины-каури, амулеты, а также маленькое зеркальце, и объясняет, что неуязвимым для пуль делает его не только жилет, но и особая мазь, которую вождь племени перед битвой втирает в его тело. Неподалеку, в деревне Фойнду-Мамейбе, хижины и каменные дома до сих пор лежат в развалинах. Мятежники напали на поселок, когда жители спали, и перебили сотни людей. «Мы хоронили их по десять человек в каждой могиле, — вспоминает вождь Брима Лахай. Выбив мятежников, комаджоры патрулируют деревню. — Южноафриканцы нам ни к чему. Мы и сами можем себя защитить».

Некоторые высокопоставленные чиновники опасаются, что ЕО воспользуется благодарностью правительства Сьерра-Леоне для того, чтобы получить долю в торговле алмазами и другими полезными ископаемыми. Несколько фирм, входящих в холдинговую компанию «Strategic Resourses International», которой принадлежит и ЕО, уже развернули здесь активную деятельность по разработке ресурсов и обеспечению безопасности. Эксперты классифицируют это как новейший вид колониализма. Многие из тех, кто сражался под знаменами ЕО, теперь работают в этих фирмах. «Это напоминает сделку Фауста с дьяволом, — говорит Хоу. — Вы решаете свои текущие проблемы, но приносите за это в жертву суверенитет и сырьевые ресурсы».

И все же остается неясным, что и как надо делать, чтобы остановить развитие «бизнеса наемничества». Отрадно, что за истекшее десятилетие в Африке гражданские войны и мятежи пошли на спад. Печально, что на рынок рабочей силы хлынули десятки тысяч демобилизованных солдат. И пока государства не в силах будут защитить себя сами, многим из этих вояк найдется на их беспокойном континенте занятие по душе. ■

Мы, конечно, не ангелы...

Глава фирмы «Эффективное исполнение» — о новейших тенденциях ведения войны

ЭКСКЛЮЗИВ

Ибэн Барлоу, глава компании Executive Outcomes (ЕО), во времена апартеида служил в армии ЮАР, а также входил в состав пресловутого Civil Cooperation Bureau («Бюро гражданского сотрудничества». — **«Итоги»**). Эта подпольная организация подозревается в том, что она занималась физическим уничтожением активистов борьбы за расовое равноправие. Ниже мы предлагаем выдержки из интервью, которое корреспондент «Ньюсуика» Маркус Мабри взял у Барлоу.

— Говорят, что в контрнаступлении правительственных войск в Заире немалую роль сыграли люди из ЕО. Так ли это?

— Правительство Заира никогда не обращалось к нам с деловыми предложениями; вообще мы работаем только с законными режимами. Кроме того, действовать в Заире мы в принципе не можем. Мы дали обещание правительству Анголы, что не станем обучать никого, кто мог бы представлять в дальнейшем угрозу для этой страны. Так уж повелось, что Ангола и Заир никогда не были добрыми соседями. Заир оказывал помощь мятежникам из УНИТА... И потом, хотя это, конечно, дело десятое, но Заир — такое жуткое место... трудно натаскивать солдат той страны, где жители настроены против них.

— Вас сравнивают с Сесилом Родсом, а вашу фирму — с Ост-Индской компанией. Вы действительно намерены заново завоевать Африку?

— Да ничего подобного! Схема в общих чертах такова: представители правительств (африканских стран) обращаются к нам и без утайки рассказывают о всех своих проблемах. Мы предлагаем свою помощь, и в том случае, если наше предложение принимается, начинаем работу в данной стране... Я бы не стал это рассматривать как попытку реколонизации Африки. Напротив, мы предпринимаем позитивные шаги, направленные на укрепление стабильности на континенте.

— Чем отличаются сотрудники ЕО от традиционных «солдат удачи»?

— Я сам был наемником в армии ЮАР и воевал в ангольском подразделении, в 32-м батальоне. Вот тогда мы и правда были наемниками... Я считаю, что наемник — это тот, кто служит, скажем, в армии ЮАР, а работает на армию, например, Ботсваны... Или когда сбивается команда человек в сорок, вооружается и отправляется свергать правительство. ЕО заключает контракт с законным режимом, в этом и разница. Мы не входим в состав армии этого режима... Роль наша сводится к тому, что мы обеспечиваем военные консультации, не вмешиваясь в политику и на условиях конфиденциальности. Мы имеем дело только с законными правительствами... Мы принесли мир в Анголу и в Сьерра-Леоне.

— Ваши недоброжелатели утверждают, что вы обираете эти страны, получая плату алмазами.

— Эта дезинформация родилась в недрах разведуправления армии ЮАР... Послушай, мы, конечно, не ангелы. Но политическая нестабильность в Африке вызвала отток капиталовложений. Мы охраняем активы страны, обеспечиваем их безопасность, что создает новые рабочие места и привлекает инвестиции.

— Что вы можете сказать о десятках родственных компаний, которые ЕО, как говорят, обеспечивает выгодными контрактами?

— Да, мы тесно связаны с целым рядом компаний, но они не являются для нас ширмой. Многие из нас являются совладельцами такого рода фирм, но только как частные лица. Компания «ЕО» не имеет к этому никакого отношения. И уж, будьте уверены, нам не составило бы труда создать «фирмы прикрытия», где служащие и не подозревали бы о нашем участии. Однако же мы этого не сделали.

— Военные теоретики и специалисты по международной политике предсказывают скорую «приватизацию войн».

— Не согласен. Приватизация военной подготовки и обучения — да. Но ни одно правительство не доверит безопасность своей страны частной фирме.

— Чем в данный момент занимается ЕО?

— Последний крупный контракт был заключен с правительством Сьерра-Леоне. В настоящее время мы работаем в трех странах. Я не могу назвать — каких, поскольку в контракте оговорено сохранение тайны. Среди наших клиентов — международные корпорации. Для оперативного анализа ситуаций мы держим команды экспертов по всей Африке и одну — на Дальнем Востоке.

— Вы воевали на стороне мятежников из УНИТА. Потом заключили контракт с правительством Анголы и тех же самых мятежников принялись убивать. Вы — хамелеон?

— Я — профессиональный солдат. И в политику не лезу. У меня есть работа. И я ее делаю. Вот и все. ■

ОБЩЕСТВО

Целительный наркотик?

Марихуана может использоваться как лекарство – и не всех это приводит в восторг

«ЗАБЬЕМ КОСЯЧОК?». РОЗЕНФЕЛД — ОДИН ИЗ ВОСЬМИ АМЕРИКАНЦЕВ, ИМЕЮЩИХ ПРАВО ОТКРЫТО КУРИТЬ МАРИХУАНУ

Адам Роджерс

(Newsweek)

МЕДИЦИНА

В десятилетнем возрасте Ирвин Розенфелд заболел редкой формой рака. Сейчас, спустя 33 года, из-за опухолей на плечевых и бедренных костях его мышцы и кровеносные сосуды находятся в постоянном напряжении. Чтобы снять болезненные ощущения и крайне опасный мышечный «тонус», биржевой брокер из Бока Ратон (штат Флорида) выкуривает за день от 10 до 15 сигарет с марихуаной. И у него есть на это разрешение правительства Соединенных Штатов. Розенфелд — один из восьми американцев, пользующихся подобной привилегией. «Мышцы расслабляются, боли не так мучительны, — говорит Розенфелд, которому прописывали также дилаудид и морфин. — Честно сказать, из всех средств, которые я перепробовал, это самое лучшее».

Вполне вероятно, что только эти восемь человек и впредь будут законно употреблять марихуану. В ноябре жители штатов Калифорния и Аризона проголосовали за то, чтобы предоставить врачам право прописывать пациентам марихуану, однако в начале этого года федеральное правительство наложило на это запрет. На совместной пресс-конференции глава Управления национальной политики контроля за наркотиками Барри Маккаффри, министр здравоохранения Донна Шалейла и генеральный прокурор США Джанет Рено заявили, что врачи, прописывающие своим пациентам марихуану, рискуют лишиться лицензии на выписывание рецептов и могут быть подвергнуты судебному преследованию. Лишь немногие из докторов согласны с теми, кто считает марихуану панацеей, однако значительное число врачей хочет, чтобы больные могли на законных основаниях приобретать и хранить этот наркотик.

У марихуаны как лекарства есть свои достоинства, есть и своя история. Авторы книги «Марихуана: запрещенное лекарство» психиатр из Гарварда Лестер Гринспун и Джеймс Бакалар по пунктам перечисляют терапевтические эффекты этого наркотического средства. Марихуана, например, помогает против тошноты и рвоты, возникающих при химиотерапии раковых заболеваний, повышает аппетит у больных СПИДом, нормализует внутриглазное давление у страдающих глаукомой. Проведенные в 70—80-е годы исследования показали, что марихуана действительно обладает указанными эффектами. В целом ряде штатов были одобрены программы по изучению и использованию новых лекарственных средств (именно благодаря такой программе, но уже федерального масштаба, Розенфелд получил право на курение «травки»). Однако в начале 90-х такие программы пали жертвой «войны с наркотиками». Тщательные лабораторные испытания так и не были проведены, но нелегальное клиническое использование продолжается. Многие больные СПИДом и глаукомой по-прежнему употребляют марихуану. В ходе проведенного в 1991 году опроса 48 процентов онкологов заявили, что назначали бы марихуану к приему, если бы у них было на это право; 44 процента — что рекомендовали бы ее своим пациентам. «Марихуана вовсе не заменяет все лекарства, изобретенные человечеством, — считает Ричард Коэн, онколог из Сан-Франциско. — Но определенным группам больных она может помочь».

Те, кто выступает против легализации марихуаны, утверждают, что на ее употребление должен быть наложен полный запрет. Правительство опасается, что разрешение на употребление марихуаны приведет к либерализации законов о наркотиках, а это, в свою очередь, — к росту наркомании. Некоторые ученые считают, что курение марихуаны пагубно сказывается на состоянии легких, на гормональном балансе, на репродуктивной сфере организма. Представители как правительства, так и Американской медицинской ассоциации утверждают, что не располагают научными доказательствами того, что употребление марихуаны приносит какую-либо пользу.

Судя по всему, такие доказательства появятся еще очень не скоро. Марихуана — это обыкновенная трава, и оттого очень дешева. Так дешева, что фармацевтическим фирмам незачем было финансировать исследования природы и свойств этого растения. В химический состав этого наркотика входит более 460 составляющих, и потому выделить активные ингредиенты совсем непросто. Впрочем, синтезированный аналог главной составляющей марихуаны — тетрагидроканнабинол — продается как средство, повышающее аппетит и избавляющее от тошноты. Это лекарство называется «маринол», и его эффективность пока не подтверждена полностью.

И все же — можно ли счесть марихуану лекарством? Она дешева, нетоксична и — по крайней мере со слов самих больных — помогает бороться с неприятными побочными эффектами химиотерапии. Тем не менее она до сих пор считается наркотиком «первой категории» (наравне с героином и ЛСД), вызывающим быстрое привыкание. Приостановив процесс ее легализации, правительство уничтожило и всякий стимул к дальнейшим исследованиям. «Мне все равно, что именно позволяет мне жить, — говорит Ирвин Розенфелд. — Но я хочу пользоваться самыми лучшими средствами». Тяжелобольным действительно мало дела до политики и науки. ■

Земля, оставшаяся в прошлом

Колымский край, когда-то несший людям смерть, умирает сам

ОБЩЕСТВО

5 марта 1953 года — официальная дата смерти Иосифа Сталина. С тех пор прошло 44 года, но тень тирана все еще витает над Россией, а тоталитарные соблазны будоражат души многих сограждан

Борис Старцев
Павел Кассин(фото)

СЕВЕР

Русские пришли в Колымский край в семнадцатом веке, но по-настоящему осваивать эти земли стали лишь шестьдесят лет назад, когда стране, изолированной от внешнего мира, пришлось добывать полезные ископаемые в

труднодоступных северных землях.

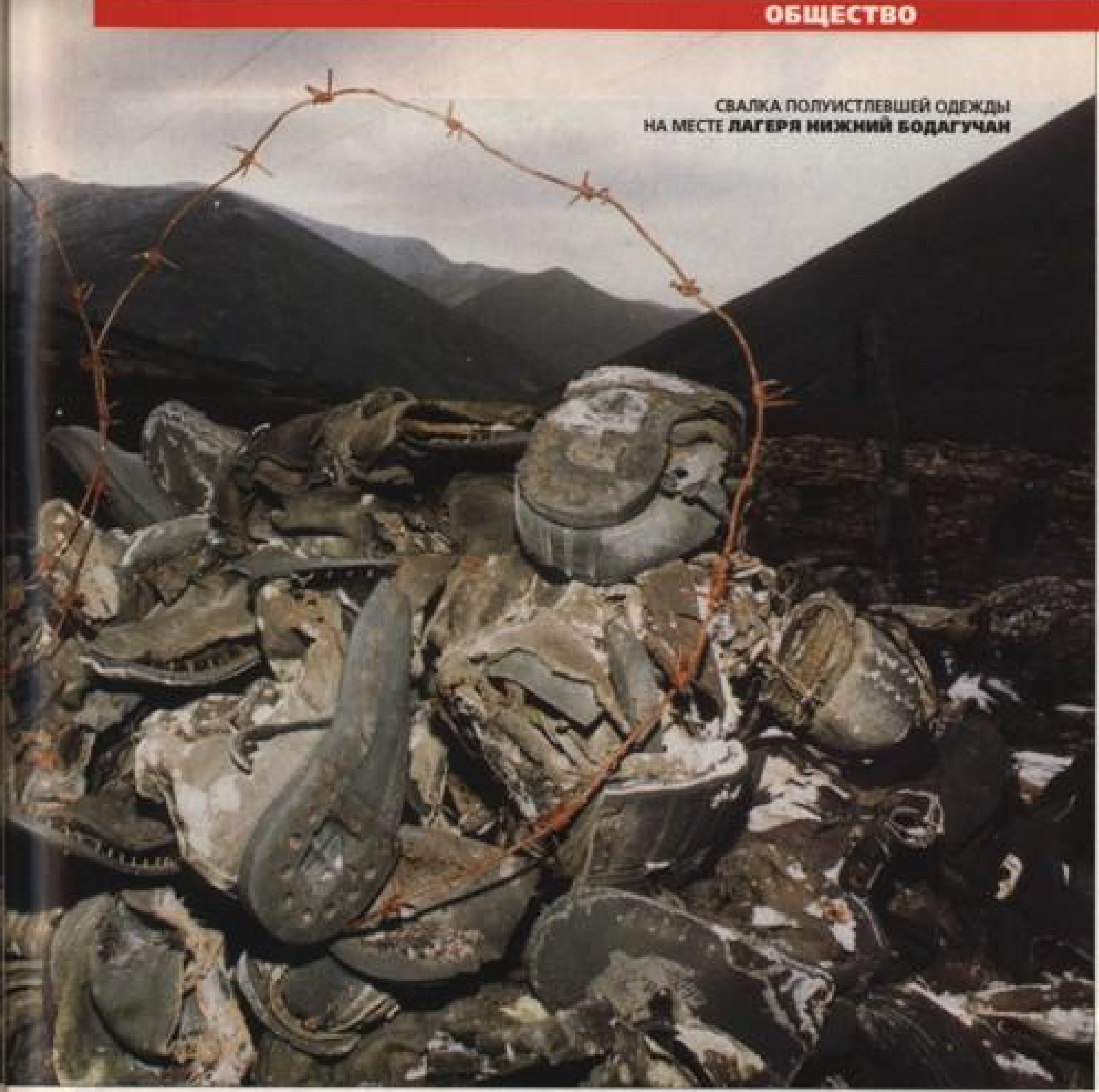
Из Магадана к верховьям Колымы ведет шоссейная трасса. Километров через тридцать, у поселка Палатка, машина въезжает на «золотое кольцо» — дорогу смерти, построенную заключенными. Если ехать по дороге, никуда не сворачивая, то через полторы тысячи километров вернешься обратно в Палатку.

Первое, что поражает на «золотом кольце», — это запустение. Пустые, иногда полуразрушенные дома, кучи промышленного мусора вдоль дороги, разбитые машины, балки, воткнутые в землю. Почти военный пейзаж. Словно жители, узнав о приближении врага, снялись с насиженных мест и навсегда ушли в тайгу.

Другой атрибут «золотого кольца» — брошенные лагеря, обвитые обрывками колючей проволоки. Остались развалины урановых рудников, которые курировал сам академик Курчатов: заключенные умирали здесь через шесть—восемь месяцев, охранники — через два-три года. Хотя в народном сознании Колыма по-прежнему остается символом исправительно-трудовых лагерей, зеков здесь не осталось: магаданский ГУЛАГ свернули еще в хрущевские времена.

Многое из того, что есть сегодня на Колыме, построено руками заключенных. Но сюда приезжали и свободные люди. Вплоть до 80-х годов заселение Магаданского края шло полным ходом. Сюда ехали романтики, насмотревшиеся героических фильмов и заразившиеся энтузиазмом комсомольских строек, ехали добровольцы за длинным рублем, ехали выпускники институтов и техникумов, обязавшиеся отработать несколько лет по распределению.

Кончался срок контракта, но люди не уезжали на материк: здесь платили зарплаты, в два-три раза превышающие московские, давали льготную пенсию, через пятнадцать—двадцать лет обещали квартиры в центральных областях. В колымских поселках негде было тратить деньги — разве что на фильм в кинотеатре и на мороженое в кафе. Северяне откладывали на сберкнижки тысячи рублей и, раз в год выезжая на материк, ни в чем себе не отказывали. Денежный северянин был душой любой компании, но на приглашение: «Приезжайте к нам на Колыму» — уклончиво отвечали: «Уж лучше вы к нам».

Свалка полуистлевшей одежды на месте **лагеря Нижний Бодагучан**

В начале 90-х годов выяснилось, что дешевле покупать готовый металл за границей, чем добывать и перерабатывать руду в Магадане. Горно-обогатительные комбинаты, так называемые градообразующие предприятия, сразу стали убыточными, и содержать людей в городках при рудниках оказалось невыгодно. В поселке Усть-Омчуг, одном из центров магаданской золотодобычи, люди забыли, когда в последний раз получали зарплату. И артели, моющие золото, и предприятия, добывающие золото из руды, живут в долг. Анатолий Бедевкин, начальник артели «Энергия», вспоминает, что когда-то в самой плохой артели за сезон можно было заработать 10 тысяч рублей. А в хорошей доходило до 40 тысяч.

Что будет дальше, старатели и шахтеры не знают. Пока администрация края не дает умереть с голоду — деньги на завоз выделяются, и на том спасибо. Люди, живущие здесь, почему-то уверены, что край можно возродить, что золотодобыча не может быть убыточной, что всему виной чья-то злая воля. Ведь содержание золота и в россыпях, и в руде на Колыме во много раз выше, чем, скажем, на Аляске. Золотодобытчики мечтают об иностранных инвесторах, но пока мало кто решается вкладывать сюда деньги.

Край, когда-то несший людям смерть, постепенно умирает сам. ■

Фабрика по обогащению урана, которую курировал Курчатов (слева). **Бочки с готовым продуктом** так и остались лежать здесь с 50-х годов

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ СМЫТЬ РУДНИЧНУЮ ПЫЛЬ, САУНА НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА

ОБЩЕСТВО

Охота за охотником

Исчезновение бывшего помощника Сталина Бориса Бажанова в январе 1928 года явилось самым громким провалом советских спецслужб

Олег Шишкин

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

СТРОГО СЕКРЕТНО

Российская Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

Отдел Бюро Секретариата.

10 АВГ 1923 192 г.

Т.т. Кюрину, Бажанову, Ксенофонтову.

Выписка из протокола № 27 заседания Оргбюро ЦКРКП от 9/VIII-23 г.

Слушали:	Постановили:
О помощнике Секретаря ЦК т.Сталина.	Назначить помощником Секретаря ЦК т. Сталина т. Бажанова с освобождением его от обязанностей секретаря Оргбюро.

Правила о порядке хранения см. на обороте.

Детали этой истории до сих пор остаются загадочными. Что помогло беглецу уйти от карающего меча пролетарской диктатуры? О том, что они сделали почти все от них зависящее, чтобы ликвидировать Бажанова, — об этом говорят документы.

1 января 1928 года примерно в 5 часов утра недалеко от железнодорожной станции Лютфабад границу СССР и Персии пересекли два человека, вооруженные охотничьими карабинами. Они направлялись в глубь персидской территории. Им повезло — их не заметил советский пограничник. Причина безмятежности бойцов была понятна — они отмечали Новый год и находились в состоянии тяжелейшего опьянения. Но как только пограничники протрезвели, их взбудоражило фантастическое известие, полученное шифровкой, — в Персию бежал бывший помощник секретаря ЦИК И. В. Сталина, бывший секретарь Политбюро Борис Бажанов, последнее время занимавший должность управделами ЦК КП(б) Туркменистана. С ним ушел и сотрудник ОГПУ Максимов. Накануне Нового года оба встречались с начальником лютфабадской заставы и предупредили его о своем желании поохотиться недалеко от пограничной полосы утром 1 января. Предложение командира отпраздновать с ним новый 1928 год Бажанов отклонил. Спустя несколько дней после этой «охоты» все советские спецслужбы в соседней Персии лихорадочно занимались поиском охотников, выполняя личное распоряжение Сталина.

«Первые сведения о бегстве 1 января Бажанова и Максимова в Персию мы получили только 6 января, когда они уже отправлялись из Махмед-Абада через Кучан в Мешхед. Соседи (Разведывательное управление Красной Армии. — **«Итоги»**) предложили решить вопрос в ликвидационном порядке, но, к сожалению, не сумели этого проделать», — сообщал генеральный консул СССР в провинции Хоросан, совмещавший первую работу со службой в ОГПУ. Чекисты предполагали устроить засаду на дороге, проходившей через Кучан в Мешхед. Это была трасса, которой в основном пользовались зимой, когда перевал Кухи-Назар был завален снегом. Однако ликвидаторы напрасно потратили время. Бажанов и Максимов отправились в Кучан именно через горы. Этот путь им посоветовал Пасбан — шеф полиции города Мухмед-Абад. Маршрут был опасным. Но если их шансы погибнуть от снежной лавины на перевале Кухи-Назар составляли процентов пятьдесят, то пуля на объездном шоссе в Кучан настигла бы их на все сто. Впрочем, в Мешхеде находилась самая разветвленная советская резидентура в Персии, имевшая в своем распоряжении 35 секретных агентов.

Перейдя горы, Бажанов и Максимов очутились в Кучане. Отсюда до Мешхеда ходил автобус. Как только они уселись в машине, появился торговый представитель СССР в Баджгиране Алексей Пашаев с убийцей-курдом, который должен был уничтожить беглецов. Бажанову и Максимову удалось занять выгодные задние места, а их преследователи вынуждены были сидеть к ним спиной.

«Виноват во всем был Каруцкий, который слишком поздно меня известил. — Оправдывался позднее Алексей Пашаев. — Дальше я спешно поехал в Кучан и приехал как раз в тот момент, когда Бажанов и Максимов садились в машину ехать в Мешхед. Посредством наших ребят я тоже устроился в одном с ними автомобиле, надеясь предпринять что-либо в пути. Но, к сожалению, ничего нельзя было сделать. Охранявшие их солдаты не отходили от них ни на шаг. Так мы приехали в Мешхед».

Пашаев, конечно же, врал. Единственным «солдатом», сопровождавшим беглецов, был проводник-перс, который также ехал в автобусе. Кроме того, недалеко от Мешхеда автобус был задержан встречной машиной. В ней находился резидент ОГПУ в Хоросане Лагорский, он же Осипов. Пашаев вышел к нему из автобуса, и они долго что-то обсуждали у окраины дороги. Затем оба протиснулись в машину и вместе с беглецами проследовали в Мешхед.

Последующее бездействие сотрудники ОГПУ объясняли своей уверенностью в том, что у перебежчиков есть оружие. Так что до Мешхеда беглецы и преследователи находились в напряжении. Однако все остались живы и благополучно добрались до города.

В это время телеграфные аппараты в местном советском консульстве раскалялись от многочисленных депеш с инструкциями:

«Строго секретно...

Первого января из Ашхабада скрылся в Персию Бажанов, управделами ЦК КП(б) Туркменистана. Настоятельно требуется принятие всех мер, чтобы убедить персов возвратить Бажанова в Ашхабад, как крупного уголовного преступника. Он обвиняется в зверском, бандитском убийстве женщины, совершенном в Ташкенте. В случае отказа выдать этого преступника предложите администрации обмен Бажанова на одного из скрывающихся в Средней Азии персидских подданных, в получении которого заинтересованы власти Хоросана. Если для разрешения вопроса необходимо выделить администрации подарки, то обещайте таковые в сумме до 3 тысяч рублей золотом.

Заключение следователя тов. Дубсону высылается. Это нужно, чтобы он мог развернуть всю картину убийства, устроенную Бажановым. Уполнаркоминдел в Узбекистане А. Знаменский».

Первой достопримечательностью Мешхеда считалась древняя мечеть имама Ризы, где покоились останки мусульманского святого. Второй — гостиница «Доганов», располагавшаяся на улице Арк, где и остановился автобус с беглецами. Они тут же обратились к портье, сняли номер и несколько минут нервно прождали, пока в апартаментах произойдет уборка. За это время

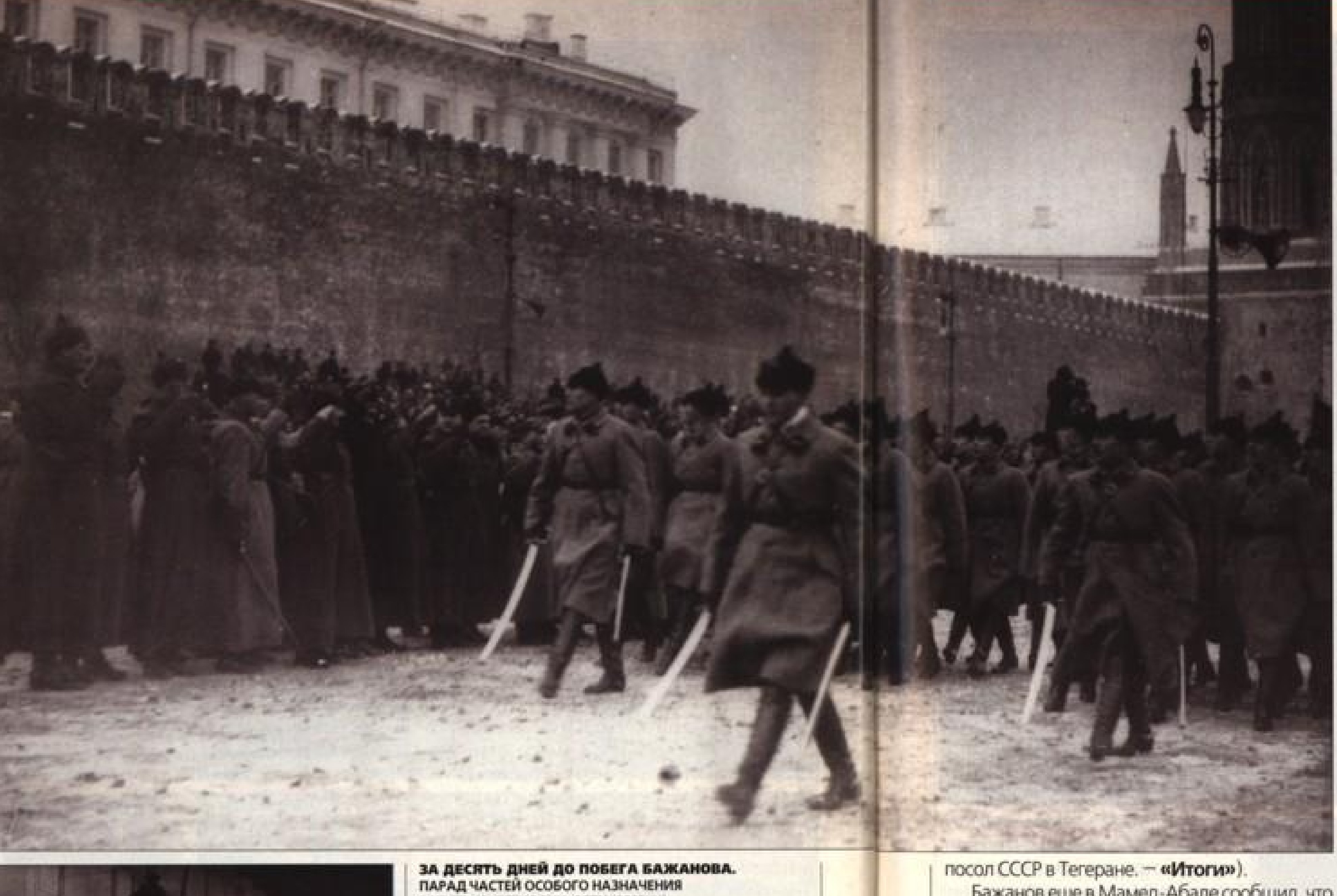
расторопный лакей предложил им «чашку освежающего кофе». Но как только Борис Бажанов поднес его к губам, он почувствовал резкий запах горького миндаля — запах, характерный для цианистого калия. В номере беглецов ожидал новый сюрприз — задвижка на внутренней стороне двери была кем-то снята. Других номеров в гостинице не было. Все они по странному стечению обстоятельств были забронированы. Бажанов и Максимов решили забаррикадировать дверь и продержаться до утра.

Через некоторое время постояльцам предложили ужин. Но они от него благоразумно отказались. Ночью к ним на балкон проник сотрудник гостиницы (советский агент Колтухчев), вооруженный револьвером. Однако к вечеру местная полиция уже взяла под свою опеку двух перебежчиков, и агент ОГПУ, попав в персидскую засаду, был арестован с оружием в руках. Его действия направлялись советским консулом в Мешхеде Дубсоном.

Учитывая опасность, которой постоянно подвергались беглецы в гостинице «Доганов», персидская администрация решила перевести их в полицейский участок, служивший одновременно тюрьмой. Это породило слухи, что русские перебежчики арестованы. Но только в этом здании им можно было обеспечить надежную охрану. Агенты ОГПУ каждый день маячили под окнами полицейского участка.

Тем временем советский консул продолжал действовать. 14 января он телеграфировал представителю НКИД в Узбекистане Знаменскому следующее: «Пока удалось получить от властей обещание задержать бежавшего и держать его в Мешхеде под арестом до получения от вас материалов. Телеграфируйте краткое содержание обвинения и фамилию пострадавшей. Досье прошу срочно выслать в Ашхабад, куда направляю дипкурьера. Если нужно будет сделать подарки, то сумма потребуется не менее 3 тысяч туманов».

На следующий день в Мешхед полетела ответная телеграмма: *«Жертва преступления Мария Морщинова убита Бажановым еще в сентябре, но дело полностью было раскрыто только в конце ноября. Указанную девушку, знакомую Бажанову еще в Москве, он увлек в Ташкент обещанием устроить здесь на работу и предоставить ей возможность учиться. Убийство явилось результатом личного разрыва и боязнью Бажанова, что Морщинова раскроет его уголовные дела, произведенные ранее в Москве.*

ЗА ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ДО ПОБЕГА БАЖАНОВА.
ПАРАД ЧАСТЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
В ЧЕСТЬ 10-ЛЕТИЯ ВЧК–ОГПУ (ВВЕРХУ)

1929 ГОД. ГРУППА СОТРУДНИКОВ ОГПУ У КОЛОННАДЫ БОЛЬШОГО ТЕАТРА.
В ПЕРВОМ РЯДУ КРАЙНИЙ СПРАВА ГЕОРГИЙ АГАБЕКОВ, ВОЗГЛАВЛЯВШИЙ В 1928 ГОДУ ОХОТУ НА БАЖАНОВА. В 1930 ГОДУ ТАКЖЕ БЕЖАЛ НА ЗАПАД, В 37-М БЫЛ ЛИКВИДИРОВАН В ПАРИЖЕ (СЛЕВА)

Постановление следователя о вызове Бажанова в Ташкент было отправлено через ЦК КП(б) Туркменистана в Ашхабад, Бажанов, как управдел, первым ознакомился с этим и, опасаясь ареста и суда, скрылся в Персию. Сегодня Вам посылается следственное определение по этому убийству, совершенному в гнуснейшей обстановке Бажановым. Для подарков можете распорядиться суммой в размере, Вами указанном». Советские власти старались с помощью дезинформации вернуть Бажанова в СССР. Нелогичность созданной легенды их не смущала. Консул в Мешхеде развернул атаку на все местные инстанции, рассчитывая на взяточничество, процветавшее в Персии. Кроме того, против Бажанова работала вся мешхедская резидентура, а вся информация о положении перебежчиков скапливалась у резидента ОГПУ Лагорского.

23 января 1928 года советский консул докладывал уполномоченному НКИД: «Получивши Вашу телеграмму, я немедленно поставил вопрос в официальном порядке перед местной администрацией и одновременно передал о происшедшем тов. Давтяну (в то время посол СССР в Тегеране. — **«Итоги»**).

Бажанов еще в Мамед-Абаде сообщил, что он является ответственным политическим работником и едет во Францию; от всяких показаний там отказался, заявляя, что говорить будет только с генгубом (генерал-губернатор. — **«Итоги»**). В Мешхеде он виделся с генгубом и амиром, на которых, по-видимому, произвел «должное» впечатление. Я в беседе с генгубом поставил вопрос о выдаче Бажанова, как уголовного преступника, убившего в Ташкенте женщину (согласно Вашей версии). К сожалению, Вы не сообщили никаких подробностей, и этим наша позиция затрудняется. Пока добился у генгуба обещания задержать Бажанова и Максимова в Мешхеде до получения от Вас обвинительного материала и содержания их под строгим арестом. В нужный момент попытаюсь использовать Ваши предложения об обмене и «подарках». В случае необходимости применения последних сумма должна быть увеличена до 3000 туманов.

Завтра посылаем машину с дипкурьером и надеемся обратной почтой получить Ваши материалы. Сделаем все, что в наших силах, чтобы добиться положительного для нас разрешения вопроса в Мешхеде, хотя это в настоящее время чрезвычайно трудно».

Консул действительно прилагал неимоверные усилия. В беседах с персидской администрацией он утверждал, что перебежчик похитил огромную сумму денег. По инициативе советского дипломата персидская полиция обыскала Бажанова и обнаружила у него 1200 советских рублей — зарплату за два месяца его работы в должности управделами ЦК КП(б) Туркменистана. Эта сумма равнялась по тем временам 600 персидским туманам или 7200 американским долларам. Впрочем, эти деньги не могли ни подтвердить, ни развеять подозрения. Главным был тот факт, что персидская полиция впервые пошла навстречу консульству СССР. И Бажанову в ближайшие дни оставалось ждать самого худшего. Тем более что ему стало известно о желании местного генерал-губернатора отправить беглецов в Тегеран. Это могло означать для перебежчика только одно — смертный приговор. Наверняка на дороге появилась бы засада ОГПУ.

Пытаясь перехватить инициативу, Бажанов направил губернатору послание, в котором сообщал, что в окружении шаха Персии находится советский секретный агент — министр двора Теймурташ. Губернатор на сигнал не прореагировал. Однако через несколько дней, когда в Мешхед прибыл командующий хоросанским военным округом генерал Шахзад Аманулла Мирза, информации о шпионе в шахском дворце был дан ход — Теймурташа схватили и казнили.

18 февраля генерал-губернатор Мешхеда информировал английского атташе о том, что направляет Бажанова и Максимова, вероятно, по их настоянию, в Дуздап, город на границе Персии и Британской Индии.

22 февраля представитель НКИД в Узбекистане послал в Мешхед отчаянную телеграмму: «Имеется известие о скором выезде Бажанова из Мешхеда в Дуздап. Это значит — он безнадежно от Вас ускользает. Если нельзя Бажанова получить легальным путем, то необходимо захватить либо устранить специальными средствами. Уход его в сторону Индии покажет полное наше бессилие и слабость всех Ваших связей — официальных и неофициальных. Очень просим принять решительно все меры и способы, чтобы ликвидировать это дело. Отпуск денег в прошенном Вами размере обеспечен: если нет в консульстве, можем перевести немедленно».

В тот же день информация о Бажанове и Максимове была отправлена и британским генеральным консулом в Мешхеде: «Двое русских, арестованных в Мешхеде, куда они прибыли из Туркестана, уже более двух месяцев содержатся в тюрьме. Пока нам не удалось установить их подлинные имена. Они заявляют, что принадлежат к партии Троцкого и хотели бы проследовать в Европу. Вначале местный генерал-губернатор намеревался отправить их в Тегеран, но 18-го числа он неожиданно информировал нашего атташе, что направляет их в Дуздап, откуда, по всей вероятности, они отправятся в Индию» (Гордон Брук-Шеппард «Судьбы советских перебежчиков»).

25 февраля Дубсон информировал Знаменского о том, что: «Бажанов и Максимов 20 февраля отправлены из Мешхеда в Дуздап в сопровождении сильной охраны. При создавшихся условиях мы бессильны что-либо предпринять для выполнения Вашего поручения».

«Теперь ясно, как бесславно провалено дело в Мешхеде», — сокрушенно подытожил Знаменский, получив сообщение Дубсона.

Жизнь советского перебежчика Бажанова в целом прошла спокойно. В 30-е годы он активно сотрудничал с польским генеральным штабом. Затем во время финской войны выезжал агитировать советских военнопленных. Однако в 1941 году он отказался сотрудничать с нацистами. Бажанов скончался в середине 70-х годов во Франции. ■

ТУРКЕСТАН. СЛУЖАЩИЕ ПОГРАНВОЙСК ОГПУ БЕСЕДУЮТ С МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ

Все архивные документы цитируются по материалам, хранящимся в РЦХИДНИ — бывшем архиве Института Маркса—Энгельса—Ленина.
Фото предоставлены Российским государственным архивом кинофотодокументов

Из православных — соборной анафемой

Архиерейский собор стало трудно отличить от партсъезда

Михаил Успенский

ОТЦЫ

С 18 ПО 21 ФЕВРАЛЯ В ДАНИЛОвом монастыре в Москве проходил Архиерейский собор Русской Православной Церкви. Собор сделал в сущности одно: анафематствовал священника Глеба Якунина и митрополита Филарета (Денисенко). Так обнаружилось, что в Церковь не только «вступают», но из нее еще и выставляют. Сана «пострадавшие» были лишены еще раньше: митрополит Филарет за поддержку независимой от Москвы Украинской Церкви, отец Глеб за участие в работе парламента. Митрополит Филарет уже назвал решение собора «смешным».

Широкая публика, не симпатизируя ни Денисенко, ни Якунину, вряд ли одобрит и отлучение. Во-первых, заметен двойной стандарт: запрещено не вообще заниматься политикой, а быть демократом в политике (как Якунин), запрещено не вообще быть националистом, а быть украинским националистом (как Филарет). Священников Александра Шаргунова и Дмитрия Дудко, активно поддерживающих коммунистов, не наказали — для них находится безбрежное терпение. До сих пор не анафематствован никто из лидеров Русской Православной Церкви за Рубежом, которые ввели в раскол не украинцев, а русских и для которых патриарх Алексий — жидовствующий антихрист. Хоть и шовинисты, а все же своя кровиночка.

МИТРОПОЛИТЫ СМОЛЕНСКИЙ КИРИЛЛ (СЛЕВА) **И БЕЛОРУССКИЙ ФИЛАРЕТ**
В ПРЕЗИДИУМЕ СОБОРА: ПОДПИСЫВАЮТ АНАФЕМУ ИЛИ ТАМОЖЕННУЮ ДЕКЛАРАЦИЮ?

И слава Богу, что никого из них не наказывают, только бы надо такое же терпение и к прочим православным проявить. Во-вторых, отлучение есть всего лишь запрет причащать человека в храмах определенной конфессии (в данном случае Московской Патриархии); оба «отлученных» давно уже в эти храмы не заглядывали.

Двадцатый век для Русской Церкви начался позорным отлучением от Церкви Льва Толстого, заканчивается отлучениями глупыми. Толстой был отлучен все-таки за ересь, он «умничал» о Христе, он по своему усмотрению редактировал Евангелие. Митрополит Филарет и священник Глеб Якунин во Христа веруют, никто не оспаривает православность их веры. Анафема обрушена не на еретиков, а на непокорных подчиненных, из акта веры окончательно превращена в чиновничий акт. Оба — личности полярные: один старый номенклатурщик, другой закоренелый диссидент, один спекулирует на национализме, другой на свободолюбии. Восторгаться ими невозможно. Но анафема искупает все их недостатки. Если человека расстреляют за кражу буханки хлеба, он перестанет быть преступником, преступниками станут расстрельщики. Анафематствовать украинского националиста, не анафематствуя националистов русских, означает обнаруживать собственный шовинизм. Бузотера, который пинает номенклатуру, отлучили. Но когда в декабре 1996 года архиереи решили вступиться за несчастных пенсионеров, они ограничились мягким увещевательным посланием, обращенным непонятно к кому, но точно не к тем, кто повинен в невыплате пенсий.

Общественное мнение особенно ждало решения двух вопросов: о «табачном скандале» и о канонизации Николая II. «Табачный скандал» был создан волной публикаций в прессе, обличавших церковную торговлю сигаретами и алкоголем. О табачном скандале с особым надрывом писали газеты, которые отличаются расизмом (всех негров представляют торговцами наркотиков, всех вьетнамцев — жуликами), которые умудряются одновременно травить власти и лебезить перед ними, сперва облаивают министра-мерседеса, потом почтительно извинения просят и жмут ему ручку, а потом опять облаивают.

На соборе не стали трогать митрополита Кирилла, которого — вместо Патриарха — изображали виновным в торговле табаком. Даже если торговля не была заранее согласована с патриархом (что маловероятно), то уж за последние полгода он об этом точно узнал. Выступая на Соборе, Патриарх оправдал коммерцию бедственным положением Церкви. Очень жаль, что общественное мнение так привязалось к церковной коммерции. Если уж бороться за чистоту церковных риз, то надо бы спросить, почему уже пять лет не отчитывается перед архиереями патриаршая комиссия по выявлению гебистских агентов среди иерархов. Прискорбно, что запал борьбы со стукачами куда-то пропал. Даже пеняют Якунину, что он огласил факт сотрудничества с КГБ и патриарха Алексия, и митр. Кирилла, и всей, как говорил Булгаков, «головки варьете». А ведь такое сотрудничество куда грешнее любой торговли.

Церковное начальство постояло друг за друга, не пошло навстречу «либералам», которым митр. Кирилл немил своим антиэкуменизмом. Впрочем, оно не пошло навстречу и консерваторам, которые требовали объявить о выходе из Всемирного Совета Церквей, вокруг которого организуется экуменическое движение, и канонизировать Николая II. Архиереи перенесли вопрос о канонизации на Поместный собор, мудро полагая, что монархизм в России идет на убыль и скоро совсем исчезнет. Так что проблема канонизации царя отпадет сама собой. Теоретически Поместный собор должен состояться в ближайшие три года, но практически его могут переносить до бесконечности. Неинтересно архиереям и покидать экуменическое движение. Тому выдвигают, по крайней мере, три объяснения: они вероотступники и готовят престол антихристу; они корыстолюбцы и не желают терять миллионы долларов от инославных христиан; они искренне ощущают близость к номенклатуре других церквей. Примечательно, что в экуменическом движении преобладают протестантские конфессии, прежде всего лютеране Германии, подобно Патриархии привыкшие к статусу государственного вероисповедания.

ЧЛЕНЫ СОБОРА В ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
(В ПОДКЛЕТЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ)

В целом Собор оказался сильнее в том, что он отказался делать, а не в том, что он сделал. Пожалуй, это хорошо иллюстрирует весьма распространенное среди иных православных отношение к жизни: замереть перед Богом, стараясь не грешить и отдавая на суд Божий оценку тех движений, которые все-таки придется совершить. Собор послужит поводом еще раз упрекнуть церковных лидеров в двуличии, в пресмыкании перед властью, в неумении быть нравственным ориентиром для народа. Но сами такие упреки основаны на психологии потребительской, которая ищет кумира, требует от архиереев быть хорошими, оставляя за собой право красть, лгать и пресмыкаться. Христианами же бывают те люди, которым ориентир не архиерей, а Христос, которые не переваливают на другого обязанность быть святым, а сами используют возможность попросить у Бога совершенства. ■

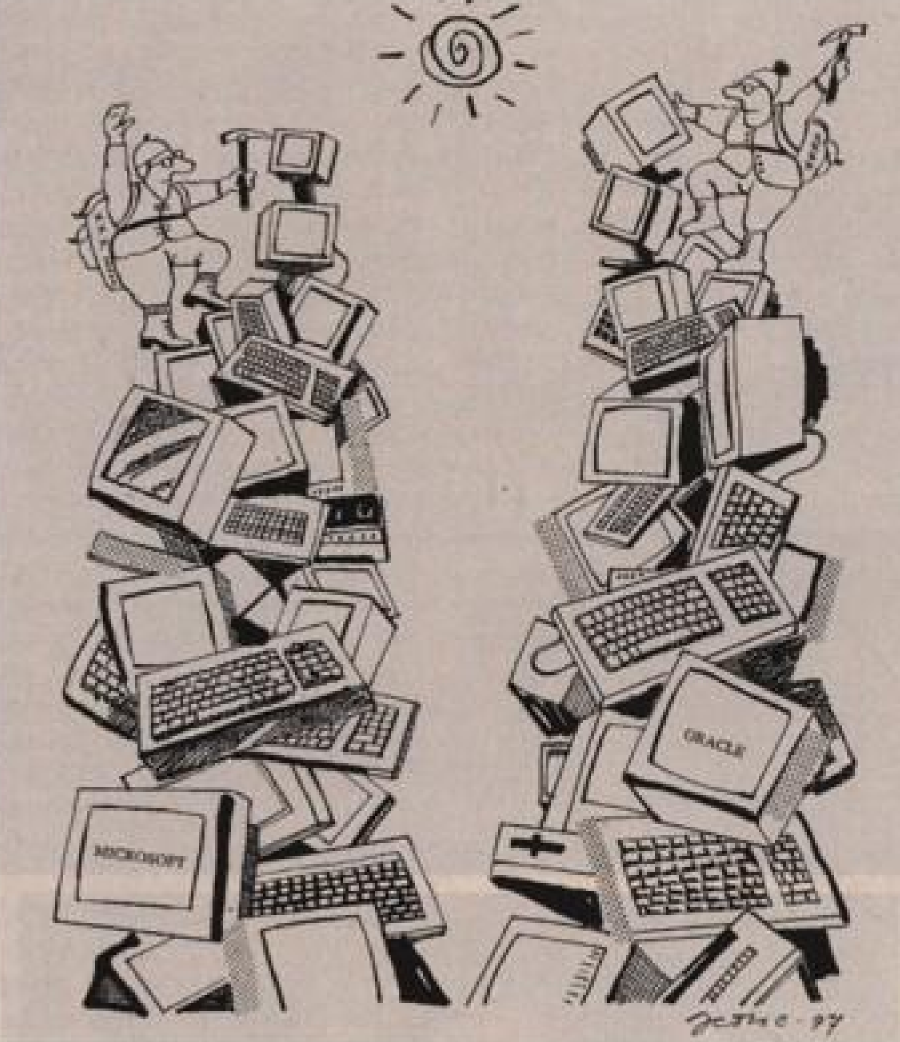
Фото Юрия Кавера

Толстый и тонкий

«Тощий клиент», или Сетевой компьютер как явление

Егор Быковский

ТЕХНОЛОГИИ

Развитие чего бы то ни было никогда не совершается по прямой. Это понимали даже в мрачное средневековье, поэтому на сторожевые башни замков воины всходили по спиральным лестницам, а не лезли прямо по стене, цепляясь зубами и ногтями. Небезызвестный мыслитель новейшего времени советовал опираться «на все знания, накопленные человечеством». Это положение в равной степени относится как к развитию колесного транспорта, так и к компьютерам. Оракул же мира персональных компьютеров Билл Гейтс, глава фирмы Microsoft, в свое время пошел по пути все большего линейного усложнения ПК и увлек за собой сотни миллионов пользователей всего мира (многих против своей воли).

Еще год назад любой пользователь на вопрос «какой персональный компьютер лучше?» отвечал ничтоже сумняшеся: «А чтобы процессор как можно быстрее, жесткий диск как можно больше... и вообще все навороты (графические адаптеры, видеоускорители, внешние накопители и пр.)». И если для домашнего пользователя в большой степени это до сих пор верно, то для корпоративного — нет. Системные администраторы, отвечающие в крупных фирмах за физическое и «интеллектуальное» состояние компьютерного парка, знают, как трудно постоянно отслеживать состояние программного обеспечения на сотнях и сотнях машин в громадных офисах. И каких денег стоит обновление ПО и «железа». По данным компании IDS, специализирующейся на исследованиях компьютерного рынка, совокупные затраты на обслуживание достаточно мощного офисного ПК составляют 8—10 тысяч долларов в год. Но главное — ведущие производители «железа» и «софта» для ПК никогда не выдохнутся и будут тащить за собой пользователя на буксире, заставляя его покупать все более мощные операционные системы и программы, в которых можно как «подбивать» домашний бюджет, так и обсчитывать траектории космических кораблей. Эти произведения ума человеческого могут работать только на очень «крутом железе» — следовательно, надо менять и его. И все время платить, платить. Можно ли устраниться от участия в гонке?

Третий цикл Эллисона

Отвлечемся на минуту и вернемся на пятьдесят лет назад. Как и большинство порядочных жителей Соединенных Штатов Америки, родители Ларри Эллисона были выходцами из России (позже, правда, оказалось, что в действительности они приходились ему двоюродными дедом и бабкой; свою настоящую мать, сбежавшую тогда от трудностей, Ларри разыскал только в 80-х годах). Ларри рос вполне обычным, милым и сообразительным ребенком, что, впрочем, совершенно не помешало ему не окончить с отличием курс в Чикагском и Иллинойсском университетах. Собственно, он вообще их так и не окончил. Что, в свою очередь, абсолютно не интересовало фортуну, к 90-м годам вознесшую Ларри на самую вершину — он стал номером два в компьютерном мире (после Билла Гейтса) и одним из самых богатых людей Америки. Долгое время фирма Oracle, которую он успешно возглавляет, ярко светилась на небосклоне системщиков и программистов, поскольку производила и производит отличный продукт — СУБД (система управления базами данных) Oracle. Сейчас Oracle — мировой лидер по продажам СУБД. Первая версия продукта была создана в 1979 году. Эллисон использовал при ее написании идею IBM, ухитрившись при этом опередить «голубого гиганта» на целых три года. В значительной степени по милости Oracle пользователи стали переходить от дорогих мэйнфреймов (компьютеров-гигантов) IBM к мини-компьютерам Digital — а Oracle при этом взлетала вверх. Но долгое время оставалась практически неизвестной для широкого пользователя — не очень-то она к этому и стремилась.

Но некоторое время назад — захотелось. Ларри Эллисон, человек вообще нетривиальный, родил «теорию Эллисона», согласно которой компьютерная индустрия развивается 15-летними циклами. Первый цикл — царство мэйнфреймов, за ним последовала эпоха персональных компьютеров (мини-компьютеров). Следующий цикл, который уже начался, будет ознаменован распространением сетевых компьютеров, инструмента по определению куда более массового (и дешевого!), чем ПК.

Что позволено «клиенту»

Что же такое за зверь — сетевой компьютер? Да просто терминал, но только интеллектуальный. «Клиент» (пользовательское устройство), по мысли апологетов сетевого компьютера (СК, он же NC — Network computer), должен быть как можно более «тощим», а сервер, с которым он работает — как можно более «толстым». Не нужен мини-компьютеру жесткий диск, на который вечно ничего не помещается, особенно сейчас, в эпоху мультимедиа. Не нужна громадная оперативная память. Не нужны современные гигантские операционные системы и программные пакеты. Все это — на сервере.

Собственно СК состоит из модема, клавиатуры и одного чипа, в который «зашиты» центральный процессор, поддержка памяти, звука и видео. Стандартный набор собственного программного обеспечения — электронные таблицы, текстовый процессор и e-mail, работа которых также поддерживается с сервера (на самом деле даже эти приложения — лишь фрагменты серверного ПО). Все это вместе не превышает цены в 500—600 долларов и в то же время на 80-90 процентов покрывает потребности рядового пользователя. А если нужно воспользоваться более сложными программными пакетами — к вашим услугам сервер, который их для вас и запустит. Тот же сервер может при желании прокрутить самый свежий видеофильм или компьютерную игру. Все данные пользователя и его файлы хранятся в особом «ящичке» на сервере и достаточно надежно защищены от взлома. Поскольку основная работа производится «мозгами» сервера, не имеет особого значения, насколько «крут» процессор самого СК. Также не имеет значения, насколько вы сами «дружите» с компьютером. Программное обеспечение под СК пишется с таким расчетом, чтобы от массового пользователя требовалось лишь умение читать и писать.

Oracle заинтересована в успехе сетевых компьютеров, поскольку они будут работать (если, конечно, ее стандарт СК победит, а ведь Microsoft со своим NetPC тоже не дремлет) на ее программной базе. Производят СК другие фирмы. Одной из первых это архиважное задание получила фирма Acorn из Великобритании. Существующий прототип оснащен процессором StrongARM, оперативной памятью в 2 Мб и ПЗУ объемом 4 Мб (Процессор относится к классу RISC-процессоров. Это немаловажно, так как RISC-процессоры того же поколения, что и Pentium, могут в два раза опережать их по скорости, будучи при этом существенно дешевле. В Intel-совместимых ПК их использовать нельзя, а для принципиально иной архитектуры СК они вполне подходят.) С этим самым прототипом связана забавная история. На первый взгляд, его архитектура страдает явным недостатком памяти и отсутствием графических акселераторов для мультимедиа. Так же полагала и группа опытных пользователей-преподавателей, которым сей СК был продемонстрирован. Поэтому после того, как они просмотрели на нем видеоклип с частотой 25 кадров в секунду, один из испытуемых, пытаясь обнаружить спрятанный мультимедиа-акселератор, разобрал машину на части и даже внимательно изучил кабели и шнур питания.

Еще один важный элемент СК — смарт-карта, при помощи которой пользователь идентифицирует себя при общении с сервером и расплачивается за серверные услуги. Она же позволяет пользователю настраивать любой сетевой компьютер «под себя», где бы он его ни обнаружил: в отелях, аэропортах, на вокзалах, в почтовых отделениях.

«ТОЩИЙ КЛИЕНТ» (В ЦЕНТРЕ) И ГЛАВА ORACLE

Недавно Ларри Эллисон, в очередной раз появившись на публике, заявил, что им была допущена ошибка. Сетевые компьютеры, возможно, не будут стоить 500 долларов. Они, возможно, вообще ничего не будут стоить сами по себе. Согласно Эллисону, приобретать СК за полную стоимость будут владельцы собственных компьютерных сетей, а клиенты провайдеров Интернета будут получать «тощих» клиентов задарма, вместе с именем и паролем. Возмещение стоимости устройств будет проходить за счет абонентской платы.

Оценим перспективу

Сразу обмолвлюсь, что автору этих строк сетевой компьютер не подойдет; разве что он воспользуется услугами по сетевой аренде специфического программного обеспечения, которое не хотелось бы покупать. В конце концов приятней ездить на собственном автомобиле, чем кататься на общественном транспорте. Да и основной массе российских пользователей домашних ПК тоже не стоит торопиться переходить на СК — доступ в Интернет пока что, не в пример Америке, стоит достаточно дорого, да и качество телефонных сетей... мм... как бы это помягче... В общем, минимальная скорость передачи данных должна равняться 28 килобод, и то мало. А в Москве в среднем сейчас — 9—14 килобод. Может, лет через десять... А вот для пользователей Интранетов (внутриофисных сетей с хорошей скоростью передачи данных) СК — как манна небесная. Их эра наступила. И кто бы ни победил в битве гигантов за будущий стандарт СК — Oracle или Microsoft, назад пути нет. ■

Забудьте про «луч света в темном царстве»

Генриетта Яновская поставила на Малой сцене ТЮЗа «Грозу» Островского

Дина Годер

ПРЕМЬЕРА

СЕМЬЯ КАБАНОВЫХ — ДРУЖЕСТВЕННАЯ, СЧАСТЛИВАЯ, ЭТО ВИДНО С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА. ВАРВАРА **(В. ВЕРБЕРГ)**, МАРФА ИГНАТЬЕВНА **(Э. ЗИГАНШИНА)**, КАТЕРИНА **(Ю. СВЕЖАКОВА)** И ТИХОН **(И. ГОРДИН)**

ИГРАЮТ НА СЦЕНЕ, И ТУТ ЖЕ, НА СЦЕНЕ, СИдят все восемьдесят зрителей. Сам пятачок — маленький, вокруг заборы. А «небо» художник Сергей Бархин открыл до самой крыши театра: видны верхние галереи, решетки, видно, откуда льет дождь. Вверх — огромное пространство, воздух. На сцене весна, Пасха: дерево увешано разноцветными крашеными яйцами, все ходят по-праздничному, с зелеными веточками в руках. Вдоль сцены в жестяной узкой канавке плещется вода — наверное, Волга. Редкие капли с неба, звеня, падают в корыта и шайки.

Яновская выстраивает провинциальную жизнь: тесный мир, окруженный заборами, мир семейных и соседских связей. Хорош ли, плох ли — мир маленький, знакомый, обжитой. Здесь царствует не смешной толстяк Дикой (Владимир Сальников), скандалист и ругатель, а глава местной шпаны Ваня Кудряш (Владимир Пучков) — веселый и безжалостный наглец с холодным прищуром. За голенищем у такого нож. Убьет — не моргнув, унизит — для смеха.

Вот так и начинается спектакль: ходит Кудряш со своим «шестеркой» Шапкиным (Николай Качура) по городку гоголем, ищет, над кем поглумиться. Первым встретил изобретателя Кулигина (Игорь Ясулович) — нелепое, беззащитное создание — и тут потешился на славу. Для своих, местных, это кажется вполне обыкновенным — привыкли. Трудно чужим. По-новому слышатся на этом фоне тоскливые слова приезжего «порядочно образованного» Бориса: «Я понимаю, что все это наше, русское, родное, а все-таки не привыкну никак».

Борис (Максим Виторган) здесь неуместен, как московский мальчик из интеллигентной семьи, впервые оказавшийся среди боевых деревенских сверстников. Жалкий и смешной в своем белом пиджаке, с вежливой книжной речью. Ищет общения, сносит издевки, пытается подстроиться, заискивает. Впрочем, именно такой и может поразить воображение провинциальной мечтательной девчонки, какою выглядит в спектакле Катерина (это дебют Юлии Свежаковой). Для нее он особенный, будто герой романа.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР ТИХОНА **(И. ГОРДИН)** С КУЛИГИНЫМ **(И. ЯСУЛОВИЧ)** О ТОМ, КАК ОН ЛЮБИТ И ЖАЛЕЕТ ИЗМЕНИВШУЮ ЕМУ ЖЕНУ

Жестокие и простодушные нравы в городе Калинове: только что «баловался» Кудряш и вот уже захлебнулся от восхищения, услышав, как поет Варвара, только глумился над Борисом и вот уже помогает ему. Простодушен и нелеп Дикой, сам изумляющийся своему скандальному нраву. И смешная девка Глаша (Ирина Нестерова), распахнув рот, слушающая враки странницы Феклуши (Ольга Демидова) о «людях с песьими головами» (тут же для наглядности и прошествует мимо такой. Его сверкающая «песья голова» напомнит театралам головной убор из «Аиды», сочиненный тем же Бархиным для Яновской в «Собачьем сердце»).

Но не это главное. В центре спектакля Яновской — семья, дом, которому суждено рухнуть.

На роль Марфы Игнатьевны Кабановой (то есть Кабанихи: но здесь назвать ее так язык не поворачивается) пригласили Эру Зиганшину из Петербурга — знаменитую Раневскую из «Вишневого сада» Опоркова 80-х годов.

Невысокая, худенькая Кабанова — стержень и опора дома. Зиганшина играет женщину умную, доброжелательную, сдержанную: к ней приходят за советом соседи, от нее ждут помощи нуждающиеся. Она никому не отказывает, держится просто, много работает и часто в заботах кажется усталой. Она вдова, на ней целый дом со множеством приживалов, взрослый сын слишком мягок, уступчив — куда ему совладать с таким хозяйством, а дочь — все в дверь смотрит, да и пусть погуляет, молодая еще.

Семья Кабановых — дружественная, счастливая, это видно с первого взгляда. Варвара (Виктория Верберг) и Тихон (Игорь Гордин) любят и поддерживают мать непритворно. Мать на многое готова закрыть глаза, обожает своих детей, гордится ими — вон какие оба выросли высокие да красивые. И боится за них. Варвара-то не пропадет: хоть и своя, но хитрая, ей палец в рот не клади, к матери ластится, а если надо, то и соврет. А вот Тихон хоть умен, но слишком сердцем чист: всех жалеет, всем прощает и на подозрения не способен. Того и гляди обманут, а он за себя и постоять не сможет.

Все бы хорошо, если бы не Катерина. Не то чтобы она чем-то была плоха, но Марфа Игнатьевна, прежде так хотевшая, чтобы Тихон женился, теперь не может перенести, что ее любящий, ласковый и послушный сын принадлежит не только ей. Ревность матери безотчетна, она хотела бы сдержаться, но не может, все в невестке раздражает ее: как говорит, как улыбается, как ведет себя с сыном. А Катерина — ясная, открытая, бесхитростная, совсем еще молоденькая, все вспоминает дом, маменьку и тянется к теплу и ласке этой дружной семьи, как младшая сестренка. Но когда приходит беда, мать пытается по-своему противостоять разрушению семьи: выходит ночью колдовать к реке, разводить Бориса с Катериной. Не удалось.

БУДЕТ ГРОЗА

Как редко нынче бывает, спектакль не вызывает ощущения невнятности, разболтанности, необязательности. Яновская выстраивает свою мысль внятно, настойчиво. Хочет достучаться до каждого. Поэтому в спектакле много рационального: объяснить, доказать, представить со всей очевидностью... Он сделан жестко и концентрированно. И сыгран точно. Три актера стоят того, чтобы их назвали еще раз: Эра Зиганшина, играющая Кабанову со страданием и силой, никогда прежде не свойственными этой героине (напоминая Вассу—Никищихину из «Первого варианта «Вассы Железновой» Анатолия Васильева). Игорь Гордин — Тихон, мечущийся между любимыми матерью и женой, человек тонкий, остро воспринимающий всякую грубость, но из-за своей деликатности не умеющий ей противостоять. Игорь Ясулович — натуральный философ Кулигин: юродивый и поэт, восторгающийся науками и природой.

И еще есть в этом спектакле простая и тоскливая бабская мысль: любить-то оказалось некого. Бог знает, что помстилось Катерине в вялом и инфантильном Борисе, не стоил он ее. И муж не защитил. Ни один из мужчин тяжести этой, ответственности взять на себя не смог. ■

Фото Александра Иванишина

Подлинное в ложном обличье

Гран-при фестиваля «Санданс» присужден фильму «Воскресенье»

ДЖОНАТАН НОССИТЕР (В ЦЕНТРЕ) И ИСПОЛНИТЕЛЬ ГЛАВНОЙ РОЛИ ДЭВИД СЮШЕ В ОКРУЖЕНИИ ОБИТАТЕЛЕЙ НОЧЛЕЖКИ НА СЪЕМКАХ ФИЛЬМА

Михаил Ямпольский

ВСЕ О КИНО

КИНОФЕСТИВАЛЬ «САНДАНС» на горнолыжном курорте Парк-Сити (штат Юта) был задуман его организатором Робертом Рэдфордом как место встречи независимых американских кинематографистов, как форум, на котором можно познакомиться с кинопродукцией, сделанной вне Голливуда. Постепенно, однако, функция фестиваля изменилась. «Санданс» стал местом встречи независимых кинематографистов с Голливудом. С каждым годом наплыв голливудских прокатчиков и продюсеров возрастал, и главным событием постепенно стал не столько конкурсный показ независимого кино, сколько коммерческие сделки, приобретавшие все больший размах. В прошлом году два независимых фильма были куплены за 5 и 10 миллионов долларов. Правда, в этом году максимальный барыш составил лишь 3 миллиона за фильм Тома ДиСилло «Ящик лунного света». Соответственно изменился и весь стиль фестиваля. Теперь начинающие режиссеры устремляются в Парк-Сити в надежде сорвать куш и подписать контракт с ведущими голливудскими фирмами. Мифологическое восхождение Тарантино началось именно после «Санданса». Фестиваль, который задумывался в поддержку независимого кино, постепенно начал играть прямо противоположную роль, содействуя его распаду, коренному изменению самого духа «независимого кинематографа». Зато, как и следовало ожидать, из провинциального национального киносмотра в Богом забытом американском штате «Санданс» с поразительной быстротой превратился в одно из важнейших кинomероприятий мира. Для Америки, во всяком случае, его значение сегодня не меньше Каннского фестиваля. Масса денег, которая оборачивается здесь, сравнима с той, что циркулирует на каннском кинорынке.

ИСПОЛНИТЕЛИ ГЛАВНЫХ РОЛЕЙ ДЭВИД СЮШЕ (ОЛИВЕР) И ЛАЙЗА ФЭРРОУ (МАДЛЕН)

«Санданс-97» привлек рекордное количество кинодельцов и зрителей. Отборочной комиссии были представлены около 600 фильмов, из которых на конкурс было отобрано 18 (в общем показе участвовало более 100). Но даже при столь жестком отборе фильмы мало радовали фестивальную публику. Самой большой неожиданностью киносмотра можно считать единодушное (едва ли не впервые в истории фестиваля) присуждение Гран-при и премии за лучший сценарий фильму «Воскресенье» режиссера Джонатана Носситера по сценарию Носситера и Джеймса Ласдена. Шок от решения жюри был особенно силен, потому что фильм не числился среди фаворитов, а критика его единодушно проигнорировала, так что некоторые рецензенты были вынуждены признаться, что, как и большинство их коллег, фильма не видели. Неожиданность заключается также и в том, что «Воскресенье» сознательно сделано вопреки господствующим сегодня в американском кино стереотипам. Это относительно медленный фильм без следа насилия, рассказывающий об одном дне жизни двух немолодых неудачников — мужчины и женщины. Он радикально выделялся на общем фоне лент о молодежи, сексе, проблемах семьи, на фоне ставших непременными «странных» персонажей и приправленной насилием эксцентрики в стиле Тарантино. «Воскресенье» — совершенно не «cool» («классный»), если воспользоваться этим модным словечком. Но главное даже не это — фильм Носситера и Ласдена настолько лишен смысловой одномерности, однозначности, характерных для американского кино, что озадачивает отвыкших от амбивалентности зрителей.

Фильм начинается в приюте для бездомных в нью-йоркском районе Квинс. Просыпаются его обитатели, среди которых малоприметный представитель среднего класса Оливер (великолепно сыгранный Дэвидом Сюше, известным телезрителям как Пуаро из множества экранизаций Агаты Кристи). В силу неясных для нас обстоятельств он оказался среди бездомных. Следуют микропортреты обитателей приюта. Но фильм, который обещает быть социальной драмой, таковой не становится. Оливер выходит из дома и встречает женщину средних лет Мадлен (Лайза Фэрроу), которая обращается к нему: «Вы знаменитый кинорежиссер Мэтью Делакорта? Мы встречались несколько лет назад на кинофестивале в Лондоне».

Оливер не отрицает, но прямо и не подтверждает сказанного женщиной, которая оказывается безработной актрисой. На протяжении всего фильма герой намекает Мадлен на ее ошибку, но одновременно втягивается в игру и длит мистификацию. Актриса возлагает на встречу с Оливером/Мэтью все свои надежды, связанные с профессиональной карьерой. Страсть, с которой она заблуждается (в глубине души зная правду), постепенно переходит в любовь.

Муж Мадлен, живущий в подвале ее дома, прикладывает неимоверные усилия, чтобы разоблачить невольного мистификатора. Он посылает ей факсы с портретами подлинного Делакорта, обнаруживает полнейшее незнание Оливером его собственных фильмов (тот даже толком не знает их названий). Но все попытки разоблачения, даже непредвиденная встреча Оливера и Мадлен с обитателями приюта, не разрушают иллюзии, которая каждый раз получает новую мотивировку («Мэтью, кто еще на вашем месте поселился бы в приюте для бездомных ради фильма?»).

Постепенно цепляние Мадлен за созданную ею иллюзию приобретает совершенно нереалистический оттенок, и интонация фильма меняется. Иначе начинают прочитываться некоторые элементы поэтики и детали сюжета, которые сначала не бросались в глаза: контрастная, искусственная фактура изображения (операторы Майкл Перроу и Джон Фостер), странное поведение мужа, беспрерывно гоняющего в своем подвале видео, в котором Мадлен запечатлена в роли «Герцогини де Лальфи» Джона Вебстера, его ложь Оливеру (муж утверждает, что шрам на его груди — след не от операции, а от раны, нанесенной Мадлен), эксцентрический интерьер спальни Мадлен, где деревья в кадках образуют какие-то тропические джунгли. Да и обитатели приюта постепенно предстают как люди, почти параноидально разыгрывающие какие-то странные роли. Фильм, начинавшийся как социальная драма, превращается в повествование о тотальном самозванчестве, царящем в обществе. В этом смысле мир маргиналов ничем не отличается от высшего общества или богемы, может быть, даже он еще в большей степени питает необузданную стихию иллюзий, где каждый пытается предстать не тем, кем он является. Впрочем, фильм ставит под сомнение само понятие человеческой идентичности как чего-то стабильного и ясного. В одном из эпизодов еврей Оливер заходит в православную церковь и причащается, понимая, что совершает кощунство. Но даже Бог не распознает обмана.

Кино, конечно, не случайно включено в сюжет фильма. Оно — хранитель кодов, которые преображают реальность в тотальную мистификацию.

И все же было бы неправильно считать фильм Носситера лишь критикой мистифицированности человеческого существования. Я думаю, что самое любопытное в «Воскресенье» — иное. Иллюзии не просто пронизывают существование персонажей. Их роль чрезвычайно амбивалентна. Невзрачный, незаметный Оливер в результате параноидального смещения реалий трансформируется в существо, полное значительности, и даже открывает в себе едва ли не романтического любовника. А главное — чувство, возникающее между героями, совершенно немыслимо без «ошибки» Мадлен. При этом любовь в фильме напоминает фрейдовский «трансфер» — перенос, подменяющий подлинный объект любви суррогатом. В мире суррогатов любовь вообще оказывается возможной лишь в форме «трансфера», позволяющего парадоксальным образом открыть подлинное лишь в ложном обличье. В «Воскресенье» критика мистифицированности существования уживается с глубоко лирической интонацией. Это критика, которая не позволяет себе быть только критикой.

Чувство неудобства, которое вызывает «Воскресенье» у рядового американского зрителя, связано с тем, что вместо привычных клише они сталкиваются здесь с персонажами, сложно преображенными под воздействием вошедшего в действительность кинематографа. Кинематографическая иллюзия дается не как таковая, не как структурный элемент фильма, а как форма существования персонажей, в которой нам предлагают не участвовать, а посмотреть на нее со стороны. Экран становится зеркалом, в котором зритель вместо знакомых героев обнаруживает незнакомых самих себя.

«Воскресенье» — абсолютное исключение в современном американском кино не только по сложности рефлексии, но и по качеству кинематографа. Боюсь, однако, что связывать с этим фильмом надежду на появление какого-то нового направления было бы еще одной иллюзией. ■

Кино — это культура свалки

«Моя сила в том, что я аутсайдер», — говорит режиссер Джонатан Носситер

Екатерина Корсунская

ПОБЕДИТЕЛЬ

— Джонатан, поздравляю. Гран-при на самом важном фестивале независимого кино в Америке — что-то будет дальше!

— Вы представляете, фильм пригласили в Канны! Это очень странно. Это знаете, как фестиваль в ста пятидесяти — нет, в двухстах — милях от Владивостока со скромными фильмами исключительно из России и откуда-нибудь из Казахстана или Белоруссии... И вот он каким-то образом выходит на уровень Канн. Ирония в том, что это ведь независимый фестиваль.

— Ирония и в том, что пресса ваш фильм почти не заметила, а жюри единогласно за него проголосовало. Что это значит?

— Просто мне повезло, в жюри собрались очень достойные люди. Знаете, в Америке надо различать кинообозревателей и критиков. Кинообозреватели обычно ничего в кино не понимают. На фестивале был единственный фильм, по-настоящему хороший и достойный приза, — «Черно-бело-красное». Его даже смотреть никто не хотел, а те, кто видел, говорили, что это дерьмо, что это издевательство — такой фильм на фестивале. А на всякую муть билетов было не достать. Действительно, издевательство... над фильмом. На нашем фильме хоть к концу фестиваля были полные залы.

— Значит, все-таки вас признали...

— Я вообще-то человек скептический и начинаю страшно нервничать, когда получаю какое-то признание. Это совершенно противоречит всей моей жизни. Я вырос, воображая себя аристофановским оводом, маленьким таким, з-з-з-з... Мне удобно в этой роли. Может быть, оттого, что ты рос в чужих странах, и оттого, что ты еврей, и оттого, что у тебя есть голова, которая иногда варит, как Граучо Маркс, который как-то сказал, что не хотел бы быть членом клуба, в который его примут. Но в этом есть и

свои плюсы: во-первых, я смогу делать следующий фильм, не думая о деньгах. Во-вторых, люди из Голливуда водят меня в какие-то невероятно дорогие рестораны, а я люблю выпить и поесть. Правда, когда в Лос-Анджелесе в ресторане роскошного отеля «Бель-Эр» я заказал недорогое вино (при этом одно из лучших), все были шокированы. По их представлениям, я должен был заказать самое дорогое. Они не знали, что я зарабатываю на жизнь, составляя карты вин.

— Карты вин?

— Я работал в парижских ресторанах с 15 лет.

— Как вы там оказались?

— В 15 лет я убежал из школы в Англии и уехал один в Париж. Прожил там около года, работал на стройке, а потом в ресторане.

— А ваши родители знали?

— Да! Они были очень либеральными. Мой отец был журналистом, в два года родители увезли меня в Париж, детство и юность я провел во Франции, Англии, Италии, Греции и Индии. Отец был одним из немногих людей, кто в 60-е годы на пресс-конференциях осмеливался противоречить де Голлю, хотя очень плохо говорил по-французски. Но это его не волновало. Он был такой... даже не то что «плевать я на вас хотел», а скорее... «...я вас хотел». Ненавидел напускание тумана. Такие вещи я ценю с детства. Когда мы вернулись в Америку, я поступил в университет, учил живопись, древнегреческий, часто ездил в Европу, работал ассистентом режиссера в театрах Англии и Америки. Сам театр мне был неинтересен, но я хотел научиться работать с актерами. А потом я устроился на студию — двигал мебель в павильоне. Как-то режиссер в шутку объявил, что я буду его ассистентом. Просто чтобы увидеть, как вытянутся лица у съемочной группы. Я встал и, вместо того чтобы с ним посмеяться, сказал: «Большое спасибо! Я очень горд. Я буду упорно трудиться». Он посмотрел на меня косо, но оставил. Это была моя киношкола. Но, уже работая в кино, я продолжал составлять карты вин. Я и сейчас делаю три новые карты.

— Помню, месяца два назад вы говорили, что собираетесь бросить кино и уехать в Европу?

— Ну да, я говорил, что в Америке делать кино невозможно. И вдруг получил высшую награду американского фестиваля. Но я все равно уеду когда-нибудь. Девять дней я слышал вокруг только разговоры о сделках. У вас товар, его надо продать... Речь не о том, хороший ли у вас товар, а о том, как обеспечить эффективный маркетинг. Это посткапиталистический принцип в кино: уже не сам товар на продажу, а умение продать как таковое. На фестивале за всеми, кроме нас, кто-то стоял: прокатчик, крупное голливудское агентство... Они знали, с кем заводить знакомства. Мы были просто никто. Мало у кого было время кататься на лыжах, а мы с Джеймсом (Ласденом. — **«Итоги»**) катались каждый день. В каталоге написали, что наш фильм «депрессивный». Потом по телевидению председатель жюри говорил, что впал в жуткую тоску. За что, мол, ему придется вытерпеть «очередной идиотский прогрессивный фильм» о нищете. И был шокирован, увидев, что фильм не имеет ничего общего с описанием.

— Звучит так, будто никакой разницы между независимым кино и коммерческим Голливудом уже нет.

— Разница в том, что в Голливуде деньги на производство есть до начала постановки. У большинства независимых денег нет, фильмы делают в долг в надежде потом вернуть потраченное и, если выйдет, заработать. Большинство фильмов, которые я видел, — это попытки доказать, что режиссер способен работать в голливудской системе. Фильмы в основном удручающе циничные.

— Что же случилось с независимым кино? Когда-то ведь все было не так.

— Конечно, положение изменилось к худшему. Но, думаете, даже в 60-е годы — в лучшее для этого кино время — кто-нибудь знал Кассаветиса? Или «Ночные движения» Артура Пена? Я сейчас получил заказ на короткий телефильм о Пене в серии «Кинорежиссеры о кинорежиссерах». Позвонил ему и сказал, что «Ночные движения» — один из самых удивительных американских фильмов. И вдруг этот семидесятилетний человек стал со страшной горечью рассказывать, как после выхода фильма критики писали, что, мол, надо бы хуже, да некуда. Так он и считается провалом Пена.

Сейчас ситуация нисколько не изменилась, а общая культура стала ниже. Люди стали безграмотней. В Голливуде недавно меня спросили, где я учился кино. Я сказал, что для работы над фильмом мне больше всего пригодилось изучение древнегреческого и Гомера. Они решили, что я дурака валяю, — чуть от смеха не попадали. А я говорил всерьез. Если вы понимаете Гомера, вы и про кино все понимаете. То, что сделал Гомер, куда радикальней любого Тарантино.

— Как это вы, человек совершенно не типичной для кинематографистов культуры, стали снимать фильмы в такое грустное для кино время?

— Выбора не было. Кино — это поприще для людей посредственных, это свалка. Вот почему оно так полно выражает нашу культуру. Это культура свалки. Чтобы быть писателем, вы должны в совершенстве владеть словом. Чтобы быть художником — ну, сегодня живопись кончилась, — но тридцать лет назад вы должны были увидеть все шедевры мировой живописи... Иное дело — кино. Возьмите Феллини. Он был бездарный журналист, ничтожный карикатурист, посредственный писатель. Но у него было немного таланта ко всему. Кино ведь держится на обмане, его суть — самозванство. Поэтому-то я так и полюбил историю Ласдена, по которой сделано «Воскресенье».

Я был дерьмовый художник, сидел в Париже, лудил анатомию, потом в Сан-Франциско занимался абстракцией — абсолютно бездарной. Я был третьестепенным литератором: написал десяток сценариев, один хуже другого. Чтобы быть ученым, у меня не хватает серьезности. Хотя занятия Гомером были, вероятно, самым важным событием моей жизни. Первый, кому я позвонил в Нью-Йорке после «Санданса», был мой профессор греческого. Кроме того, я не люблю быть один. Чтобы быть серьезным писателем или ученым, надо любить одиночество. Короче, кино было неотвратимо. К тому же на фоне невежества, царящего в кино, я чувствую себя не так скверно. Грустно, конечно, что мы живем в эпоху, когда все подходит к концу. Кино кончается, живопись кончилась, роман кончился.

— Но все же «хорошее» кино еще возможно? То есть чтобы и умное, и смотреть было интересно, и качество высокое?

— Люди, которые делают кино, такие же, как те, кто его смотрит. Вы стремитесь общаться с людьми, которым интересно то, что интересно вам. А снимать такое кино, значит, решать пластические задачи, владеть сложной повествовательной формой, уметь говорить о человеческих проблемах. Для этого надо грамоте знать. Идея о том, что кино — искусство изображений, существующее в постлитературную эпоху, глупость. Читать трудную книгу и смотреть трудный фильм — это одно и то же, и исчезновение литературной культуры неизбежно ведет к деградации кино.

— Но в Европе дела обстоят, кажется, не так печально?

— К сожалению, мы все едим один и тот же кинематографический биг-мак. И потом из-за государственных субсидий в европейском кино очень высокий уровень коррупции. Противно смотреть, как ленивы европейские режиссеры.

Что в Америке хорошо, так это сохранившийся ковбойский дух. Чтобы сделать фильм, ты все еще должен быть ковбоем. Это джунгли. И это мне нравится. В Европе много самодовольного нарциссического кино. Люди делают фильмы вместо психоанализа. Европа вялая. Я, например, надеюсь, что замечательное кино когда-нибудь появится в Африке. Я бы хотел поработать как продюсер на фильме африканского режиссера. Послать к черту и Америку, и Европу. Хочется чего-то свежего.

— Вы думаете, обновление придет из Африки?

— Не знаю. У них хотя бы нет такого количества денег, чтобы впасть в декаданс.

— Значит, если денег нет, еще можно сделать что-то свежее?

— Вот-вот. Конечно, интересные фильмы делаются повсюду. Но чтобы иметь субсидии, как во Франции, нужно войти в систему. А этого я не люблю. Конечно, присуждение приза фестиваля «Санданс» — один из счастливейших моментов в моей жизни, но все же мне немного не по себе. Моя сила в том, что я аутсайдер. Странно, но, мне кажется, «Воскресенье» все же осталось фильмом-аутсайдером.

— Российское кино — это целая национальная кинематография-аутсайдер. Вы любите кого-нибудь из российских кинорежиссеров?

— Недавно я посмотрел «Астенический синдром» Киры Муратовой. Ни один из фильмов, которые я видел за последние десять лет, не произвел на меня более глубокого впечатления. Это самый смелый, богатый, удивительный фильм, может быть, даже гениальный. Он придал мне смелости. Наш с Джеймсом сценарий критиковали за то, что он начинается в одном направлении, а потом сворачивает совершенно в другую сторону. Муратова в этом смысле идет куда дальше, чем мы. Но у нее на это и прав больше.

— А кто-нибудь еще из российских режиссеров вызывает у вас такие сильные чувства?

— Да. Тарковский. Я его не люблю. Я думаю, что за рубежом его успешно продавали как кинематографическое воплощение русской души. И западная аудитория с удовольствием приняла это претенциозное, интеллектуально слабое и эмоционально фальшивое кино. Тарковский воплощает фальшивую сторону кинопоэзии. Это такой набор западных клише о русской духовности. Конечно, у него есть удивительные моменты — например, последний план «Зеркала». Он, конечно, был очень талантлив. В нем просто не было честности.

Ну и, конечно, увидеть в первый раз белизну и бесконечность пространства в «Александре Невском» — все равно, что в первый раз переспать с женщиной. Я видел фильм, когда мне было 18 лет, в Музее человека в Париже, и до сих дрожь пробирает. Сила Эйзенштейна в том, что у него абстракции всегда обращаются прямо к сердцу.

А знаете, я ведь в этом году в Россию поеду. Наш фильм пригласили на Московский кинофестиваль. Отличная вещь Гран-при! ■

Вторая победа «Ивана Сусанина»

Большой театр воссоздал свой храм Христа Спасителя: легендарную постановку первой оперы Глинки

Ярослав Седов

РАРИТЕТ

«Иван Сусанин» в постановке режиссера Леонида Баратова и художника Петра Вильямса появился в Большом театре в 1945 году, в канун победы. Чем же главному музыкальному театру страны было поддержать триумф, если не первым шедевром основоположника русской классической оперы с патриотическим сюжетом о подвиге «простого человека» и национальным гимном «Славься». В роли Сусанина выступил легендарный бас Максим Михайлов, вышедший, как и его герой, из крестьян и завоевавший славу всенародного любимца. В танцах польского бала солировала ослепительная Марина Семенова. Спектакль сразу стал символом Большого театра и русской оперы вообще. С него начинается «золотой фонд» Большого: серия постановок русской оперной классики («Борис Годунов», «Хованщина», «Князь Игорь»), созданных Баратовым на рубеже 40—50-х годов в стиле «парадного реализма», впервые явленного в «Сусанине».

Эти спектакли шли в Большом вплоть до 1989 года. Мировая опера изобретала новые театральные решения, ниспровергала и возносила то одни сценические каноны, то другие. А Большой хранил свои тщательно выписанные на холсте соборы и лесные чащи, поражал живыми лошадьми и настоящими фонтанами на сцене, колокольным перезвоном, имитацией богатейших тканей, феерией оттенков янтарно-золотого солнечного света и сине-фиолетовой мглы зимних сумерек.

Наконец в 1989 году, когда руководство Большого в очередной раз сменилось, было решено ознаменовать следующий этап истории театра новой постановкой «Сусанина». Опере вернули название «Жизнь за царя», которое многие считают авторским (хотя Глинка подробно рассказал в своих «Записках», что писал именно оперу «Иван Сусанин», но перед премьерой ее представили царю, и он, одобрив сочинение, милостиво разрешил посвятить его себе. Название пришлось менять. Глинка предложил «Смерть за царя», но монарх поправил: «Жизнь за царя», ибо тот, кто пожертвовал собой ради Государя, обретает жизнь вечную»). Вернули и первоначальный текст барона Розена, замененный после революции текстом Сергея Городецкого, где монархическая тема была приглушена. Несмотря на инте-

ресную дирижерскую трактовку Александра Лазарева, новая «Жизнь за царя» оказалась курьезным воплощением шутки Евгения Петросяна: «Снесем эти старые развалюхи и на их месте построим новые». Два года назад, когда театральное начальство опять сменилось и Александр Лазарев покинул Большой, спектакль сразу исчез из репертуара. «Свято место» символа русской оперы опустело.

Это происходило в то время, когда полемические страсти в мировой оперной режиссуре поутихли и воцарилось спокойное сосуществование разных театральных «языков». Сейчас в зарубежной опере можно увидеть самые причудливые реконструкции и стилизации, которыми театры обмениваются, как товаром. В такой ситуации «золотой фонд» постановок Баратова, еще пять лет назад казавшийся безнадежно устаревшим, может снова ожить как образец «большого советского стиля 50-х годов».

Опера «Иван Сусанин» тоже могла бы прозвучать сегодня как художественное открытие. Мировой оперный театр уже давно интересуется вокальной техникой и малоизвестным репертуаром итальянского bel canto первой половины XIX века. Эхо этого интереса докатилось и до России. «Иван Сусанин» — из того же времени и тоже требует bel canto (что не акцентировалось в его исполнении со времен самого Максима Михайлова). Десятилетиями певцы давятся и фальшивят в «Сусанине», пытаясь петь акварельно-кружевные пассажи с тем же «патриотическим» надрывом, что и трагические народные плачи в операх Мусоргского.

Все эти нюансы заботили участников нынешнего возобновления «Сусанина» менее всего. Спектакль Баратова восстановлен просто потому, что театр считает, что он не может жить без «Сусанина» (как Москва — без храма Христа Спасителя), но поставить его лучше не в состоянии. То есть Большой предлагает считать его не памятником ушедшей культуры, а фактом сегодняшнего дня, последним достижением оперной режиссуры без всяких оговорок.

Возникает странное ощущение. Исполнители существуют отстраненно, будто в большом необжитом доме. Несмотря на все усилия Вадима Милкова, приглашенного восстановить спектакль, им с трудом дается предложенная игра в прежних артистов, самозабвенно отплясывавших польские танцы и патетично ликовавших в хоре «Славься». Оживленнее всех выглядит Владимир Маторин (Сусанин), отыгрывающий свои мизансцены с добродушной иронией, но, увы, часто теряющий точность вокальной интонации. В другом составе Максим Михайлов (внук знаменитого первого исполнителя Сусанина), напротив, представляет героя «всерьез», удачно вписываясь в стилистику Баратова. Лучше всех поет Лариса Рудакова (Антонида), ранее много и успешно исполнявшая сложнейшие партии bel canto, например Лючию ди Ламмермур в одноименной опере Доницетти в Большом театре и за рубежом. В драматических сценах ее голос, не теряя колоратурной легкости, обретает органичную для характера Антониды теплоту.

БОЛЬШОЙ ТЕАТР ПРЕДЛАГАЕТ СЧИТАТЬ ПОСТАНОВКУ «ИВАНА СУСАНИНА» 50-Х ГОДОВ НЕ ПАМЯТНИКОМ УШЕДШЕЙ КУЛЬТУРЫ, А ПОСЛЕДНИМ ДОСТИЖЕНИЕМ ОПЕРНОЙ РЕЖИССУРЫ

Дирижер Марк Эрмлер ведет спектакль размеренно, по-домашнему несуетливо, настраивая публику на благодушно-умиротворенный лад. Это позволяет зрителям по ходу действия и поразмыслить о своем, и вздремнуть, и вглядеться в детали. Можно заметить, что в ряду других постановок Баратова «Сусанин», пожалуй, не столь совершенен, как «Борис Годунов» или «Князь Игорь». Например, финал польского акта никак не решен: хор просто стоит, поет и не знает, чем себя занять. Вальс в постановке Ростислава Захарова выбивается из других изобретательных танцев своей немузыкальностью и приземленностью. Надо же было заставить воздушную балерину-сильфиду под самую поэтичную музыку чокаться с кавалером здоровенной чаркой. Убрав из текста барона Розена, плохо владевшего русским языком, перлы вроде «Как розан в саду в огороде цветет Антонида в народе», редакторы все же оставили: «Заря, возвести спасенья час ПРО царя», «Где наш царь покоится?» (в смысле находится) и разные комические неблагозвучия типа «как пташка лесная», что звучит (и звучало всегда): «какашка лесная».

Зато решена главная, по мнению постановщиков, задача: победила историческая правда. В финале на сцену выходит царь Михаил Романов, а не Минин и Пожарский, как в советское время. Теперь ясно, кого искали поляки в костромских лесах и кого в итоге спас Сусанин. ■

Усыпальница революционеров

Русский музей: пятилетие коллекции новейших течений

Андрей Ковалев

ПРОЕКТЫ

Раньше полагали, что искусство принадлежит народу. С появлением корпоративных коллекций стали активно обсуждать альтернативное мнение о том, что искусство принадлежит банкирам. Обе точки зрения принципиально неверны — искусство само по себе. Это скорее беда народа, что он обходится без искусства.

Вот, например, в последнее время много говорят о необходимости музея современного искусства. Все вроде бы есть — и искусство, и галереи, и журналы, но для полного счастья чего-то не хватает. Количество проектов музея современного искусства (далее — МОМА, от английского Museum Of Modern Art) трудно даже и сосчитать. Однако музей, как и театр, начинается с вешалки. Правда, можно поставить вешалку, но никакого музея, как и театра, не получить.

Музей современного искусства — очень странное и парадоксальное учреждение. С одной стороны, это просто музей, величественная усыпальница, в которой предметы искусства скапливаются и оберегаются с какими-то таинственными целями. Сами хранители музеев толком не знают, зачем они тащат все новые и новые трофеи, — ведь показать они чаще всего могут не больше половины. С другой стороны, МОМА, то есть музей современного искусства, собирает предметы, вообще еще не ставшие никакой Ценностью, которые часто напоминают просто груды ненужного хлама. Некоторые особенно радикальные теоретики современного искусства вообще полагают, что МОМА в России, во-первых, не нужен, а во-вторых, невозможен, пока существует такой шедевр модернизма, как Мавзолей Ленина. Эта слишком залихватская точка зрения не лишена определенного смысла. Можно в очередной раз процитировать Бориса Гройса о том, что музей современного искусства генетически восходит не к коллекциям предметов искусства, появившимся в античную эпоху, но к собраниям сакральных реликвий, всяким косточкам, щепочкам и пузырькам, которые со священным трепетом собирались во времена средневековья. Большинство знаменитых музеев, даже Лувр и Версаль, появились как коллекции современного искусства. Туда просто покупалось всякое искусство для украшения стен. В другом случае народы, страдающие от комплекса неполноценности и желающие приобщиться к кругу музеефицированных и цивилизованных, закупали музеи оптом — как Петр I или Екатерина Великая. Кстати, так же поступали в свое время и американцы. А музеи национального искусства, например Третьяковка и Русский, были вначале музеями очень современного и очень радикального на тот момент искусства.

Собиратель современного искусства вынужден действовать по принципу «Выбирай или проиграешь». Третьяковская галерея, которая осторожно ждет, что же решит Время, делегируя всю ответственность Будущим Поколениям, проиграла все. Ведь через двадцать лет будет совсем другое искусство, а того, что было двадцать лет назад (то есть сейчас), уже не будет. Физические носители исчезнут или будут недоступны, как это и произошло с неофициальным искусством 60-х и 70-х.

Безопасность и успех путешествий по времени, то есть работа в музее, иной раз требуют неординарных поступков. Русский музей в Петербурге оказался еще более осторожным, чем Третьяковка, и организовал пять лет назад экспериментальный отдел новейших течений. (При этом в музее продолжает существовать и отдел современного искусства — бывшего советского.) По поводу его пятилетия в корпусе Бенуа и была открыта выставка «Отдел новейших течений: первые пять лет». Начальник отдела Александр Боровский, человек, как он сам себя определяет, светский и респектабельный, сумел сделать почти невозможное: довести эксперимент до того состояния, когда он уже не выглядит экспериментом, имплантировать современное искусство в ткань музея. Что и значит — отправить в Вечность. Конечно, шов еще виден и выставка пока еще временная, но бабульки-смотрительницы — а они во всяком музее самые главные — уже стойко охраняют собранные из всяких странных предметов инсталляции и толкуют о проблемах неоакадемизма и концептуализма.

ЕЛЕНА ЕЛАГИНА. «У ИСТОКОВ ЖИЗНИ», 1991 ИНСТАЛЛЯЦИЯ

Боровскому удалось заполучить в Русский музей коллекцию немецкого шоколадного короля и самого крупного частного коллекционера современного искусства Петера Людвига. Это та самая коллекция, от которой так долго и успешно отбивалась Ирина Александровна Антонова, директор Пушкинского музея.

В хороший музей привозят и хорошие выставки. В частности, в прошлом году в Русский музей привозили роскошную выставку очень модного американского видеоарта. В Петербурге с современным искусством вообще как-то подозрительно хорошо. Самые бесшабашные выставки современных художников там проводятся в роскошных музейных залах. В Белокаменной, конечно, галерейная деятельность цветет намного пышнее, однако все больше в жалких конурках — в приличные места ее не пускают. Коллекция современного искусства, собранная Андреем Ерофеевым в полумифическом музее Царицыно, так и кочует по отдаленным выставочным залам и далеким заграницам. Да что говорить! В Питере даже шемякинский Петр I с откровенными признаками микроцефалии скромно жмется где-то в углу.

Итак, задача музея — привить актуальное искусство к тому, что считается искусством. А искусством считается то, что собрано в музеях. То есть задача музейщика — приколоть на булавки все былые хулиганства и творческие восторги, нарядить в приличный багет и аккуратно расклеить бирочки. То есть экспонировать «музейность» как отдельную эстетическую и социальную категорию. И эту задачу Боровский выполнил мастерски, показав в первом зале юбилейной выставки лихой питерский андерграунд 80-х. Боевые «Новые художники» круга Тимура Новикова, члены клуба имени Маяковского, и мрачные некрореалисты, и веселые дружбаны «митьки» оказались в таком контексте респектабельными и академичными — вполне достойными наследниками безудержных экспериментаторов

НА ФОТО СЛЕВА: **ТАТЬЯНА ПАРФЕНОВА.** «КВАДРАТЫ», 1996. ОБЪЕКТ. ПЛАТЬЕ, ШАРФ. ШЕЛК, ВЫШИВКА
ГЕОРГИЙ ПУЗЕНКОВ. «THERE ARE COMING», 1996 (НАВЕРХУ)
НА ФОТО СПРАВА: **ТИМУР НОВИКОВ.** АЭРОПОРТ, 1983. КОЛЛАЖ (НАВЕРХУ)
ОЛЕГ КОТЕЛЬНИКОВ. «ЭТО ЗДОРОВО», 1985 (СЛЕВА)
ОЛЕГ КОТЕЛЬНИКОВ. «ПОРТРЕТ ГЕОРГИЯ ГУРЬЯНОВА», 1985—1986 (СПРАВА)
ГЕОРГИЙ ПУЗЕНКОВ. «КВАДРАТ 28 КИЛОБАЙТ», 1996 (НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ)

ТИМУР НОВИКОВ. «СТРОГИЙ ЮНОША» (ПОРТРЕТ ГЕОРГИЯ ГУРЬЯНОВА), 1987

и борцов с буржуазным вкусом, собранных в двадцатые годы Николаем Пуниным в первом отделе новейших течений.

Но не все так просто. Собранные сотрудницей отдела Екатериной Андреевой опусы в стиле неоакадемизма — нового петербургского поветрия, насажденного тем же самым Тимуром Новиковым, — кажутся гораздо менее респектабельными и солидными. Декаданс ведь не в декадентской манерности, но в утрате энергии. А музей должен собирать то, что есть в реальности искусства. Есть веревочка — тащи и веревочку. Этой демонстрации музейности посвящена отдельная работа Африки (Сергея Бугаева), представляющая собой хорошо стилизованное пособие для музейных работников по деконструкции произведений «настоящего» искусства.

При всей своей брутальной респектабельности сама манера экспонирования коллекции отдела новейших течений не лишена легкой концептуальной игры. Во-первых, она хронологически вывернута наизнанку — начинается «ньювейвом» 80-х, а заканчивается капищем Великому и Ужасному Илье Кабакову, то есть художнику более ранней генерации. С московским искусством, правда, все довольно странно — почти отсутствует классический московский концептуализм. Собиратель, понятное дело, следует своему волюнтаристическому вкусу и если ошибается, то навсегда.

Когда Великий князь Александр Александрович, кроме передвижников, собирал в Русском музее еще и поздних академиков вроде восхитительного Семирадского (заклейменного Стасовым как порождение кича), он шел против течения. Сравнение Александра Боровского с Великим князем или даже с Павлом Третьяковым может вызвать недобрую усмешку, но в конце концов их объединяет общее дело — придание ценности неценному. ■

Фото Владимира Дорохова

«Женщины России» в галерее Марата Гельмана

ТРИ ХУДОЖНИЦЫ В ГАЛЕРЕЕ ГЕЛЬМАНА ИГрают в советские выставки, соблюдая негласные правила славных манежных экспозиций: здесь и лучезарно-казенное название, и пародирование обязательной репрезентации разных видов и жанров искусства. Роль станковых полотен исполняют фотографии кабинетных размеров (Татьяна Либерман), роль декоративно-прикладного искусства — панно, сотканные из дамских чулок (Алена Мартынова), а роль скульптуры отдана керамической малой пластике, чья родословная тянется от базарных кошечек (Таня Антошина).

По табели о рангах станковые картины на официальных выставках считались самыми главными, они задавали тон обзору. На фотографических картинах Либерман крупным планом запечатлено чрево дыни — оно втягивает зрителя в свои эротизированные внутренности, достигшие того пика спелости, за которым ощутимо тянет разложением. На ум приходит такая полузабытая ныне категория, как катарсис, ибо физиологическая отвратительность образов лишь усиливает восхищение жесткими работами Либерман.

Чулочные панно Мартыновой членят зал высокими выгородками, обнаруживая честолюбивые стремления стать витражами. Они несколько манерно оркеструют эротическую тему, что явно ощутимо по контрасту со смертоносной сексуальностью либермановских дынь. Предметно-осязательная многослойность туманных «нейлоновых витражей» органично переходит в метафорически-художественную: переплетения эластичных «лучей», сохраняющих воспоминания о женских ножках, изящны, изобретательны, они ассоциируются и с вялыми ирисами русского модерна, и с зазывными рекламами колготок в метро.

КИТЧЕВЫЕ «БРЕНЕРЧИКИ» ТАНИ АНТОШИНОЙ. ЭРОТИЗИРОВАННОЕ ЧРЕВО ДЫНИ, ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ ТАТЬЯНОЙ ЛИБЕРМАН

Третья российская женщина продолжает лучшие традиции отечественной культуры: она демонстрирует приверженность не плотской эротике, а чистому и трогательному чувству. С горочки в центре зала спускается не кто иной, как Александр Бренер. Как не влюбиться в этого красиво раскрашенного богатыря в целомудренных трусах! Он даже зад подтирает геройски... Скорее всего самому супермену-эксгибиционисту выводок китчевых двойников вряд ли пришелся бы по вкусу. Разве что — в соответствии с его специальностью палача чужих беззащитных работ — крушить их было бы удобно (впрочем, всех не перебьешь, глиняные «бренерчики» по идее неуничтожимы, поскольку сделаны в принципиально тиражной технике). Непростой оказалась любовь простой русской художницы, по сути дела надсмеявшейся над объектом своей страсти: отныне любая акция Бренера, даже столь длительная, как отсидка в голландской тюрьме, будет лишь поводом для коварной Тани увеличить попсовую семейку еще на одного члена.

Итак, в преддверии 8 Марта публике предлагается зрелище радостное, праздничное, жизнеутверждающее, как и полагается искусству женщин. Общеизвестно, что среди женщин-художниц, коими столь богат XX век, а уж Россия особенно, редки дарования разрушительной направленности — женщины по природе своей созидательницы. Вот и на этой выставке родовые черты женского искусства были еще раз успешно утверждены Либерман, Мартыновой и Антошиной. Они не только не спрятали стыдливо свою сугубо женскую суть, но с наслаждением ее обыграли. И родился, к общему удовлетворению, полнокровный ответ наших бабонек на кастрированность феминизма. ■

Александра Шатских

Домовой

На смерть Андрея Синявского — Абрама Терца

Когда 25 февраля в парижском пригороде Фонтене-о-Роз в возрасте 71 года ушел из жизни Андрей Донатович Синявский, по профессии литератор, то русская литература лишилась сразу двух писателей: Андрея Синявского и Абрама Терца.

Этим именам — больше, чем кому-либо — отечественная словесность обязана ощущением легкости и дерзости. Современный писатель — чувством освобождения от обязательной роли наставника народов и властителя дум.

В глухие советские времена благополучный литературовед и критик Андрей Синявский стал печататься на Западе под вызывающим, заимствованным у одесского бандита псевдонимом Абрам Терц. Был вскоре посажен. Процесс 66-го года, на котором литераторов Андрея Синявского и Юлия Даниэля судили за литературные произведения, даже не придумывая других поводов, прогремел на весь мир и во многом стал отправной точкой движения инакомыслящих в СССР.

Попав в мордовские лагеря, Синявский-Терц ответил так, как мог ответить только он, — написал, маскируя главы под письма жене, книгу о самом свободном человеке российской истории — «Прогулки с Пушкиным». И написал ее как свободный человек, впервые отделив поэта от хрестоматии.

Он ловко устроился: Синявский сидел, а Терц в это время писал.

За 20-летнее знакомство я видел Андрея Донатовича в разных декорациях и положениях, и его (их) всегда было двое.

В 77-м на биеннале в Венеции профессор Сорбонны Синявский сделал доклад, а Абрам Терц позволил себе такие реплики в прениях, что в залах Новых прокураций в замешательстве засуетились переводчики. В 79-м в Колумбийском университете Нью-Йорка Синявский рассказывал о протопопе Аввакуме, а снаружи стояли демонстранты с плакатами против Терца: «Второй Дантес». В Москве в 96-м мы сидели рядом на симпозиуме, обсуждая мелодраму в кино, и Синявский звонко прочел «Левый марш», сказав: «Вот это энергия! Не то что «Под черной вуалью...» А Терц добавил: «... трахаться». В 91-м в Бостоне на Синявского надели мантию почетного доктора Гарварда, а Терц, давясь от смеха, сказал мне, показывая на другого нового доктора: «Он был республиканским министром МВД, когда я сидел».

Отсидев пять с половиной лет, Синявский поселился во Франции. Там вместе с женой Марьей Васильевной Розановой издавал журнал «Синтаксис» и уже открыто воссоединился с Абрамом Терцем. Он — или они — написал много. Это была и гротескная беллетристика, и тот причудливый жанр художественной литературы о художественной литературе, который легче всего обозначить просто именем Синявского-Терца. Книги о Пушкине, Гоголе, Розанове, о русском фольклоре. Обратим внимание: его герои — всегда свободные творцы.

Таков был и сам автор, что никак не облегчало его жизнь. Уникальный случай в мировой словесности: он был не принят и так или иначе осужден трижды — в различных общественных ситуациях. Советская власть его отправила за решетку, антисоветская эмиграция назвала Дантесом, постсоветская Россия заклеймила клеветником и русофобом. При этом нет книги, более пылко и убедительно воспевающей творческий гений русского народа, чем «Иван-дурак. Очерк русской народной веры». В ней Синявский закодировал и себя — по-терцевски броско и парадоксально. Подобно мудрецу и философу, Дурак «находится в состоянии восприимчивой пассивности», потому что, «как никто другой, доверяет Высшей силе. Он ей — открыт». Он веселит публику («выполняет весьма важную функцию»!), а через эту деятельность протягивает нить между Дураком и Вором: «Оба они фокусники. Вор — всегда. Дурак — иногда». Кража в сказке не носит негативной окраски — это имитация чуда, «не апофеоз безнравственности, но торжество эстетики». На скрещении Дурака и Вора возникает образ Шута, чья задача — «превращать нормальную жизнь в клоунаду». Дурак служит проводником высших сил. Вор преступает установления и нарушает каноны. Шут веселит и развлекает. В сумме — это писатель.

Тогда в Бостоне, во время самого долгого моего разговора с Андреем Донатовичем, он говорил о писательстве как о выходе из «нормальной» жизни, о вызывающем желании параллельно существующей реальности создать свою, о том, что такое намерение вызывает и должно вызывать протест. «Я помню, как мне чекисты говорили: «Лучше б ты человека убил», — сказал Синявский. И еще он вспомнил: «Как-то в лагере ко мне подошел простой мужик, зек, увидел, что я мрачный, и говорит: «Ничего, писателю и умирать полезно!» Это он меня подбодрить хотел».

Писатель сам творит свою биографию, и в истории российской культуры останутся и извивы творческой судьбы Синявского, и его книги. Главное — книги. И еще главнее — явленная им модель поведения и отношения к литературе.

В «Иване-дураке» много сказано о малых божках языческого мира, и особенно тепло, с усмешкой и чувством сродства, — о домовом. Невысокий, сутулый, седобородый, Синявский в самом деле был похож. И видом, и занятием. Непонимание огорчало его, нападки задевали, но не поколебали ничуть. Этот домовой знал выбранное много лет назад дело — хранил свой дом, которым была свободная русская словесность.

Петр Вайль

Эта книга — воспоминания о годах, проведенных известным сценаристом Валерием Фридом в лагере в качестве «придурка», что на лагерном языке означает — не на общих работах, а где полегче: в канцелярии, в больнице... Слово «придурок» тянет за собой еще массу смыслов. Вот, скажем, Иван-дурак: все придуривался, а потом всех победил да вдобавок женился на царской дочке. «Придурку» Фриду удается нечто большее: он не просто уцелел, но самим фактом существования этой книги торжествует победу над злом.

Валерий Фрид
58 1/2. Записки лагерного придурка
М.: Дом Русанова, 1996

В русской литературе о неволе принято писать как о мученическом подвиге. Фридовским мемуарам ближе тональность европейского плутовского романа, где тюрьма — лишь эпизод, временно навязанный обаятельному герою. Он к нему соответственно и относится:«Арест это в конце концов дело житейское: кого посадили, кому повезло». Описываются нерадостные перипетии скукоженного лагерного быта, но автору почему-то все больше вспоминаются смешные, забавные, нелепые случаи. Он по-юношески легкомыслен и очаровательно несерьезен. Но легкомыслие придурка есть не что иное, как лукавая мудрость и простодушная ирония вечного фольклорного персонажа (или близкого ему персонажа Шолом-Алейхема с его удивительным «мне хорошо, я сирота»).

Книга Фрида — о той единственной жизни, которая «дается один раз» и дается, как материя из марксистской формулы, в наших ощущениях. И вот эта-то теснимая со всех сторон жизнь в весьма скверных ощущениях, по словам Даниила Хармса, «побеждает смерть неизвестным науке способом».

С какого-то момента записки приобретают — и это заслуга издателей и художника — свойства домашнего альбома со всеми присущими этому жанру особенностями: с массой трогательных любительских фотографий, а также с карандашными набросками, портретом, сделанным на стене мылом, и даже с кадрами фильма, снятого впоследствии по фридовскому сценарию. Визуальный ряд книги дает читателю возможность уютно расположиться внутри созданного автором пространства, любовно перебирая подробности чужой жизни и воскрешая в памяти собственные, так похожие на фридовские или же разительно от них отличающиеся. ■

Ирина Головинская

«Не верь глазам своим!» — хочется сказать читателю, который всерьез воспримет заглавие этой книги и подумает, будто автора и впрямь больше всего интересует патология и физиология революционных авторитетов. Увы, именно так восприняли книгу ее первые рецензенты. Но хотя героями этого, хочется сказать, документального романа и являются главные действующие лица революции (Ленин, Зиновьев, Сталин, Фрунзе, Дзержинский, Цюрупа и др.), хотя автору и важно распутать «исторические загадки» и рассказать о закомплексованных недоучках, из которых состояло наше первое правительство, он переносит анализ поведения деятелей политики и культуры из привычного пространства поступков и действий в план экзистенциальный. И ворошит самый «больной» комплекс XX века — жажду власти.

Виктор Тополянский
Вожди в законе
М.: Права человека, 1996

Интерес Виктора Тополянского к этому феномену заявлен с первых же страниц. «С каких это пор понятие власти стало равно понятию родины?» — цитирует он Набокова. Закольцовывают тему известные ахматовские строчки: «Но вечно жалок мне изгнанник, как заключенный, как больной...», которые здесь звучат как сострадание к человеку, неспособному на противостояние власти и за то обреченному на участь вечного блудного сына.

Сложная драматургия «Исторических загадок» скреплена экзистенциальной темой автора. Метафорический ряд уплотняет повествование и переводит конкретно-исторические ситуации в сферу размышлений о человеческой природе вообще. Тополянский — врач по профессии, историк по интересу к истокам событий, архивист по методу работы с материалом и писатель по владению словом — увидел за сценой, где мельтешат властолюбцы, пружины гораздо более серьезной драмы — смену кода в русской культуре XX века, битву этических ценностей внутри системы. И борьба эта гораздо суровее, чем борьба идей. Ее коварство в особого рода извращенности: в революцию, вспоминает автор слова Максимилиана Волошина, «справедливость ослепшая меч обнажает», «спазмы любви выворачивают народы», а «пулемет вещает о сущности братства». Слово и противослово бьют по одному и тому же смыслу; знакомые понятия словно вывернуты наизнанку; метафоры задают ключ к той «логической акробатике», оперируя которой люди внушили себе, что понятия-оборотни тождественны тем, среди которых они выросли. «Кончилось, как будто, навсегда, — пишет Тополянский, — время строить, беречь, творить — настало время разрушать, терять, ненавидеть. Ушли в предания дни, когда люди изгоняли бесов, — теперь бесы изгоняли людей».

И в книге, как на пленке, постепенно проявляются портреты «перерожденцев». Но с обратным знаком: не из революционеров в «контру», а из людей, воспитанных на нормах общечеловеческой морали, — в революционеров.

В криминальном государстве «даже элементарная порядочность становится бунтом», — пишет автор. И мы знаем по себе, что соблюдение элементарных норм порядочности и составляет для человека истинную серьезную проблему. ■

Галина Белая

Будет страшно – кричите громче

Андрей Хржановский снял фильм «Олег Каган. Жизнь после жизни»

Юлия Бедерова

ЖИТИЕ

НОВЫЙ ФИЛЬМ ЗНАМЕНИТОГО РЕжиссера-мультипликатора Андрея Хржановского — не анимация, хотя вмонтированные в кино фотографии кажутся почти живыми. Уникальный скрипач с благородным звуком, совершенной фразировкой и мерой эмоционального напряжения, интеллекта и воли, виртуоз с редкостной органической музыкальностью принадлежит реальности ушедшей, почти забытой.

Согласившись на предложение Натальи Гутман, Хржановский изменил своему жанру и сделал полудокументальный видеофильм. Впрочем, эта измена формальна. У режиссера всегда обнаруживалось удивительное умение слушать музыку. И здесь музыкальные фрагменты собраны корректно и чутко, без потери внятности и выразительности. (Так же выразительно были использованы, например, песни Шнитке в исполнении ансамбля Дмитрия Покровского в анимационном фильме по рисункам Пушкина.) Интервью накладываются на них, ничего не ломая. Моцарт монтируется со Шнитке, Брамс с Бетховеном. Фильм получается, кроме прочего, музыкальным.

По сути, Хржановский снял житие с использованием фотографии, домашнего видео, интервью и концертных съемок. В эстетике фильма соединяются привычная стилистика документального кино и «наивный стиль» домашнего видео. Череда документов, эпизодов-картинок, говорящих о самом существенном, — обрамление. Центр — фигура Кагана, звучание скрипки. Все работает на композицию в житийном жанре. Как и всякое житие, фильм повествует о духовном подвиге. О страданиях, выпавших на долю человека. О страданиях столь невыносимых, что в это невозможно поверить. О том, что чем человек светлее, тем страдания его невыносимее, а чем страдания невыносимее, тем светлее человек. В общем, множество слов, сказанных на крайне деликатную тему. Это очень хороший фильм. Хотя некоторые его эпизоды прямолинейны: слишком навязчиво маленький сын выдается за самого героя, спецэффекты, сопровождающие рассказ о смерти, вызывают странное ощущение. Впрочем, и сам рассказ о смерти, такой подробный и долгий, такой безупречно последовательный, не может не вызывать странных ощущений.

Кино длится, слов становится все больше, тема кажется еще деликатнее. Для Ростроповича (открывающий обе части кино, он смотрится не вполне уместным свадебным генералом) Каган — нежный, для Башмета — элегантный, «моцартианское дарование». Для дирижера Серджио Челибидаке — ангел. Рожденственский ценит в нем особый тип артистического излучения.

Здесь нет закадрового авторского текста. Нет объективных биографических данных, которые, впрочем, мало бы что сказали (год рождения — 1946-й, заслуженный артист РСФСР, первые премии на конкурсах Сибелиуса и Баха, вторая премия на конкурсе имени Чайковского в 1966 году). Только свидетельства. Для первого педагога Каган — тонкий, интеллигентный рижский ребенок. Для мюнхенского врача — пациент, которого долго спасали, но так и не смогли спасти.

Друзья и близкие свидетельствуют: болезнь случилась, когда в Мюнхене был карнавал. Сказочный городок Кройт неподалеку от Мюнхена показался Кагану раем, попасть в который при жизни —

ФОТО ИЗ АРХИВА НАТАЛЬИ ГУТМАН

ОЛЕГ КАГАН. 70-Е ГОДЫ (СЛЕВА)
ОЛЕГ КАГАН И НАТАЛЬЯ ГУТМАН. ИЮЛЬ 1990 ГОДА. КРОЙТ

странно. Механических кукол на часах мюнхенской ратуши он так и не увидел, хотя часто стоял на площади и ждал. Главный концерт в своей жизни — Бетховена — с Челибидаке он так и не сыграл (с репетиции увезли на очередную операцию). Зато, испытывая невообразимую боль, за несколько дней до смерти играл в любимом Кройте печальную Симфонию-концертанте с Башметом. Есть свидетельства того, как они с дирижером Юрием Николаевским репетировали в заброшенном доме на Арбате (на экране — пустой дом, и кажется, во время тех репетиций музыкантов тоже не было видно, словно они были духами стихий). Как во время гастролей по России с Владимиром Сканави укрывались в поезде тюфяками от холода. Как заснувший в черную грохочущую камеру для обследования («Будет страшно — кричите громче!»), чтобы не умереть, сосредоточенно пропевал фуги Баха. Что двойной концерт Брамса Каган и Гутман так и не удосужились записать на пластинку. Зато несколько лет подряд устраивали на даче под Звенигородом очень серьезный и почти сказочный фестиваль для детей. В фильме вообще часто звучат набоковские обертоны. Слишком «другие берега». Происходящее — фрагментарное, страшное или прекрасное — разворачивается словно в сознании малыша, играющего палочкой на палочке, как на скрипке. Изобразительный ряд делится на «здесь» и «там». Здесь — канонические концертные съемки. Высокое искусство. Там — упоение музицированием и валянием дурака в Кухмо, светом, воздухом, детьми — в Кройте, улицами, толпой — в Мюнхене.

Хржановский рассказывал о том, как знаменательна была для него случайная встреча в поезде с женой Кагана Натальей Гутман. И поезд стал в фильме метафорой: как водится, одиночества (и тех, кто зачарованно наблюдает за ним снаружи, и тех, кто поглядывает в темноту изнутри), быстротечности жизни, интенсивности ее проживания.

Имя Олега Кагана ассоциируется с целым списком имен (первые в ряду — Рихтер, Гутман). Более того — подразумевает специфическую традицию, круг, аристократию исполнительства, элитарные музыкальные практики советского времени. Парадоксально сочетавшие силу школы и невозможность догмата. Сдержанность, совершенство и мощь нестереотипных интерпретаций. И классики, и современной музыки (Кагану, кстати, во многом обязаны современные композиторы, и прежде всего Шнитке).

Элитарная культура оказалась хрупкой. Казалась вечной, а истаяла в один день. Попытки возродить высокий дух «Декабрьских вечеров», где блистало трио Каган—Рихтер—Гутман, терпят неудачу. Впрочем, это не из кино. В фильме — тихий трепет белой занавески, белого больничного покрывала. Вроде бы — реальность, а в то же время какая-то очень призрачная. ■

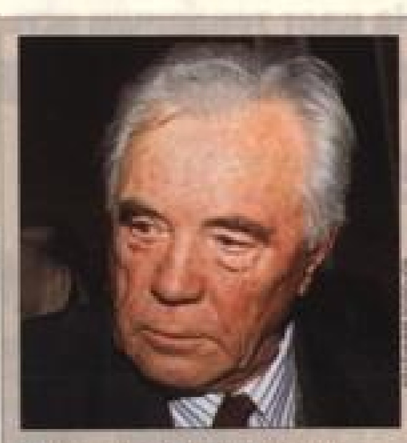

Третий избранник Башмета

«МОЩНЫМ МОТОРОМ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ» НАзвал Юрий Башмет своего давнего друга, дирижера Валерия Гергиева, вручая ему премию Международного благотворительного фонда, учрежденного в декабре 1994 года «Видео Интернешнл» и АО «Новая компания». Размер премии, носящей имя Дмитрия Шостаковича, — 25 тысяч долларов США. Она присуждается раз в год тем, кого Юрий Башмет как глава фонда сочтет «неповторимой творческой индивидуальностью, своим талантом обогатившей мировую культуру». Первым лауреатом в 1994 году стал скрипач Гидон Кремер, вторым, в 1995-м, немецкий певец Томас Квастхофф.

Гергиев отметил, что хотя эта премия далеко не первая в его коллекции и не самая крупная, и вообще за ним «охотятся» лучшие оркестры и импресарио мира, он все же весьма тронут, что его «при жизни хоть чем-то наградили у себя на родине». ■

Ярослав Седов

Будущий лауреат Пушкинской премии

Год на год не приходится. После «авангардиста» и «орнаменталиста» жюри Пушкинской премии Фонда Альфреда Тёпфера решило наградить «бытовика» и «реалиста». После Саши Соколова — Виктора Астафьева. Астафьев один из немногих официально признанных писателей, для кого 90-е годы обернулись не падением, а подъемом. Нашумевший роман «Прокляты и убиты» не получил Букеровской премии, вероятно, только из-за того, что по своему масштабу никак не укладывался в рамки одного года. Гораздо менее эпичная повесть «Так хочется жить» вошла в шорт-лист Букера-96. Наконец, уж совсем лирическая повесть «Обертон» в этом году была отмечена премией «Нового мира». В своих последних произведениях Астафьев смотрит глазами усталого демиурга на мир и человека, от которых в принципе ничего хорошего не ждет. Пушкинской премии тоже наверняка не ждал. Будем надеяться, что она для Астафьева — не последний приятный сюрприз. ■

Николай Александров

«Школе современного искусства» — 10 лет

24 февраля 1987 года в отремонтированном на скорую руку подвале на улице Воровского впервые прошел знаменитый спектакль Анатолия Васильева «Шесть персонажей в поисках автора» по пьесе Пиранделло. С тех пор у театра появились новые помещения (их здесь называют «студии»), сменилось несколько составов (в «Школе» играли студенты всех курсов ГИТИСа, которыми руководил Васильев), а также сыграно 22 премьеры (и это при том, что Васильева считают отшельником, закрывшимся в своем театре-лаборатории и совершенно не выпускающим новых спектаклей).

Круглую дату планировали ознаменовать выпуском спектакля «Путешествие Онегина», но с премьерой не успели, ее перенесли на апрель и праздник в театре провели тихо, по-семейному: поздравили трех участников первого спектакля, которые остались в труппе, и выпили шампанского. ■

Д.Г.

Ты сама догадайся по «Голосу»...

НЕДАВНО РАДИОСТАНЦИЯ «ГОЛОС Америки» отметила две круглые даты: 24 февраля — 55-летие со дня основания и 17-го — 50-летие Русской службы.

«Новости могут быть плохими или хорошими, но мы намерены говорить правду» — этими словами на немецком языке 24 февраля сорок второго года «Голос Америки» впервые вышел в эфир. Вообще США пришли в международное некоммерческое радиовещание сравнительно поздно. По данным Би-би-си, пионерами русскоязычного вещания на Советский Союз стали в конце 30-х годов Ватикан, Италия и нацистская Германия. Русская служба Би-би-си, недавно отметившая свое пятидесятилетие, опередила американцев на один год.

Сейчас «Голос Америки», транслирующий свои программы на пятидесяти двух языках, является одной из крупнейших в мире международных радиовещательных компаний. Ее репортажи каждую неделю слушают 86 миллионов человек, из них шесть миллионов — на территории бывшего СССР. В последние годы с программами «Голоса Америки» можно знакомиться посредством Интернета. Вопреки расхожему мнению лишь 3 процента эфирного времени «Голос Америки» отдает редакционным комментариям, отражающим точку зрения правительства США. 60 процентов занимают новости, 25 — материалы по экономике, науке, бизнесу, культуре, спорту и 12 процентов — это музыка, а также репортажи об американской индустрии развлечений. ■

VOA VOICE OF AMERICA

Московский корреспондент «Голоса Америки» **Александр Батчан**

На цвет товарищи есть

SCRABBLE

SCRABBLE, КАК ВСЯКАЯ ИГРА, ТРЕбует владения определенной техникой. Богатый словарный запас, разумеется, является необходимым, но отнюдь не достаточным условием для достижения хороших результатов. Довольно часто важно не столько использовать все буквы при своем ходе, сколько располагать слова максимально эффективно, используя цветные премиальные клетки. Партия в scrabble между опытными игроками превращается в борьбу за право выставить слово через самые дорогие красные клетки, и тот, кто преуспеет в этом, празднует победу. В сегодняшней задаче попробуйте взять гроссмейстерский рубеж в 200 очков. Сделать это можно, лишь агрессивно занимая цветные поля.

Задача №6

Попробуйте использовать все имеющиеся у вас буквы.

В₂ И₁ И₁ К₂ С₂ Щ₁₀ Ь₅

ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЮТСЯ

ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЮТСЯ

ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЕТСЯ

ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЕТСЯ

Решение задачи №6

А1→ КУВШИН (29+6[за слово из шести букв] x 3=105 очков)
А4↓ ШИТЬЕ (58 очков)
Е5↓ МОРС (7)
Н5→ СНАРЯД (11+6[за слово из шести букв] = 17очков)
Итого: 207 очков

В засаде

ПРЕФЕРАНС

ОХОТНИКОВ ДО ПРЕФЕРАНСА ПО темпераменту и стилю игры можно условно разделить на два класса — «загонщиков» и «ловчих». Первые стараются играть как можно чаще, рискуют, садятся, снова рискуют — все это в надежде закрыться первым и отыграть все потерянное, «вливая» партнерам. Вторые играют очень аккуратно, «вежливо» уступая возможность «сесть» более азартным игрокам. Они понимают: как пуля сложится дальше — никто не знает, а «висты — живые деньги» уже сейчас. «Ловчий» терпеливо ждет момента, когда «загонщик», увлекшись, сядет без двух и игра будет фактически сделана. Ведь всякий опытный преферансист знает, что лучшая игра — та, на которой вы сумели посадить своего соперника.

Разумеется, «ловчие» вовсе не отказываются от самостоятельной игры, но стремятся максимально эффективно использовать промахи зарвавшихся «загонщиков». А подсчеты показывают, что, сыграв семерную, вы выигрываете 14,7 виста, а посадив играющего на простой, зарабатываете (на двоих) 27,3 («железные» семь встречаются не так уж часто).

Правило «быть жадным — нехорошо» справедливо и в преферансе, поэтому, прежде чем говорить «вист», подумайте, может быть, при ваших картах вам лучше играть «в открытую», чтобы наверняка посадить соперника, а чем надежнее ваши висты, тем больше шансов на подсад и тем выше будет цена вашей (или вашего партнера по висту) ошибки. Вист «в темную» — тонкая игра и заслуживает отдельного обстоятельного разговора. А сегодня просто припомним старое присловье «не садись сам — уступи место товарищу».

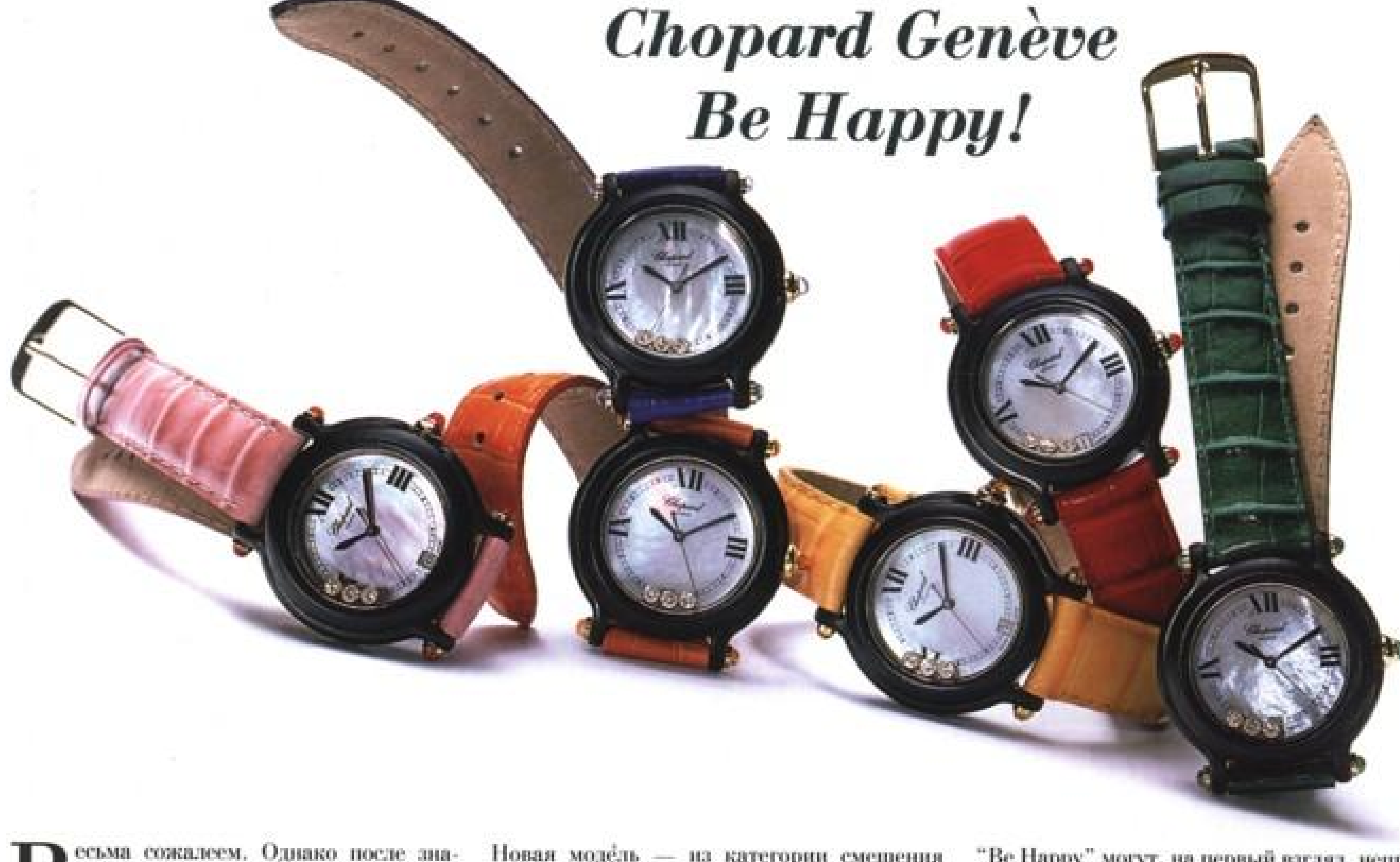
Наиболее часто используемая, рутинная тактика вистующих — опережение в козырях. Идея состоит в том, чтобы, попадая в козыря играющему, сохранить своих собственных, которыми впоследствии «убиваются» некозырные взятки соперника. Эта тактика весьма эффективна при наличии у играющего второй (кроме козырной) длинной масти, требующей розыгрыша. Опережение в козырях — довольно примитивная тактика, требующая от вистующих всего лишь некоторой аккуратности. Во-первых, следует выяснить, действительно ли вы опережаете играющего или просто наигрываете ему маленьких козырей. Во-вторых, необходимо решить, какой картой ходить в козыря, чтобы остающиеся у вистующих карты позволяли после розыгрыша козырей осуществить передачу хода в нужную руку. Если розыгрыш нескольких мастей позволяет попасть в козыря, то, как правило, играют из той масти, которая длиннее в руке с козырным вистом. Затем остается, казалось бы, только внимательно считать оставшихся козырей, чтобы вовремя остановиться. Но возможны осложнения. Попробуйте блеснуть техникой розыгрыша при решении практической задачи.

Страница Дмитрия Генина

Поправка: приносим извинения нашим читателям за опечатку в решении задачи №6, оно должно иметь следующий вид:
1) ♣Т, 10, ♦8; 2) ♣Т, В, 8; 3) ♣7, 10, К; 4) ♦9(!), Т, 7; 5) ♣9, ♦Д, ♥7; 6) ♦К, ♥10, ♦10; 7) ♠9, К, ♦В; 8) ♣Д, ♠7, ♠Д; 9) ♥К, 8, Т; 10)♠В, ♥Д, ♥В — пять взяток.

Решение задачи №7

1) ♥7, ♠9, ♠К; 2) ♦Т, 8, 9; 3) ♦7, 10, К; 4) ♠8, ♠Д, ♠9; 5) ♦8, ♠7, ♠10; 6) ♠8, ♠К, ♠Д, 7) ♦Д, ♠8, ♠9; 8) ♠В(попасть в козыря играющему можно, и самому пойти козырем), ♠10, ♠Т; 9) ♠В, 7, Т; 10) ♠Т, ♠К, ♠Д (пять взяток)

Весьма сожалеем. Однако после знакомства с "Be Happy" ("Би Хэппи") вы уже больше никогда не сможете смотреть на бриллиант просто как на бриллиант. Желая должным образом отметить двадцатипятилетие успешного существования коллекции "Happy Diamonds" ("Хэппи Даймондс") — своей знаменитой серии часов и украшений с плавающими бриллиантами — фирма "Шопар" решила ознаменовать рождественские праздники очередной премьерой поистине мирового размаха. Речь идет о выпуске новой модели часов "Be Happy", которая рискует стать самым неординарным, выходящим за рамки принятого событием в истории фирмы, ибо представляет собой соединение, казалось бы, несоединимого — бриллиантов и ... пластмассы.

Новая моде́ль — из категории смешения стилей. Это — некий "новый мутант". При всем этом трудно себе даже представить лучшее, чем эти часы, олицетворение сути того этапа, который переживает высокая мода нынешней весной.

Вводить новации, идущие в этом определенном направлении, "Шопар" стала, собственно, еще в 1994 году, когда выпустила часы "Happy Sport" ("Хэппи Спорт"), в которых соединила бриллианты со сталью. Теперь же, вложив три вращающихся вокруг своей оси и перемещающихся по циферблату бриллианта высшего качества в закрытый черный корпус из простого поликарбоната, фирма пошла в реализации своей идеи еще дальше. В результате свет увидели самые дешевые в мире часы с бриллиантами.

В столь неординарном сочетании компонентов новой модели, конечно же, ярко проявились свойственные "Шопар" жизнерадостность характера, чувство юмора. При этом создателям модели удалось строго соблюсти и традиционный для фирмы уровень часового мастерства, выполнить поистине магические тонкости ювелирного искусства, а также сохранить то авангардистское совершенство, ту не всегда понятную, но неизменно волнующую природу, которая обязательно отличает все творения знаменитой фирмы.

"Be Happy" могут, на первый взгляд, неприятно поразить вас, но только для того, чтобы потом вновь подчинить вас своему обаянию. Они могут поначалу показаться вам выражением некоего элитарного эстетизма, понятного лишь избранным, но тут же предстать откровением, дающим путь к познанию ранее вам незнакомого.

Эти часы-браслет одновременно ангельски наивные и чересчур броские. В них есть что-то грубовато спортивное и, в то же время, трогательно лучезарное. Их красота многогранна и именно поэтому, вероятно, она заслуживает того, чтобы быть выпущенной ограниченной партией. Такое решение, собственно, уже принято.

Только 9999 экземпляров "Be Happy" будут продаваться по миру исключительно через бутики "Шопар". В число 17 таких бутиков входит отныне и тот, что открыл свои двери в Москве в гостинице "Метрополь" по адресу Театральный проезд, д. 1/4 (тел. (095) 927 69 80).

Открытие этого бутика в Москве послужит дальнейшему утверждению в глазах российский клиентов высокого авторитета часовой фирмы "Шопар", ее особого образа, образа широко известной в мире, сверхтребовательной к себе, постоянно стремящейся к совершенству, дерзкой в своих новациях, твердо опирающуюся на разветвленную и все более широкую сеть международных филиалов.

Искусство сервировать стол — счастливая роскошь

В московском бутике "Шопар" вы сможете получить новый выпуск генерального каталога фирмы и, наконец — главное, с радостью открыть для себя первую коллекцию яркой и изысканной столовой посуды, выпускаемую знаменитой часовой и ювелирной фирмой "Шопар". Не кто иной, а именно Клоун Шопар — забавная эмблема, ставшая известной по коллекции украшений "Happy Diamonds" — запечатлен на прекрасной посуде, выполненной из лиможского фарфора "Рейно де Лимож".

Все это вы сможете приобрести в 17 бутиках "Шопар" в разных странах мира, в том числе и в Москве.

